ISSN 2227-4413

ВЕЛИКОРОССЪ

Литературно-исторический журнал

№2(4) 2012

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес:
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора 3

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей КАРА-МУРЗА
Аномия в России: понятие, причины и проявления 4
Тамара КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО
Без вести пропавший 108

ЮБИЛЕЙ

Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник
К 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года 14
Вячеслав БОГДАНОВ
На Бородинском поле 18
Виктор СОШИН
Родниковый голос поэта 22
Геннадий СУЗДАЛЕВ
Слава 28
Цвет агавы 30
Памяти Вячеслава Богданова 32

ПОЭЗИЯ

Михась ПОЗДНЯКОВ
Я снова один на один с тишиной… 34
Валентин СУХОВСКИЙ
Светят зори в луговые дали… 62
Владимир АРТЮХ
Я не усну под шорохи дождя… 75
Анатолий ПЯТОВ
Онемевшее сердце России 84
Светлана КОМРАКОВА
Отдохну, отосплюсь, отогреюсь… 96
Марина НОВИКОВА
Льётся память рекой полноводной… 104
Всеволод КУЗНЕЦОВ
Есть в том Божественная тайна… 122

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал ВЕЛИКОРОССЪ
№2(4) 2012
Выходит четыре раза в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.
Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО *«Издательский дом ВЕЛИКОРОССЪ»*

Подписано в печать 01.07.12.
Формат 70х108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ 2234.

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Виталий СЕРКОВ
Грустны любви моей аккорды… 129
Елена ТКАЧЕВСКАЯ
Взаимосвязь небесного с земным… 140
Юлия АЛЕКСАНДРОВА
Путешествие по большим
и малым городам России 149

ПРОЗА

Виктор ПРОНИН
Долгожданное преступление 39
Киевский торт 45
Отдушина 54
Николай ТОЛСТИКОВ
Уголёк 65
Брат во Христе 70
Николай ПОЛОТНЯНКО
Нос 90
Сергей ТРАХИМЁНОК
Дело лейтенанта Приблагина 99
Матвей ТУКАЛЕВСКИЙ
Китайский фонарик 126
Антон ЛУКИН
Жених из райцентра 133
Алёша хороший!.. 136
Юрий ПЕТРАКОВ
Версия «Зеро» 143
Сергей ДУБЯНСКИЙ
Египтянка 153

ВЕРНИСАЖ

Екатерина ВЛАСОВА
В городе Преподобного Сергия 81

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© *Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2012*
© *Авторы, 2012*

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Журнал «Великороссъ» продолжает знакомить с новыми произведениями современных писателей России и зарубежья. В нынешней общественно-политической ситуации, характеризующейся крайней размытостью мировоззренческих критериев, а также отсутствием доступно и убедительно сформулированной государственной идеологии, огромное значение принадлежит практическому единению всех общественных сил, стоящих на позициях духовного и государственного единства великой и многонациональной России, при ведущей и организующей роли русского народа. Принципы, на которых основывается журнал «Великороссъ» в своей работе, неизменны: безусловное уважение к истории России во всей её полноте; безусловное уважение к национальному началу; признание духовного братства народов на основе светлой духовности; верность преданию и традиции. В условиях продолжающейся духовной смуты мы можем противопоставить ей только последовательность наших убеждений и общенациональную организованность.

Писателей, представленных в этом номере журнала, при всём разнообразии их дарований, объединяет, прежде всего, горячая любовь к Отечеству, стремление приблизить его действительное государственное и духовное возрождение. Сергей Георгиевич Кара-Мурза – известный и авторитетнейший мыслитель, труды которого посвящены самым острым проблемам истории и современности... Виктор Алексеевич Пронин – автор всенародно любимого «Ворошиловского стрелка», своими произведениями пробуждающий в сердцах святые чувства справедливости и возмездия... Множество других писателей – прозаиков, поэтов и публицистов – продолжающих в нынешних непростых условиях своим талантом, своим пламенным словом служить России. Всем им журнал «Великороссъ» выражает искреннюю благодарность за сотрудничество. Только вместе мы возродим Россию, и, возрождённая, она будет независимой, свободной, устремлённой к светлому будущему – под сенью национальных святынь, идеалов подлинного народовластия и социальной справедливости.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ
Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Действительный член Петровской Академии наук и искусств

Сергей КАРА-МУРЗА

Аномия в России: понятие, причины и проявления

Сергей Георгиевич Кара-Мурза – родился 23 января 1939 г. в Москве. Советский и российский учёный, химик по образованию. Доктор химических наук. Профессор, автор работ по истории СССР, теоретик науки, социолог, политолог, публицист. Член Союза писателей России. Главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН. Член Экспертного совета «Политического журнала». Заведующий отделом комплексных проблем развития науки Российского исследовательского института экономики, политики и права в сфере науки и техники. Профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ.

Живёт в Москве.

Мысленно мы осваиваем кризис России как *систему* – рассматривая разные его срезы. Его интегральную модель сложить в уме пока трудно. Но описания частных сторон кризиса будут неверны, если не учесть того, что происходит с человеком, с его мышлением, совестью, культурой.

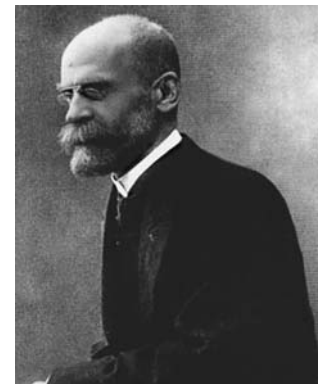
Рассмотрим общий фон нашего кризиса, который можно назвать *аномия России.*

Аномия (букв. *безнормность*) – это социальная патология, распад человеческих связей, массовое девиантное поведение, когда значительная часть общества нарушает нормы этики и права.

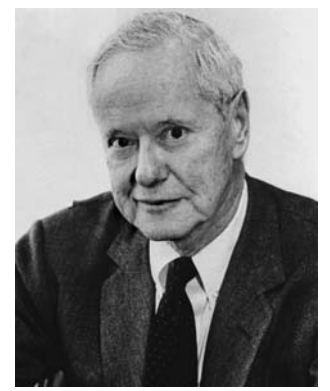
Э. Дюркгейм, вводя понятие аномии (1893), видел в ней продукт разрушения солидарности, которое пережил Запад в период становления буржуазного общества. На материале США середины XX века это понятие развил Р. Мертон, он писал: «Порок и преступление – «нормальная» реакция на ситуацию, когда усвоено культурное акцентирование денежного успеха, но доступ к общепризнанным и законным средствам, обеспечивающим этот успех, недостаточен»[1].

Американский социолог Макайвер называет аномией «разрушение чувства принадлежности индивида к обществу». Он пишет: «Человек не сдерживается своими нравственными установками, для него не существует более никаких нравственных норм, а только несвязные побуждения, он потерял чувство преемственности, долга, ощущение существования других людей. Аномичный человек становится духовно стерильным, ответственным только перед собой. Он скептически относится к жизненным ценностям других. Его единственной религией становится философия отрицания. Он живёт только непосредственными ощущениями, у него нет ни будущего, ни прошлого»[2].

Индивидуализм, одиночество личности, противоречие между навязанными обществом потребностями и возможностями их удовлетворения – вот причины аномии. Маргинальные группы, склонные к девиантному поведению, есть в любом обществе, но в советское время эту болезнь удерживали в приемлемых рамках. В ходе слома социального порядка происходит изменение ценностей и образа действий больших масс людей. В России они пришли в такое состояние разума и совести, что все общественные институты перестали выполнять свои привычные функции.



Э. Дюркгейм (1858-1917)



Р. Мертон (1910-2003)

После ликвидации СССР произошло лавинообразное нарастание аномии. Переломная точка – 1993 год, когда в восприятии людей реформа зашла в тупик. Тот год социологи характеризуют как критический: «Пик социополитического кризиса вызвал сильнейшую аномию и отчуждение буквально от всех социогрупповых образований и в первую очередь от больших коллективных солидарностей». Пусковым механизмом этого процесса стала «культурная травма». Это понятие было введено польским социологом П. Штомпкой, который писал: «Травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире... Травма может возникнуть на биологическом, демографическом уровне коллективности, проявляясь в виде биологической деградации населения, эпидемии, умственных отклонений, снижения уровня рождаемости и роста смертности, голода и так далее... Она может разрушить сложившиеся каналы социальных отношений, социальные системы, иерархию... Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений»[3].

Культурная травма может сохраняться и в следующем поколении, даже если положение стабилизировалось. Для лечения культурной травмы обществу требуется специальная программа реабилитации, но об этом сегодня и речи нет. Напротив, «элита» бередит людям раны, углубляя культурную травму.

Причины, порождающие аномию, являются *социальными* (а не личностными и психологическими) и носят *системный* характер. Можно выделить изменения в *образе жизни* (социальных правах, доступе к жизненным благам и пр.) и изменения в *духовной сфере* (оскорбление памяти, разрушение символов и пр.), но обе эти сферы связаны неразрывно. Приватизация завода для многих – не просто экономическое изменение, но и духовная травма, как не сводится к экономическим потерям ограбление в тёмном переулке.

Жёстко подходят к проблеме социологи, изучающие криминальное поведение. В.В. Кривошеев, пишет: «Дезорганизация, дисфункциональность основных социальных институтов, патология социальных связей, взаимодействий в современном российском обществе, которые выражаются, в частности, в несокращающемся числе случаев девиантного и делинквентного поведения значительного количества индивидов, то есть всё то, что со времён Э.Дюркгейма определяется как аномия, фиксируется, постоянно анализируется представителями разных отраслей обществознания. Одни... полагают, что современное аномичное состояние общества – не более чем издержки переходного периода... Другие рассматривают происходящее с позиций катастрофизма,.. необратимости негативных процессов в обществе, его неотвратимой деградации.

На наш взгляд, [это] свидетельствует об определённой теоретической растерянности перед лицом крайне непростых и, безусловно, не встречавшихся прежде проблем, стоящих перед нынешним российским социумом, своего рода неготовности социального познания к сколь-нибудь полному, если уж не адекватному, их отражению»[4].

Важный момент – «неготовность социального познания» к пониманию конкретного явления современной российской аномии. Это надо срочно преодолевать.

В.В. Кривошеев исходит из классических представлений о причинах аномии – распаде связей между людьми при крахе жизнеустройства. Он пишет: «Несколько поколений людей формировались в духе коллективизма, едва ли не с первых лет жизни воспитывались с сознанием некоего долга перед другими, всем обществом... Ныне

общество всё больше воспринимается индивидами как поле битвы за сугубо личные интересы. Переход к такому атомизированному обществу и определил своеобразие его аномии»[5].

В общем, социологи соглашаются, что аномия охватила большие массы людей во всех слоях общества, и болезнь эта глубока. Но похоже, обострения и спады превратились в колебательный процесс – после обострения люди как будто подают друг другу сигнал, что надо притормозить (это видно, например, по частоте и грубости нарушений правил дорожного движения – они происходят волнами), наряду с углублением аномии происходит и *восстановление* общественной ткани и норм.

Р. Мертон на этот счёт сказал так: «Вряд ли возможно, чтобы когда-то усвоенные культурные нормы игнорировались полностью. Что бы от них ни оставалось, они непременно будут вызывать внутреннюю напряжённость и конфликтность, а также известную двойственность. Явному отвержению некогда усвоенных институциональных норм будет сопутствовать скрытое сохранение их эмоциональных составляющих. Чувство вины, ощущение греха и угрызения совести свойственны состоянию неисчезающего напряжения»[6].

Рассмотрим истоки аномии, начиная с мягких «средств массового поражения». Прежде всего, надо сказать о *системе* оскорбительных действий власти и «элиты» времён перестройки. Достоинство людей было оскорблено уже тем, что доктрина перестройки строилась на лжи. Реформаторы воспользовались доверчивостью граждан, а после «победы» стали над ними издеваться.

А.Н. Яковлев (1923-2005)

А.Н. Яковлев писал в 2001 году: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина. Надо было ясно, чётко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о “гениальности” позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому “плану строительства социализма” через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” – по революционаризму вообще»[7].

Лжец теряет контроль над собой, как клептоман, ворующий у себя дома. Ложью обосновывалась *приватизация*, которая была небывалым соглашением между бюрократией и преступным миром – две эти социальные группы поделили между собой промышленность России. Этот союз нанёс по России колоссальный удар, и неизвестно ещё, когда она преодолеет его последствия.

Ложью были обещания власти не допустить безработицы в ходе реформы. Вот что говорил А.Н. Яковлев 4 мая 1990 года: «Сейчас в общественный обиход пущены идеи, утверждающие, что в стране сильно возрастёт безработица, упадёт жизненный уровень и т.д. Вообще рыночная экономика вводится не для того, чтобы ухудшить положение трудящихся, а для того, чтобы поднять жизненный уровень народа»[8].

Но в мае 1990 года было уже прекрасно известно, что в результате реформы как раз «сильно возрастёт безработица, упадёт жизненный уровень и т.д.» – уже были сделаны и опубликованы расчёты, которых Яковлев не мог не знать.

Рост патологических социальных явлений обуславливался и экономическими, и культурными факторами. СМИ с начала перестройки целенаправленно *развращали* молодёжь. Социологи из МВД пишут: «Отдельные авторы взахлёб, с определённой долей зависти и даже восхищения, взяв за объект своих сочинений наиболее элитарную часть – валютных проституток, живописали их доходы, наряды, косметику

и парфюмерию, украшения и драгоценности, квартиры и автомобили и проч., а также места их “работы”, каковыми являются перворазрядные отели, рестораны и бары. Эти публикации вкупе с известными художественными и документальными фильмами создали красочный образ “гетер любви” и сделали им яркую рекламу, оставив в тени трагичный исход жизни героинь.

Массированный натиск подобной рекламы не мог остаться без последствий. Самое печальное, что она непосредственным образом воздействовала на несовершеннолетних девочек и молодых женщин. Примечательны результаты опросов школьниц в Ленинграде и Риге в 1988 г., согласно которым профессия валютной проститутки попала в десятку наиболее престижных, точнее – доходных профессий»[9].

Телевидение крутило игровые шоу типа «Слабое звено», «За стеклом», «Последний герой». Их смысл – утверждение закона джунглей в России. Неспособные уничтожаются, а приспособленные выживают. Умри ты сегодня, а я завтра! Социологи писали: «Акцент делается на возможностях победы над противником через подкуп, сговор, активизацию тёмных, находящихся в глубине души инстинктов. Практически во всех программах прослеживается идея, что для обладания материальным выигрышем – т.е. деньгами, хороши любые средства. Таким образом, программы ориентируют зрителя на определённый вариант жизни, стиль и способ выживания»[10].

Но ведь превращение телевидения в генератор аномии – культурная политика государства!

Есть целый ряд способов углубить аномию. К ним, например, относится *профанация праздников*, которые вошли в жизнь подавляющего большинства общества и давно уже стали национальными. Кто-то придумал праздновать 7 ноября «годовщину военного парада 7 ноября 1941 года». Парад в честь годовщины парада! А в честь чего был *тот* парад, говорить нельзя. Такие вещи даром не проходят, они генерируют аномию.

Уход государства от выполнения сплачивающей функции и конфликт с большинством населения разрывают узы «горизонтального товарищества» и углубляют аномию. Вот рассуждения ведущего программы на канале «Культура» В. Ерофеева по поводу того, что в проекте «Имя России» лидировал Сталин: «Любовь половины родины к Сталину – хорошая причина отвернуться от такой страны, поставить на народе крест. Вы голосуете за Сталина? Я развожусь с моей страной! Я плюю народу в лицо и, зная, что эта любовь неизменна, открываю циничное отношение к народу. Я смотрю на него как на быдло, которое можно использовать в моих целях... Сталин – это смердящий чан, булькающий нашими пороками. Нельзя перестать любить Сталина, если Сталин — гарант нашей цельности, опора нашего идиотизма... Нам нужен колокольный звон с водкой и плёткой, иначе мы потеряем свою самобытность»[11].

Так идеологический работник того меньшинства, которое, как считается, победило «совка», реагирует на слабый жест побеждённых. Может ли власть не видеть, что вручила инструмент культурного господства поджигателю гражданской войны? Но для начала он создает аномию.

Особой общностью, которой была нанесена и продолжает наноситься глубокая культурная травма, является «советский человек». Численность этой группы определить трудно, но она составляет большинство населения, независимо от идеологических (даже антисоветских) установок отдельных её частей. Скорее всего, со временем эта численность сократится из-за выбытия старших возрастов, хотя этот тезис дискуссионный – судя по ряду признаков, «либеральная» молодёжь, взрослея и создавая семьи, вновь осваивает «советские ценности».

С 1989 года ВЦИОМ под руководством Ю.А. Левады вёл наблюдение за тем, как изменялся в ходе реформы советский человек. В заключительной четвёртой лекции об этом исследовании, 15 апреля 2004 года, Ю.А. Левада говорит: «Было у нас предположение, что мы, как страна, как общество, вступаем в совершенно новую реальность, и человек у нас становится иным... Оказалось, что это наивно... Мы начали думать, что, собственно, человек, которого мы условно обозвали “советским”, никуда от нас не делся... И люди нам, кстати, отвечали и сейчас отвечают, что они то ли постоянно, то ли иногда, чувствуют себя людьми советскими. И рамки мышления, желаний, интересов

почти не выходят за те рамки, которые были даже не в конце, а где-нибудь в середине последней советской фазы. У нас сейчас половина людей говорит, что лучше было бы ничего не трогать, не приходил бы никакой злодей Горбачёв, и жили бы, и жили»[12].

Итак, «советский человек никуда от нас не делся». Он просто «ушёл в катакомбы». Там он подвергается жёсткой идеологической обработке, часто с примесью культурного садизма. Любой тип, выходящий на трибуну или к телекамере с антисоветским сообщением, получает какой-то бонус. Антисоветская риторика узаконена как желательная, что и обеспечивает непрерывность «молекулярной агрессии» в массовое сознание населения.

В антисоветском мышлении уже с 60-х годов XX века стало созревать отношение к трудящимся как к «иждивенцам и паразитам» – чудовищный выверт элитарного сознания. Возникла идея «наказать паразитов» безработицей, а значит, голодом и страхом. Но открыто об этом стали говорить во время перестройки. Власть и сейчас настойчиво представляет «патерналистские настроения» большинства граждан России как иждивенчество. Это – нелепая и оскорбительная установка. Она дополнила социальный конфликт мировоззренческим, ведущим к разделению населения и государства как враждебных этических систем. Непрерывные попрёки власти и угрозы «прекратить государственный патернализм» уже не оскорбляют, а озлобляют людей и вызывают холодное презрение.

Если делать скидку на то волнение, с которым социологи формулируют свои выводы из исследований социального самочувствия разных социальных и гендерных групп, то массив статей «СОЦИСа» за 1990-2011 годы можно принять за выражение экспертного мнения большого научного сообщества. Важным образом этого коллективного мнения служит и длинный временной ряд – динамика оценок за всё время реформы. В этих оценках сообщество социологов России практически единодушно. Статьи различаются лишь в степени политкорректности формулировок. В массиве социологических исследований даётся описание широкого спектра проявлений аномии, от самых мягких – конформизма и мимикрии – до немотивированных убийств и самоубийств. Эти проявления начались на ранних стадиях реформы, и российские социологи были к ним не готовы.

Большое число работ посвящено аномии в молодёжной среде. В одной из них автор пишет, выделяя вывод курсивом: «*Сформировалось поколение людей, которое уже ничего не ждёт от властей и готово действовать, что называется, на свой страх и риск. С другой стороны, происходит индивидуализация массовых установок, в условиях которой говорить о какой бы то ни было солидарности, совместных действиях, осознании общности групповых интересов не приходится*»[13].

Сравнение динамики установок студентов за 1997-2007 годы указывает на углубление аномии в их среде. Но самыми незащищёнными перед волной аномии оказываются дети и подростки. Они тяжело переживают бедствие, постигшее их родителей.

В 1994 году социологи исследовали сознание школьников Екатеринбурга двух возрастных категорий: 8-12 и 13-16 лет. Выводы авторов таковы: «Ребята остро чувствуют социальную подоплёку всего происходящего. Так, среди причин, вызвавших появление нищих и бездомных людей в современных больших городах, они называют массовое сокращение на производстве, невозможность найти работу, высокий уровень цен… Дети школьного возраста полагают, что жизнь современного россиянина наполнена страхами за своё будущее: люди боятся быть убитыми на улице или в подъезде, боятся быть ограбленными. Среди страхов взрослых людей называют и угрозу увольнения, страх перед повышением цен…

Сами дети также погружены в атмосферу страха. На первом месте у них стоит страх смерти: “Боюсь, что не доживу до 20 лет”, “Мне кажется, что я никогда не стану взрослым – меня убьют”… Российские дети живут в атмосфере повышенной тревожности и испытывают недостаток добра»[14].

Как показал ход реформы, для большинства обедневших семей их нисходящая социальная мобильность оказалась необратимой. Сильнее всего это ударило по детям – произошла их сегрегация от благополучных слоёв общества. В 2004 г. социологи делают такой вывод (выделение авторов): «*Прогрессивное сужение социальных*

возможностей для наиболее депривированных групп начнёт в скором времени вести к активному процессу воспроизводства российской бедности, резкому ограничению возможностей для детей из бедных семей добиться в жизни того же, что и большинство их сверстников из иных социальных слоёв»[15].

Целые контингенты детей и подростков оказываются беспризорными или безнадзорными, лишившись всякой защиты от преступных посягательств и втягивания их самих в преступную среду. Без защиты семьи и государства большое число подростков гибнет от травм, насилия и душевных кризисов. В исследовании причин подростковой смертности сказано: «В последние 5 лет смертность российских подростков в возрасте 15–19 лет… в 3–5 раз выше, чем в большинстве стран Европейского региона. Главной причиной смертей являются травмы и отравления (74,4% в 2008 г.).

Реальные масштабы подростковой смертности от травм и отравлений заметно превышают её официально объявленный уровень за счёт неточно обозначенных состояний, маскирующих внешние причины, а также сердечно-сосудистых заболеваний, латентной смертностью наркоманов. Реальные масштабы смертности от убийств, суицидов и отравлений существенно выше официально объявленных за счёт повреждений с неопределенными намерениями…

По уровню самоубийств среди подростков Россия на первом месте в мире – средний показатель самоубийств среди населения подросткового возраста более чем в 3 раза превышает средний показатель в мире. И эти цифры не учитывают попыток к самоубийству[16].

Вообще, смертность от внешних причин (особенно от травм и отравлений) достигла в России очень больших размеров. Вот выводы одной из диссертаций: «Смертность от травм и отравлений может выступать маркером развития социальной ситуации в стране. В России… возобладали негативные тенденции, вследствие чего уровни травматической смертности российских мужчин в настоящее время более чем вчетверо выше, чем во Франции и США, и более чем в 8 раз выше, чем в Великобритании»[17].

Об инерционности аномии говорят сообщения самого последнего времени, в которых даётся обзор за ряд лет. Авторы обращают внимание на то, что даже в годы заметного улучшения экономического положения страны и роста доходов зажиточных групп населения степень проявления аномии снижалась незначительно.

Вот вывод психиатра, зам. директора Государственного научного центра клинической и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (2010): «Затянувшийся характер негативных социальных процессов привёл к распаду привычных социальных связей, множеству мелких конфликтов внутри человека и при общении с другими членами общества. Переживания личного опыта каждого человека сформировали общую картину общественного неблагополучия. Переосмысление жизненных целей и крушение устоявшихся идеалов и авторитетов способствовало утрате привычного образа жизни, потере многими людьми чувства собственного достоинства. Отсюда – тревожная напряжённость и развитие “кризиса идентичности личности”… Развиваются чувство неудовлетворённости, опустошённости, постоянной усталости, тягостное ощущение того, что происходит что-то неладное. Люди видят и с трудом переносят усиливающиеся жестокость и хамство сильных»[18].

В этом суждении важное место занимает уже травма, нанесённая духовной сфере людей, – крушение устоявшихся идеалов, потеря чувства собственного достоинства, оскорбительные жестокость и хамство сильных.

Наиболее остро эта проблема ощущается в молодёжной среде. Приведём недавнюю (2010) оценку: «Для установок значительной части молодёжи характерен нормативный релятивизм – готовность молодых людей преступить социальные нормы, если того потребуют их личные интересы и устремления… Обычно такая стратегия реализуется вследствие гиперболизации конфликта с окружением, его переноса на социум в целом. При этом конфликт, который может иметь различные источники, приобретает в сознании субъекта ценностно-ролевой характер и, как следствие этого, ярко выраженную тенденцию к эскалации»[19].

В России возникла массовая бедность, которая стала необратимой. Более того, в большом числе статей делается тревожное предупреждение о том, что в последнее

десятилетие рост средних доходов населения сопровождался относительным и даже абсолютным ухудшением положения бедной части общества. Это происходило из-за массового ухудшения здоровья этой части населения, а также из-за критического износа материальных условий жизни, унаследованных от советского времени.

Мощным генератором аномии стало созданное реформой «*социальное дно*». Оно сформировалось в России к 1996 году и составляло около 10% городского населения или 11 млн. человек. Вот выводы важного исследования: «В обществе действует эффективный механизм "всасывания" людей на "дно", главными составляющими которого являются методы проведения нынешних экономических реформ, безудержная деятельность криминальных структур и неспособность государства защитить своих граждан»[20].

Крайняя степень бедности – *бездомность*. И вот выводы социологов: «Всплеск бездомности – прямое следствие разгула рыночной стихии, "дикого" капитализма. Ряды бездомных пополняются за счёт снижения уровня жизни большей части населения и хронической нехватки средств для оплаты коммунальных услуг... Бездомность как социальная болезнь приобретает характер хронический. Процент не имеющих жилья по всем показателям из года в год остаётся практически неизменным, а потому позволяет говорить о формировании в России своеобразного "класса" людей, не имеющего крыши над головой и жизненных перспектив. Основной "возможностью" для прекращения бездомного существования становится, как правило, смерть или убийство»[21].

Общество терпит тот факт, что крайне обедневшая часть населения лишена жизненно важных социальных прав, и в этой нравственной и правовой норме аномия российского общества тотальна. Ведь формулировки социологов абсолютно ясны и понятны: «*Боязнь потерять здоровье, невозможность получить медицинскую помощь даже при острой необходимости составляют основу жизненных страхов и опасений подавляющего большинства бедных*»[22].

Своей бесчувственностью в социальной политике власть вкупе с «бизнесом» создали предпосылки для аномии, которая перемалывает российское общество.

Социальным фактом стало глумление «энтузиастов» реформ над тем большинством, которое в ходе реформ было обобрано. Это глумление происходит при благожелательном попустительстве государства (часто с использованием государственных СМИ). Это – механизм воспроизводства аномии.

Вот пример из Краснодарского края. Он иллюстрирует ту духовную атмосферу, в которой вызревали сгустки беззакония, как в станице Кущевской. Случай «мягкий», но красноречивый. Бывший председатель колхоза кубанской станицы Раздольная, на базе которого создан холдинг, руководителем которого он стал, рассуждает: «На всех землях нашего АО (все земли составляют примерно 12800 га) в конце концов останется только несколько хозяев. У каждого такого хозяина будет примерно полторы тысячи га земли в частной собственности. Государство и местные чиновники должны обеспечить нам возникновение, сохранность и неприкосновенность нашего порядка, чтобы какие-нибудь... не затеяли всё по-своему... Конечно, то, что мы делаем – скупаем у них пай кубанского чернозема в 4,5 гектара за две ($70) и даже за три тысячи рублей ($100), нечестно. Это мы за бесценок скупаем. Но ведь они не понимают... Порядок нам нужен – наш порядок». Бывшим колхозникам он так объяснил суть этого порядка: «Будет прусский путь! А вы знаете, что такое прусский путь?.. Да это очень просто: это я буду помещиком, а вы все будете мои холопы!»[23].

Совокупность всех этих социальных изменений породила массовый *пессимизм* – предпосылку аномии. Начатые в 1980-е годы и продолжающиеся в настоящее время исследования *социального самочувствия* обнаружили, по словам авторов, «мощную доминанту пессимизма в восприятии будущего России».

Важное массовое проявление аномии – короткие жизненные циклы. В.В. Кривошеев пишет: «Социальное беспокойство, страхи и опасения людей за достигнутый уровень благополучия субъективно не позволяют людям удлинять видение своих жизненных перспектив. Известно, например, что ныне, как и в середине 1990-х годов, почти три четверти россиян обеспокоены одним: как обеспечить свою жизнь в ближайшем году.

Короткие жизненные проекты – это не только субъективная рассчитанность людьми жизненных планов на непродолжительное физическое время, но и сокращение конкретной продолжительности "социальных жизней" человека, причём сокращение намеренное, хотя и связанное со всеми объективными процессами, которые идут в обществе. Такое сокращение пребывания человека в определённом состоянии ("социальная жизнь" как конкретное состояние) приводит к релятивности его взглядов, оценок, отношения к нормам и ценностям. Поэтому короткие жизненные проекты и мыслятся нами как реальное проявление аномии современного общества...

В состоянии социальной катастрофы особенно сильно сказалось сокращение длительности жизненных проектов на молодом поколении... В условиях, когда едва ли не интуитивно всё большее число молодых людей понимало и понимает, что они навсегда отрезаны от качественного жилья, образования, отдыха, других благ, многие из них стали ориентироваться на жизнь социального дна, изгоев социума. Поэтому-то и фиксируются короткие жизненные проекты молодых»[24].

Одно только это проявление аномии блокирует возможность выработки консолидирующего проекта выхода из кризиса – *люди не хотят думать о будущем*. Любые программы политиков повисают в воздухе, ими практически никто не интересуется, поскольку большинство людей живёт в коротком времени, они – временщики.

В.В. Кривошеев поясняет: «Поэтому-то и фиксируются короткие жизненные проекты молодых: наркоману бесполезно внушать, что до 30 лет доживает редкий из наркозависимых людей. Ведь больше жить ему просто не надо, он не видит, не может увидеть перспектив для себя в этой жизни. Не случайно, как свидетельствуют оценки экспертов, по сравнению с 1990 г. в 2002 г. число больных наркоманией в России возросло в 10 раз и достигло более 2 млн. человек. Молодому человеку, который чрезмерно потребляет спиртное, можно сказать, уже спивается, также бессмысленно говорить о жизненных перспективах, "открытости всех дорог". По данным Комитета по безопасности Государственной Думы в 2007 г. в стране было зафиксировано 65 тыс. алкоголиков, чей возраст не превышал 15 лет.

Укорачивание жизненных планов затрудняет внутрипоколенное общение, разрушает возможность объединения генераций людей вокруг неких немногих, но весьма важных общих базовых ценностей и установок. Естественно, дистанция между поколениями была и будет всегда. И всё же обвальное крушение прежних ценностных предпочтений в начале 1990-х годов вызвало рост отчуждения между поколениями и даже внутри них...

Итак, есть все основания утверждать, что в основе современной дезорганизации российского общества лежит переход к коротким жизненным проектам, что и вызывает аномичное состояние социума, блокирует многие предпринимаемые меры по усилению управляемости социальными процессами, преодолению тяжёлых последствий 1990-х годов»[25].

Но крайнее выражение аномии – рост преступности (особенно с применением насилия) и числа самоубийств. Положение, несмотря на очень благоприятную экономическую конъюнктуру 2000-2008 годов, тяжёлое. Главной причиной всплеска преступности стали социальные и культурные изменения в ходе реформы. В этом В.В. Кривошеев видит необычность воздействия реформы: «Специфика аномии российского общества состоит в его небывалой криминальной насыщенности... *Криминализация общества – это такая форма аномии, когда исчезает сама возможность различения социально позитивного и негативного поведения, действия...*

Криминализация на поведенческом уровне выражается и в ускоренной подготовке резерва преступного мира, что связывается нами с всё большим вовлечением в антисоциальные действия молодёжи, подростков...

Роль среднего класса в наших условиях фактически играют определенные группы преступного социального мира. Традиционные группы, из которых складывается средний слой (массовая интеллигенция, верхние слои других групп наёмного труда и т.д.), в российском обществе ни по своему статусному, ни по своему материальному положению не могут претендовать на позицию в нём»[26].

Такое состояние сознания и всей духовной сферы больших масс населения на всех этажах социальной иерархии – тяжёлая национальная болезнь. Подрывая всякую возможность рационального общественного диалога и преемственности поколений, она уже стала фундаментальным ограничением любых проектов восстановления и развития.

Эта общая беда должна стать одним из приоритетных пунктов в национальной повестке дня. Культурная травма реформ и порождённая ими аномия не вылечиваются сами собой, эти повреждения вошли в режим самовоспроизводства, разрушающий любые зародыши нового порядка в хаосе наших реформ. Избавиться от этой патологии можно только через большой национальный проект и государственную программу лечения и реабилитации общества.

Примечания

1. *Мертон* Р.К. «Социальная структура и аномия» // СОЦИС. – 1992. – № 2.
2. Цит. по: *Феофанов К.А.* «Социальная аномия: обзор подходов американской социологии» // СОЦИС. – 1992. – № 5.
3. *Штомпка П.* «Социальное изменение как травма» // СОЦИС. – 2001. – № 1.
4. *Кривошеев В.В.* «Особенности аномии современного российского общества» // СОЦИС. – 2004. – № 3.
5. Там же.
6. *Мертон Р.К.* «Социальная структура и аномия» // СОЦИС. – 1992. – № 2.
7. *Яковлев А.Н.* «Большевизм – социальная болезнь XX века» // Чёрная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / Куртуа С. и др. – М. : Три века истории, 2001. – С. 14.
8. *Яковлев А.Н.* «Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности» – М.: Новости, 1991. – С. 170.
9. *Карпухин Ю.Г., Торбин Ю.Г.* «Проституция: закон и реальность» // СОЦИС. – 1992. – № 5.
10. *Иванов В.Н., Назаров М.М.* «Массовая коммуникация в условиях глобализации» // СОЦИС. – 2003. – № 10.
11. *Ерофеев В.* «Похвала Сталину» // Огонёк. – 2008. – № 29. http://www.ogoniok.com/5055/13/.
12. *Левада Ю.* «Человек советский». http://www.polit.ru/lectures/2004/04/15/levada.html.
13. *Петухов В.В.* «Новые поля социальной напряжённости» // СОЦИС. – 2004. – № 3.
14. *Мошкин С.В., Руденко В.Н.* «За кулисами свободы: ориентиры нового поколения» // СОЦИС. – 1994. – № 11.
15. *Давыдова Н.М., Седова Н.Н.* «Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных» // СОЦИС, 2004, № 3.
16. Смертность подростков в Российской Федерации. М.: БЭСТ-принт. 2010.
17. *Антонова О.И.* «Региональные особенности смертности населения России от внешних причин» // Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата экономических наук. М., 2007.
18. *Александровский Ю.А.* «Социальные катаклизмы и психическое здоровье» // СОЦИС. – 2010. – № 4.
19. *Бабинцев В.П., Реутов Е.В.* «Самоорганизация и «атомизация» молодёжи как актуальные формы социокультурной рефлексии» // СОЦИС. – 2010. – № 1.
20. *Римашевская Н.М.* «Бедность и маргинализация населения (социальное дно)» // СОЦИС. – 2004. – № 4.
21. *Алексеева Л.С.* «Бездомные как объект социальной дискредитации» // СОЦИС. – 2003. – № 9.

22. *Давыдова Н.М., Седова Н.Н.* «Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных» // СОЦИС, 2004, № 3.
23. *Хагуров А.А.* «Земельная реформа на Кубани: региональный срез» // СОЦИС. – 2004. – № 5.
24. *Кривошеев В.В.* «Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе» // СОЦИС. – 2009. – № 3.
25. Там же.
26. *Кривошеев В.В.* «Особенности аномии современного российского общества» // СОЦИС. – 2004. – № 3.

ЮБИЛЕЙ

Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник

Знаменательной вехой в истории Бородинского поля стал 1839 год. 26 августа в присутствии императора Николая I, перед строем 150-тысячного войска и в присутствии 200 участников Бородинского сражения, на Курганной высоте (Батарее Раевского), главном опорном пункте русской армии в день битвы, был торжественно освящён монумент в память доблестных защитников Отечества, сооружённый по проекту архитектора А. Адамини. Незадолго до этого торжества у основания монумента был захоронен прах героя Бородина генерала П.И. Багратиона. Напротив Батареи Раевского была построена сторожка для воинов-ветеранов, которые, согласно Указу императора, должны были ухаживать за памятником и могилой Багратиона, вести Книгу записей посетителей, показывать приезжающим план сражения, находки с поля битвы. Так родился музей…

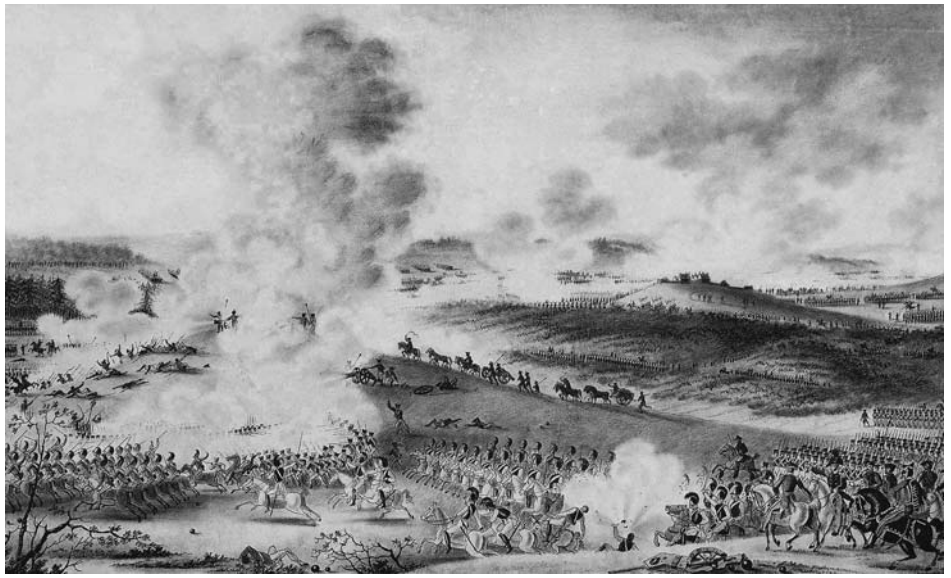
К 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года

Панорама Бородинского поля.
Главный монумент российским воинам – героям Бородина
Архитектор А. Адамини. 1839 г.
Разрушен в 1932 г., восстановлен в 1987 г.

Ансамбль Спасо-Бородинского монастыря (1820-1880-е гг.)
Монастырь основан М.М. Тучковой, вдовой убитого на Багратионовых флешах генерал-майора А.А. Тучкова.

Игумения Мария – основательница Спасо-Бородинского женского монастыря.
Фото с дагерротипа. 1840-е гг. Ещё в 1820 г. Маргарита Михайловна Тучкова, вдова генерала Тучкова, увековечила память о героях Бородина, построив на месте гибели любимого супруга церковь Спаса Нерукотворного. Этот храм стал центром монашеской пустыни, которая в 1838 г. по указу императора Николая I была преобразована в Спасо-Бородинский общежительный второго класса женский монастырь, а М.М. Тучкова, его основательница, стала первой настоятельницей, игуменьей Марией.

А. А. Тучков (1777-1812 гг.)
Литография И.А. Клюквина с оригинала из мастерской Д. Доу в литографском заведении К. Крайя. 1840-е гг.
Генерал-майор, командир бригады (Муромский и Ревельский пехотные полки) 3-й пехотной дивизии. Убит во время контратаки на Багратионовы флеши.

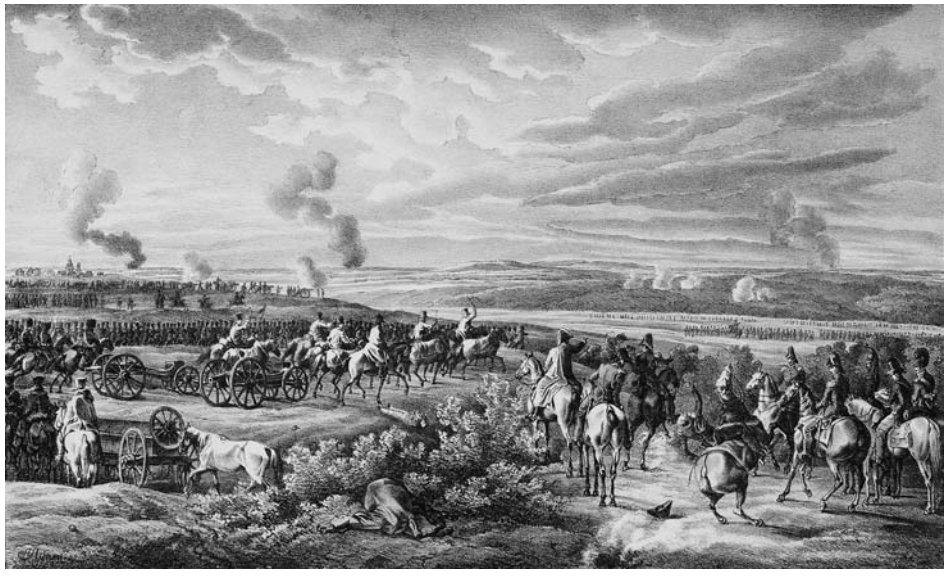


Битва под Москвой.
Гравюра Куше. 1810-е гг.

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром
Французу отдана.
Ведь были ж схватки боевые,
Да говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина.

Вам не видать таких сражений
Носились знамена как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел».

М.Ю. Лермонтов. 1839 г.



Сражение у Москвы в окрестностях Бородина вечером 5 сентября 1812 г.
Литография по рисунку А.Адама. 1827-1833 гг.

Памятник главнокомандующему русскими армиями М.И. Кутузову.
Архитектор П.А. Воронцов-Вельяминов. 1912 г.

Памятник 24-й пехотной дивизии генерала П.Г. Лихачева.
Неизвестный архитектор. 1912 г.

Памятник Кавалергардскому и лейб-гвардии Конному полкам.
Архитектор А.П. Верещагин. 1912 г.

Вячеслав БОГДАНОВ

К 75-летию со дня рождения

Вячеслав Алексеевич Богданов (1937-1975) – один из ярких, талантливых русских поэтов. Родился в д. Васильевка Мордовского района Тамбовской области, в семье потомственных крестьян. Отец погиб на фронте под Курском в 1942 г. Мать одна растила троих детей. В 1953 г. по набору в школу ФЗО Богданов уехал учиться в Челябинск. 15 лет проработал на Челябинском металлургическом заводе. Стихи начал писать ещё в школе, первые публикации – в газете «Пионерская правда», затем в 1957г. в газетах «Комсомолец» и «Челябинский рабочий». С 1965 г. и до конца своей жизни руководил литературным объединением «Металлург». Окончил Высшие литературные курсы.

Трагически погиб в Москве.

На Бородинском поле

Родимый дом

Н. Тряпкину

К дверям забитым я зимой приеду,
Замочный ключ до боли сжав в горсти.
И улыбнусь хорошему соседу,
И попрошу мне клещи принести.
Я в дом родной вернусь не блудным гостем!
И, как любовь,
Я ключ к нему сберёг.
И под рукой
Застонут длинно гвозди
И упадут, как слёзы, на порог…
И тишина мне бросится на плечи,
А голуби забьются под стреху.
Трубу открою в стылой русской печке
И, словно память, пламя разожгу!
Где Бог сидел –
снежок набила вьюга.
И, осмотрев на карточках родство,
Я вместо Бога
Сяду в правый угол,
Огонь в печи приняв за божество!
Дыши высоким пламенем, солома!
Пускай деревня видит наяву,
Как мой поклон,
Дымок над отчим домом –
Всему, чем я страдаю и живу!..

1966 г.

Стихи о Родине

…Идут часы походкою столетий,
И сны встают в земной дали.
А.Блок

Что за сны мне снятся,
Что за сны?
Будто бы живу не в этом веке.
И звенят
Победные доспехи,
Возвращаюсь с Невским я с войны.
Что за сны мне снятся,
Что за сны?

Я убит.
И смолкли соловьи.
Стёр мой конь о синеву подковы…
И над гулким полем Куликовым
Солнце встало на людской крови.
Я убит.
И смолкли соловьи.

…Вот сижу я в хате у окна:
Посинела в чугуне картошка…
Царь на тройке мчится за окошком…
Зреет дума,
Как чугун черна…
И сижу я в хате у окна.
Далеко уходит майский день,
Вся деревня в радости весенней,
И шагает по полю к нам Ленин,
И в руках у Ленина – сажень…
Далеко уходит майский день.

Что за сны мне снятся,
Что за сны?
Я утрами
напрягаю память.
И какими долгими ветрами
С вековой
пахнуло стороны!!
Что за сны мне снятся,
Что за сны?
Это думы предков-россиян,
От земной доверчивой любви,
В плоть мою ворвались по крови,
В земляничном зареве полян…
Думы – думы предков – россиян!…

Новый день зажёг в степи зарю, родина,
Иду к твоим огням.
Мирный день,
Что предки дали нам,
В добрых снах потомкам подарю!
Новый день зажёг в степи зарю…

1970 г.

Русь

Обжитый мир под солнцем, под луной
И под лучами звёздными косыми,
Где дух веков кружится надо мной
И распахнулся далями России.
И я иду навстречу тем векам,
Голубоглазый, русый, коренастый.
Колосья прикасаются к рукам,
Озёра колыхаются глазасто.
Земля вовсю вращается, кричит
Холмом, золой,
Что с ней на свете было…
Роняет солнце тихие лучи
На обелиск,
На братскую могилу.
И кланяюсь я прошлому опять,
Родной земле за все крутые были.
Я в мир пришел творить,
А не рыдать,
Века и так к нам на слезах приплыли…
Нам прошлое сегодня,
Как броня,
И в нас живут его земные боли.
Не потому ль мы встали у огня,
Не потому ль мы распахали поле?!
И, вглядываясь в лица наших дней,
В лицо огня и пашни,
Неба,
Пущи…
Мне каждый раз становится видней
Прямая связь меж прошлым и грядущим.

1973 г.

На Бородинском поле

Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!
М.Ю. Лермонтов

По жгучим волнам ветра и зари
Былого эхо возвратилось с болью
И в небе соколом парит,
А я иду на праведное поле.
Здесь предок поле сердцем распахал
И кровью полил,
Ожидая всходы…
За все потери, Русь,
Твои невзгоды –
Высокий дуб ветвями замахал.
И, как стрела, пронзает тишина,
И звёзды взвились,
Словно стук копытный…
Но мне не битва смертная страшна,
Ведь тишина страшнее битвы!..

Здесь славой русской ветер напоён.
Он входит в грудь.
И пахнет вечность лесом…
Не страшен, Русь, тебе Наполеон,
Страшней они – заезжие Дантесы!..
…Ушла заря.
И сполз туман с холмов,
И дуб обнял соседские берёзы.
И мужики так звонко у домов
По всей округе отбивают косы!..

1974г.

Деревушка

До войны в деревушке безвестной,
У степной безымянной реки,
На гулянках протяжные песни
Распевали мои земляки.

Выезжали, весёлые, в поле.
И до осени с самой весны
И пахали они,
И пололи,
Полевыми ветрами пьяны.

Возвращались в деревню под вечер
На телегах рабочего дня.
И бежала к ним
Стайкой
Навстречу
Босиком от реки ребятня.

Сколько жизни в мальчишеском беге!
От загара черны,
Как гольцы,
Окружали ребята телеги,
Отдавали им вожжи отцы.

Но однажды с неслыханной силой
Степь качнула взрывная волна.
На устах деревушки застыло
Распроклятое слово – война.

И в степном трудовом захолустье,
Над привольем земли и удач,
Не вмещался в широкие устья
Над рекою растерянный плач…

Пахли дали слезами и рожью.
На телеги садились мальцы.
Ведь не зря им упругие вожжи
Доверяли когда-то отцы…

Много лет с той поры миновало.
Каждый дом в деревушке притих.
И вернулся с войны запевала,
Но не слышу я песен былых…

1975 г.

Виктор СОШИН

К 75-летию со дня рождения В.А. Богданова

Родниковый голос поэта

Воспоминания о брате

Мне доводилось часто слышать от него, что он – великий русский поэт. Это было не бахвальство, не заносчивость, это было душевное стремление к вершине поэзии, это была здоровая зависть к таланту великих, к тем, перед кем он преклонялся: М. Лермонтову, А. Блоку, С. Есенину. К тому же он был, бесспорно, талантлив.

Об этом высказывались известные русские поэты: Вас. Фёдоров, В. Боков, Мих. Львов, Н. Тряпкин, Вал. Сорокин и другие.

Некоторые вправе задать вопрос: почему же он в тридцать семь лет не стал очень большим поэтом? Он бы им стал, получив своевременно образование и нужные знания.

Тяжёлые военные годы, потеря отца на фронте, небольшие материнские трудодни, наличие в деревне Васильевка только начальной школы не дали возможность ни ему, ни его брату и сестре получить нужные знания.

Но уже в те годы у него проявлялась тяга к поэзии. Его мать, Пелагея Михайловна, рассказывала мне, что он, сидя на русской печке, при керосиновой лампе, сочинял свои первые стихи, некоторые отправлял в газету. В деревне пели его частушки.

Стремление к познаниям, пробуждающаяся поэзия, ранняя самостоятельность, большое желание увидеть окружающий мир во всех его красках вынудили Вячеслава оставить родные поля и вступить «под железное пламя Урала».

В неполные шестнадцать уехал Вячеслав на границу Европы и Азии познавать жизнь. Здесь он приобрёл рабочую сноровку, рабочую спецовку, рабочую закалку.

Труд и только труд позволил ему стать профессиональным рабочим-металлургом, а затем профессиональным поэтом.

Без отрыва от производства Вячеслав заканчивает успешно школу рабочей молодёжи, одновременно посещает занятия литературного объединения. Тяга к знаниям, упорный труд к достижению поставленной цели позволили Вячеславу подняться на вершину уральской поэзии. Он стал достойным преемником наследства уральских маститых поэтов Б. Ручьёва. Л. Татьяничевой, М. Львова.

Виктор Михайлович Сошин – родился в 1946 г. на Урале. В 1964 г. окончил Звенигородский финансовый техникум, затем Экономический и политехнический институты, а в 2004 г. академию Государственной службы при Президенте Российской Федерации. Имеет специальности: финансист, экономист, инженер-строитель, менеджер по экономике и финансам. Кандидат экономических наук. В 2005 г. избран депутатом Совета депутатов городского поселения Мытищи, где возглавляет финансово-экономическую и контрольную комиссию. Со дня основания возглавляет Мытищинское отделение партии «Справедливая Россия». Член Союза писателей России.

Живёт в Мытищах.

Вячеслав Богданов.

Вячеслав не успокаивался на достигнутом, он был в постоянном движении. Его стих креп из года в год, от сборника к сборнику. А главное, он уже в то время нашёл стержневую тему своего творчества: «Земную славу хлеборобов // Роднить со славой заводчан!»

Названия сборников стихов – «Звон колосьев», «Голубой костёр, «Гость полей», «Звено», «Перезвон» – уже говорят сами о главной теме поэта.

Вячеслав стремится соединить в себе, в эмоциональной жизни героя поля и цехи, гул и тишину пытается сомкнуть в каком-то едином ряду и земляков-сельчан, и друзей по цеху.

А мы спешим,
А мы уже сошлись!
И кажутся все дали голубыми…
И я –
Звено единства между ними.

(Поэма «Звено»)

Вячеслав как-то в беседе со мной говорил, что ему не хватает глубоких знаний в области литературы, философии, политэкономии и других общественных наук. Он загорелся жаждой к знаниям, они ему были необходимы для совершенствования и развития своего творчества.

Уже, будучи членом Союза писателей СССР, выпустив три поэтических сборника, Вячеслав поступает на Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького.

За годы учёбы в Москве Вячеслав стал в полном смысле слова другим. Чувствовался его стремительный творческий рост. В это время им написано много сильных стихов, которые печатались в журналах «Москва», «Молодая гвардия», «Огонёк», в газетах «Правда», «Литературная Россия», издана книга и издательстве «Советский писатель».

О Вячеславе заговорили критики и крупные поэты: В. Маршалов, О. Поскрёбышев, М. Львов, Вас. Федоров, Е. Исаев, А. Межиров и другие.

Чувствовалось – он набирает зрелость, уверенно идёт к вершине своей поэзии.

Мне было особенно это приятно, поскольку я – истинный любитель его поэзии. Я следил за каждым его стихом, радовался его выступлениям в печати, в аудиториях и среди товарищей.

Частые общения с ним помогли мне найти ключ к пониманию стиха.

При встречах Вячеслав всегда любил читать новые стихи, позволял мне высказываться о них честно. Правда, критику воспринимал болезненно. В то же время с большим удовольствием по моей просьбе рассказывал о природе какого-то стихотворения, о том, как в целом формируется произведение.

Мне посчастливилось часто встречаться с Вячеславом в этот период, быть в кругу его друзей, слушать его выступления.

Как-то однажды мы с Вячеславом были в гостях у ведущего критика Вадима Кожинова. После прослушивания стихов «Дом», «Родимый дом» и других Кожинов заметил, что у него дома находится настоящий русский поэт. Отрадно это было слушать, особенно в присутствии других московских поэтов.

Вячеслав, или просто Слава, как называли его мы, родственники, был очень общителен, прост в обращении, знал цену товарищества и дружбы.

У него был настоящий друг, с которым прошли его годы юности, возмужания, становления, – это ныне известный русский поэт Валентин Сорокин.

Два друга. Два поэта. Валентин Сорокин и Вячеслав Богданов. Люди схожей судьбы: обоих вырастил Челябинский металлургический завод, обоим рабочий класс дал поэтические крылья.

Я был свидетелем их встреч и бесед, обсуждений, взаимных требований к настоящей поэзии. Они критически относились друг к другу, при необходимости высказывались открыто, обращая внимание на слабые стороны отдельных стихов. Они помогали друг другу расти, набирать силу в поэзии.

После завершения учёбы Вячеслав возвратился на Урал, где возглавил литературное объединение «Металлург», став членом редколлегии журнала «Урал».

Его стихи стремительно набирали высоту. Особенно после учёбы в Москве на Высших литературных курсах. Казалось, появился новый Богданов, «Чуточку злей, иронично настроенный к самому себе...», – говорил Валентин Сорокин.

Вячеслав, вобрав в себя необходимые знания, расширив кругозор, сформировался как профессиональный поэт.

На протяжении своего творчества он постоянно поддерживал связь с малой родиной – Тамбовским краем, с деревней Васильевкой. Ежегодно он проводил среди земляков, среди тамбовских полей свои творческие отпуска. Здесь у него рождались стихи, поэмы. Многие его хорошо знали, он был частым гостем редакции мордовской районной газеты «Новая жизнь», нечасто, но выступал в районном доме культуры, Оборонинской средней школе, в клубе деревни Васильевка, на токах и просто среди друзей и знакомых. Обычно приезжал на всё лето. Сама деревня Васильевка ничем не примечательна, расположена па границе Тамбовской и Липецкой областей. Клуб находится на территории Липецкой области, а школа (сейчас её нет) и погост – в Тамбовской.

Деревня окружена полями и прудами с пескарями.

Во время одного из приездов, до ухода в армию, он влюбился в красивую черноволосую Томку. Женился и увёз её в Челябинск. Сама она родом из деревни Васильевка, но родители к тому времени жили в г. Ростове-на-Дону. У него есть строки: «...И в свою двадцатую весну я такую девушку сосватал в городе Ростове на Дону».

Привез ее в небольшую коммунальную квартиру из одной комнаты, но прожили они там недолго. Не выдержала Томка необустроенный быт, а может быть, не поняла душу поэта. Кто знает. Слава любил Тамару, рассчитался и уехал с ней к тёще в Ростов-на-Дону, устроился сварщиком на заводе.

Но от Урала и друзей оторваться было ох как тяжело, и он возвращается один обратно в Челябинск. Знаю, что звал жену с собой, но увы. Значит не судьба. Прожили они вместе два года.

Возможно, по-другому сложилась бы у него жизнь, да и творчество, если бы Тамара была с ним рядом. У него есть строчки:

До свиданья, Томка, –
Незабудка Томка.
Кто же наше счастье,
Дорогая, скомкал?

Да, всё было бы по-другому. Были бы дети, а они были бы обязательно. Слава очень хотел своих детей иметь.

Тамара прервала беременность в связи с разводом... Трагедия... Спустя много лет он вновь встретился с Тамарой, она также была в отпуске в деревне Васильевка. Слава в то время был ещё не женат. Была у него мысль восстановить семейную жизнь. Но после нескольких вечеров, проведённых вместе, он пришёл к выводу, что ничего не получится. Всё ушло в прошлое, как говорится, перегорело. И больше они не встречались.

Затем он встретил в Челябинске Женю, полюбил её и женился. В этот период он написал целый цикл стихов о любви. Счастлив ли был он или нет? Не знаю, не мне судить. Прожили они вместе более восьми лет. Детей от второго брака у него тоже не было. По этому поводу в поэме «Рождение» он сказал:

Ребёнок – груз в семье нелишний.
Покоем нежитесь пока...
Но глух покой без ребятишек,
Что колокол
Без языка...

Два года учёбы на Высших литературных курсах в Москве они были вместе с Женей. Жили у её сестры в Сокольниках, в старом деревянном доме с садом. Он говорил, что пожил достаточно в общежитии, хотелось обустроенного быта, да и рядом с Женей.

Вообще Слава любил порядок, чистоту. Ходил всегда опрятным, выглаженным, всегда, как говорится, при галстуке. Любил белые сорочки и чёрный костюм. Быт у него был, как и у многих, скромный. Вначале общежитие, затем коммуналка, где и жена, и мать, приехавшая из деревни.

И лишь после учёбы ему выделили трёхкомнатную квартиру. Он так мечтал о своем рабочем кабинете! И поработал он в нём всего лишь три года. За это время Слава много написал прекрасных стихов: «Победа», «Ночью», «Деревушка», «Подсолнух» и ряд других. Новые стихи сразу же стремился донести до близких друзей, с горячим задором читал их.

С любовью декламировал стихи С. Есенина, знал его наизусть. Вообще его отличительная черта: читал стихи по памяти, как говорят, без бумажки. Его разговорную речь сопровождали постоянные шутки, каламбуры.

К примеру, обращаясь с большой теплотой к своей матери, он в шутку говорил: «Не грусти, Полина, – у тебя два сына», или интимное: «Не грусти, моя залётка, никуда не денемся. Пройдёт год, пройдёт дна – всё равно сустренемся». И таких каламбуров было очень много, только, жаль, они нигде не записаны. Кто же думал...

Да, этого никто не ожидал. На тридцать восьмом году жизни Вячеслав Богданов скоропостижно скончался. Это произошло в Москве, в общежитии Литературного института. За два дня до этого, ещё будучи в Челябинске, я с ним долго разговаривал по телефону о жизни, о поэзии. Договорились встретиться в Москве, после чего он собирался поехать в Тамбов, где должны были состояться выступления с участием местных поэтов Майи Румянцевой, Ивана Кучина, Семёна Милосердова, а затем встретиться с малой родиной – деревней Васильевкой. Он говорил: «Бывает так необходимо ветрами родины вздохнуть». Ехал с отчётом перед земляками. Сказать «спасибо» своей малой родине:

Ты сумела мне судьбу пророчить.
Я в свои шестнадцать полных лет
Был тобою послан в край рабочий,
И теперь представлен как поэт!

Да было чем отчитаться перед земляками. Насколько я знаю и разбираюсь в поэзии, так проникновенно, с такой нежной любовью про тамбовские просторы, про деревенскую жизнь из местных тамбовских поэтов ещё никто не написал.

Но судьба распорядилась иначе... Он умер с билетом на тамбовский поезд в кармане. В расцвете творческих сил...

Жаль, очень жаль.

Почему он так рано ушёл из жизни? Вопрос очень сложный и неоднозначный. И я хотел бы осветить некоторые моменты. Официально причиной смерти называют сердечную недостаточность. Друзья говорят, что его отравили. Некоторые утверждают, что он умер от водки. Где же правда? Её сейчас установить трудно. Времени прошло много. Свидетелей уже нет в живых. Теперь можно только размышлять.

Проще всего, конечно, сказать: умер от водки. Я не придерживаюсь этой точки зрения. Почему? Во-первых, уж слишком часто поэты умирают от водки! Наверное, кому-то надо, чтобы бытовало такое мнение.

Славу я знал очень хорошо, всю свою сознательную жизнь. Он был для меня по духу самым близким из братьев.

Выпивать он выпивал, да и многие выпивают. Я и сам выпиваю неплохо, но это не значит, что все должны быть алкоголиками и все должны умереть от водки. Кстати, перед учёбой на ВЛК он два года не пил вообще. За этот период он очень много написал, выпустил большой сборник «Перезвон».

Поступив на ВЛК, вновь начал выпивать. Однажды я увидел его за бильярдом в ЦДЛ (он очень любил ЦДЛ), играл с Сергеем Орловым и Николаем Глазковым. Я понял, что Слава навеселе. Говорю ему: «Что же ты выпил, как хорошо, когда ты не пьешь». А он в ответ: «Если я ещё год не буду выпивать, то с ума сойду. Так тяжело внутри. Так тяжело на душе». Вот где трагизм, вот где причина!

Значит, много было вопросов в жизни, в обществе, которые будоражили душу.

Перед роковым утром 11 июля 1975 года вечер он провёл с писателем из Самары Олегом Осадчим (тоже уже ушедшим от нас) в ЦДЛе. Олег мне говорил, что Слава весь вечер пил только пиво. Был очень весел, к ним подходили другие поэты, Слава подсаживался к другим столикам. Ночевать уехали к Олегу в общежитие Литературного института. Он был в хорошем настроении.

Слава до 12 ночи на вахте дежурным читал стихи, рассказывал анекдоты, сыпал каламбурами. Затем Олег позвонил жене Евгении и сказал, что со Славой плохо.

Женя по каким-то мотивам решила не ехать из Сокольников в общежитие. Почему не вызвал Олег «Скорую помощь»? Наверное, не думал о плохом исходе…

Утром в 7 часов Олег проснулся и увидел, что Слава уже мёртв. Он лежал с кровяным выделением изо рта.

Проведя обследование трупа, врач, выйдя на улицу, закурил и, не обращая на нас, близких, внимания – да он и не знал нас, – с резкой нервозностью сказал: «Отравили парня, сволочи…»

Кто отравил, чем отравили? Осталось всё это загадкой.

Почему не проводилась судмедэкспертиза, почему не было заведено расследование? Не знаю. Я был в тяжёлом душевном состоянии, и меня этот вопрос на тот момент не интересовал.

Во время подготовки похорон от Союза писателей СССР приезжал известный поэт Евгений Долматовский. Ему сказали, что Слава отравлен. Но он посоветовал не ворошить эту тему, что Славу уже не вернёшь и что надо сейчас похоронить его нормально. На этом всё и закончилось.

Был июль 1975 года, стояла жара. Поступило предложение тело Славы кремировать и похоронить в Москве. Урал сказал: «Нет, он наш и будет похоронен в Челябинске». Помню, секретарь Челябинского обкома партии Пётр Шарков, друзья Славы настояли на этом решении.

И вот мы, родственники, Геннадий Суздалев, Олег Осадчий и другие поэты повезли Славу на ТУ-154 на его родной Урал. Олег все время подходил ко мне и говорил: «Знаешь, такое ощущение, что все ваши родственники, в том числе и Женя, считают меня виновным в гибели Славы».

Я ему ответил: «Не переживай, это не так».

Он действительно был очень приличным человеком и хорошим прозаиком.

Нас встретили в аэропорту друзья Славы А. Куницын, И. Картополов, И. Валяев и другие члены литературного объединения.

Было предложено, чтобы гроб отправить в морг. Поэты-друзья сказали, что хватит, он належался в морге в Москве. Слава будет последнюю ночь находиться во Дворце металлургов, там, где он проводил занятия литературного объединения. Так и сделали, и друзья его не уходили от него всю ночь.

После похорон друзья – поэты и прозаики – выступили на литературном вечере в городском парке культуры и отдыха. Читали стихи, рассказывали о Славе. Слава был с ними вместе, как и всегда.

Отравлен ли, умер ли от сердца, умер ли от водки – теперь это уже не имеет большого значения. Главное, можно сказать, что смерть его была вызвана трагедией русского народа, и наступила она от его боли за светлую Россию, землю нашу.

Сколько у него было задумок… Он делился со мной, что приступил к поэме про сталеваров, готовил себя к крупной поэме про Красную площадь, где должен был увязать её историю с историей России, показав мужество и героизм русского народа в годы Гражданской и Великой Отечественной войн. Говорил, что скоро выйдет подборка стихов в журнале «Огонёк» (она вышла спустя 10 дней после его смерти).

Были у него задумки переехать жить и работать в Москву, требовалось высокое поэтическое общение.

«Если бы дала судьба Вячеславу Богданову пожить ещё десять-пятнадцать лет, он стал бы, несомненно, очень крупным поэтом», – сказал его друг поэт Валентин Сорокин. Очень крупным не успел стать, но стал ярким певцом Урала и земли русской.

Его поэзия живёт. Творчество Вячеслав Богданова продолжает жить среди нас. Он в наследство оставил нам десять поэтических сборников, множество проникновенных стихов о родине, любви, труде и природе.

Урал, край, который им воспет в стихах, помнит о нём: стихи его часто печатаются в сборниках, в газетах, издано в последние годы три книги стихов. Литературный клуб в Челябинске назван именем его книги «Светунец», друзья его – писатели, поэты – в память о нём посвящают ему книги, стихи. Уральский поэт Иван Картополов сказал о нём:

Его никто не видел грустным:
Ни город наш, ни коксохим.
Озёрноглазым, тёмно-русым –
Таким он помнится, таким.

Мечта ничем неистребима,
Как труд монтажный ни тяжёл.
С высот железных коксохима
В литературу он вошёл.

Не зная грани дня и ночи,
Усталых не смыкая глаз,
Он доказал, что класс рабочий
Повсюду работящий класс.

Малая родина, тамбовские поля также помнят его. Часто печатаются его стихи в районной и областной газете, в школах и библиотеках проводятся литературные вечера, посвящённые его творчеству.

Жители края любят и помнят его стихи. Они их задевают за живое. В этом я убеждался неоднократно, встречаясь с его земляками. А если его помнят на Урале и в Тамбовском крае – значит его поэзия нужна людям, помогает им жить правильно. Значит, пришло время увековечить память о самобытном русском поэте Вячеславе Богданове на его родине – Тамбовщине и на его озёрном Урале.

Не потребуется больших затрат на присвоение школе, библиотеке, улице имени Вячеслава Богданова. От этого мы станем не беднее, а богаче духовно, мы не отдадим забвению своих талантливых самородков.

Когда народ забывает своих поэтов, народ становится одиноким. Живые русские поэты, предавая забвению память о своих друзьях – поэтах, становятся ещё более одинокими, чей свой русский народ.

Поэзия Вячеслава Богданова выдержала испытание временем. И он заслуженно должен и дальше самобытно и ярко звучать в огранной музыке стиха русской поэзии в XX–XXI веках.

Геннадий СУЗДАЛЕВ

К 75-летию со дня рождения В.А. Богданова

Слава

«Пути Господни неисповедимы». За три дня до полёта в Челябинск я с трудом «наскрёб» денег, чтобы доехать до Москвы, до аэропорта Домодедово. 24 октября 2004 года, утром, самолёт оторвался от взлётной полосы, направляясь к городу моей юности и более сорока лет проживания в нём. Этим я был обязан поэту Сергею Семянникову – в то время руководителю Челябинской областной писательской организации, Коносову Михаилу Игнатьевичу и брату поэта Вячеслава Богданова, Виктору Сошину, который сидел рядом. В кармане у меня лежал дорогой, во всех отношениях, билет «туда и обратно». Мы летели, как сегодня принято говорить, на презентацию возрождающегося поэтического клуба «Светунец», который я создавал и был его руководителем десять лет.

В багажном отсеке самолёта стоял в упаковке бюст поэта Вячеслава Богданова – копия памятника, установленного любовью и стараниями Виктора Сошина на Тамбовщине, родине поэта.

«Какое совпадение!» – подумал я. В июле 1975 года, из аэропорта Внуково, мы с Виктором Сошиным, прозаиком Олегом Осадчим и родными Славы, тоже летели в Челябинск. В багажном отсеке самолёта стоял гроб с телом Вячеслава Богданова.

Мы с Виктором говорили о его брате. Я смотрел на него и думал: «Как он похож на Богданова. Вспомнил позорный свой поступок. Несколько лет назад я по пьянке обидел этого человека. Сказал, что именем брата он делает себе рекламу. Стало стыдно. Попросил прощения. Он по-богдановски улыбнулся: «Хорошо, что помнишь об этом!» Достал из сумки флакон с водкой, закуску – «давай, за Славу!» Налил по рюмке. Выпили. Самолёт пошёл на посадку.

Теперь, об июле 1975 года. Пятого июля Слава позвонил мне на работу. Я тогда работал начальником стройгруппы Советского продторга города Челябинска.

– Ты что так долго спишь?

– Как долго?

– Я тебе звоню с шести часов утра. Никто не отвечает.

Я засмеялся: «Я работаю, Слава, с половины девятого. Сейчас – восемь».

– Всё равно долго спишь. Бросай свою работу и приезжай ко мне, а то пиво в банке греется. Я завтра улетаю надолго. Вначале в Москву. Потом – в Тамбов, а оттуда – на юг.

Геннадий Матвеевич Суздалев – русский поэт, родился 9 августа 1939 г. в селе Целинное Курганской области, в православной крестьянской семье. После окончания Челябинского монтажного техникума работал на стройках Казахстана и Урала монтажником, бригадиром, мастером, прорабом, начальником участка. Служил в Советской армии. В 1970 г. окончил факультет журналистики Казанского Государственного университета. Работал на телевидении, в Бюро пропаганды художественной литературы. Был главным редактором газеты писателей «Уральская новь» и литературного альманаха «Южный Урал». Член Союза писателей с 1975 г.

Живёт в Суздале.

– Дел у меня, Слава, по горло!

– Тебе что дороже? Поэзия или твоя задрипанная стройка? После долгого разговора пришли к согласию. И весь рабочий день он ездил со мной по объектам. В кузове. Машина была бортовая.

Вечером пошли в ресторан «Заря», в центре города. Заказали пива. Слава был грустным: «Завтра с Женей (женой) улетаем. Долго не увидимся. Слушай, а что мы пьём воду! Давай закажем водки!» Я согласился. Принесли водку. Он налил по рюмке. Выпили. Если бы я знал, что это наша последняя встреча! Меня позвал знакомый, который с компанией отмечал день рождения в ресторане. Я поздравил именинника и вернулся к своему столику. Славы не было. Он обиделся и ушёл. Навсегда!

11 июля я пришёл на работу рано. В плохом настроении. Ничего не хотелось делать. Душа была не на месте. В 12 часов позвонил Александр Андреевич Шмаков (тогда – руководитель Челябинской писательской организации). «Крепись, Геннадий! У нас горе. Умер Вячеслав Богданов в Москве. Мы решили, что за гробом полетишь ты. Иди в обком, получи билет на самолёт. Там тебя ждут».

Я окаменел... Долго сидел молча, закрывшись в кабинете. Надо было что-то делать, чтобы прийти в себя. Попросил снабженца принести бутылку водки. Выпил её до дна. И нисколько не захмелел.

В Москве стояла жара. Холодильники в морге не работали. Были выходные. Когда привезли гроб в аэропорт, кому-то из родственников Славы пришла в голову мысль о судебно-медицинской экспертизе. Было поздно. Цинковый гроб был запаян. Перед тем, как забить его в деревянный ящик для транспортировки, в окошечко над головой было видно, что труп начал разлагаться.

Писатель из Самары Олег Осадчий, друг Славы, ходил и повторял: «Это я виноват! Ему было очень плохо. Я не вызвал скорую помощь. Можно было спасти...» Константин Скворцов и Виктор Сошин успокаивали его. Потом Олег мне рассказал, как это было. Они с Богдановым десятого июля вечером пошли в Центральный дом литераторов. В ЦДЛ Слава любил приходить. Встретиться с друзьями, поговорить, почитать стихи. Богданова многие поэты знали, хорошо к нему относились. Старались угостить. Так было и в тот роковой вечер. После Дома литераторов они с Олегом поехали в общежитие Литературного института. Слава был весёлый. Шутил. В комнате Осадчего ему стало плохо. Тошнило. Вместо рвоты изо рта шла зелёная пена с кровью. Олег позвонил жене Славы, просил её приехать. Она не приехала. Было очень поздно. Скорую помощь Осадчий вызвать не догадался. Сам был не трезвым. Звонил он с вахты. Когда вернулся в комнату, Слава спал, подложив под голову руки, сложенные лодочкой. В таком положении увидел его Олег, проснувшись утром. Хотел разбудить. Богданов был мёртв. Кто-то угостил его зельем.

После оформления документов мне дали грифель, чтобы я написал на ящике с гробом номер «груза». Было жутко. Сделать этого я не мог. Отошёл и заплакал, точнее зарыдал, как никогда – ни раньше, ни позже.

Откуда взялось столько слёз? Я оплакивал друга, нашу безысходную русскую долю, непутёвую жизнь...Из меня выходила вся боль, накопившаяся с рождения. Слёзы текли по лицу и в самолёте, и после посадки в Челябинске. Кто-то из встречающих сказал: «Суздалев – артист!» Бог ему судья.

После гибели Богданова, по Челябинску поползли слухи – «умер от водки». О, злые языки! Не знаю ни одного народа, который бы так бездарно относился к себе, как русский!

Надо было выступить в печати. В начале сентября 1975 года материал был дан в газете «Вечерний Челябинск», где одно время Богданов работал в отделе литературы и искусства. Это было первое печатное слово о поэте после его смерти:

Друзья-поэты. Слева направо: В. Кочетов, В. Сорокин, В. Богданов.

Цвет агавы

«Тридцать лет всего живёт агава...» – это строчка из его стихотворения. Сам он прожил немного больше. Здесь слово «прожил» условно. Прожил трудно и ярко, цельно и самозабвенно. С вечной улыбкой на лице и с вечной болью в сердце. Нет необходимости пересказывать его, до щемящей боли, короткую биографию. Она в его стихах, Не только биография, но и портрет – «голубоглазый, русый, коренастый». В стихотворении «Начало биографии» Вячеслав Богданов писал:

Поклоняясь деревенской избе,
Где нужды пережито немало,
Я ушёл из тамбовских степей
Под железное небо Урала.

Тогда ему было шестнадцать лет. Это мало и много. Мало для того, чтобы не затеряться в огромном городе. Много, чтобы пронести светлую волнующую любовь к родной земле через всё своё творчество. Живя в городе и, полюбив его, он нежно оберегал память о деревне:

Я запел бы о городе песню.
Да деревню обидеть боюсь.

В стихах Вячеслава Богданова не просто его биография – хронология дат. Это биография и философия души. Биография его сверстников. Потому они так доступны и близки нам. А главное, в них вместилась частица биографии души России – «неудача моя – неудача России». В свою очередь, боль земли – это и боль поэта – «нет ничего больней на белом свете, чем наблюдать июльский листопад». Поэзия Вячеслава Богданова рождена памятью детства в тамбовском селе, а мужество и зрелость даровал ей Урал. Скорее не сам Урал, а его люди, с которыми он пятнадцать лет проработал на Челябинском металлургическом заводе, с которыми многие годы жил поэтическими горестями и радостями в литературном объединении «Металлург». Бесследно не прошло его близкое общение с земляками, известными поэтами Борисом Ручьёвым, Людмилой Татьяничевой, Валентином Сорокиным. Большое влияние на его творчество оказала поэзия Лермонтова, Некрасова, Блока, особенно, Есенина. Влияние для настоящего поэта – не подражание. У Вячеслава Богданова своя поэтическая тропа. И главная заслуга его в том, что он сумел органически породнить сельскую тему с городской. Нашёл к этому породнению свои, богдановские ключи:

Закалён я мартеновским зноем
И степными ветрами продут.

«Он не только рабочий, но и поэт, думающий о судьбах земли. Ему суждено представлять в своём лике и людей городских, и людей деревни» – писал поэт Василий Фёдоров в предисловии к поэтической книжке Вячеслава Богданова «Голубой костёр».

Обретая поэтическую высоту, поэт с одинаковой прониковенностью пел и о деревне, и о городе:

Заводская дорога длинна!
Уместились в ней молодость,
Юность…
Я делил с ней и радость,
И трудность,
Моя гордость и совесть она!

Читаешь эти строки и забываешь о понятии «тема». Оно ушло. Осталось единственное чувство поэзии.

Творчество Богданова найдёт своих исследователей. Я в этом не сомневаюсь. В том, что я пишу, нет претензии на творческий портрет. Сейчас мне это не под силу. Это, скорее, личные мысли, навеянные потерей близкого человека. Может быть,

субъективные. Несомненно одно, что свет его поэзии, до которого его возвысила родная земля, будет жить долго.

Он неистово любил жизнь и безжалостно торопил её. Часто говорил о том, что «поэт растёт до сорока. После сорока выше не поднимешься». Он имел в виду классические примеры. Я придерживаюсь другого мнения. Наше эстетическое, философское, а стало быть, и художественное развитие по многим причинам (имею в виду своё поколение) «затянулось». Можно привести несколько примеров из современной поэзии, когда в полный голос поэт начинает говорить к пятидесяти. Богданову не было сорока. Он ещё многое мог бы сделать. Об этом дают право говорить его последний сборник и поэма «Рождение».

Смерть всегда несправедлива. Смерть поэта – особенно...

Тридцать лет всего живёт агава.
А цвести лишь раз имеет право.
Только раз –
Цвести высоким цветом,
Увядая навсегда при этом.
Как её возвысила планета –
Умереть от собственного цвета!

Тридцать лет! Он прожил чуть больше:

Мне судьба подарила пока
Тридцать семь сентябрей серебристых.

Кружат по асфальту рано опавшие листья. В зелёных кронах деревьев пробивается позолота. Сентябрь. В родном его городе – осень. Тридцать восьмая осень поэта.

В июне 1975 года, незадолго до своей гибели, Слава с поэтом Михаилом Шанбатуевым, приехали ко мне домой (через весь город) очень рано, на такси. Богданов был в трико и в домашних тапочках. Он долго не хотел выходить из машины, пока не убедился, что приехал туда, куда хотел. Жена и дети ещё спали. Был выходной день. Мы прошли в зал. «Ты почему в трико и в тапочках?» – спросил я весело... и поперхнулся. Слава смотрел на меня глазами, полными слёз. «Душа, Генка, плачет...» – сказал он. Мы обнялись, и он зарыдал, как ребёнок.

Богданов часто называл себя великим русским поэтом. Носил на лацкане пиджака значок «Русь». Это было не бахвальство, а самозащита. Не все это, наверное, понимали. Однажды, когда мы с ним были вдвоём, он сказал: «Все, наверное думают, да и ты тоже, что я на полном серьёзе говорю “великий”». Потом встал и начал читать: «Выхожу один я на дорогу...». Голос его был с горечью. Потом читал Есенина. После строчек «где-то в чистом поле у межи оторвал я тень свою от тела...», помолчав, сказал: «Как нам далеко до них!»

В 1978 году я создал Челябинский областной клуб «Светунец» в память о прекрасном русском поэте Вячеславе Богданове. Так называется одна из его книг. Он говорил, что так на Тамбовщине называют молодой месяц. Слава ещё имел ввиду свет, идущий к нам с неба. Девизом клуба стали слова из его стихотворения – «И никто не собьётся с дороги в неподкупном свеченье твоём».

Я уже говорил о том, что с Виктором Сошиным мы прилетели в Челябинск на презентацию возрождающегося клуба «Светунец».

Вернувшись в Суздаль, я продолжаю жить прошлым. Думаю о горькой участи русских поэтов в земной жизни. «Многие знания – многие печали», – сказал Экклезиаст. Белинский писал, что русская литература может развиваться только в русской действительности. Где она, эта русская действительность?! Всю жизнь живу в крестной тоске по ней. Так жил и Богданов. Мы любим Россию, а «любовь предполагает страдания», – говорил Достоевский. Родина наша, которую как мать, не выбирают, двести лет и гораздо дольше терпит эти крестные муки. Мы – русские. «Бесы» нас ненавидят только за это. Сколько угроз я выслушал от них?! Слава Господу и спасибо нашей государственной безопасности за то, что жив и пишу эти строки.

Дорого обошлись моему вечному другу, русскому поэту Вячеславу Богданову строки из бесследно пропавшей поэмы о «бесах», обращённые к нашей матери-родине:

Накажи их, Россия, бесплодьем
За великие муки твои!

Включишь телевизор – они, включишь радио – они, возьмёшь газету – они. Всюду они помыкают нами, любящими свою Родину и свой народ.

В 1917 году «бесы» захватили власть и Россия умылась кровью.

Двадцатый век дал православному миру святых русских мучеников (замученных ими), намного больше, чем вся история России.

КПСС – «ум честь и совесть нашей эпохи», создавая новую общность – «советский народ», изъяла из оборота на долгие годы слово «русский», ссылаясь на то, что это слово «унижает достоинство национальных меньшинств». Русские писатели, русские художники, русские композиторы и так далее перестали быть детьми русских матерей. Они стали «детьми советов», советскими детьми. В Челябинске слово «русский» светилось по вечерам неоновым светом в единственном месте и в единственном словосочетании «Русский лес». Так назывался ресторан, где люди спивались.

Слава не был членом КПСС, но относился к хорошим коммунистам уважительно и с юмором: «Прошла зима, настало лето. Спасибо партии за это». Завидовал строчкам, написанным мной: «Я иду по любимому городу, и в душе, как в обкоме светло».

Однажды вечером мы гуляли с ним по городу. Я говорю ему: «Слава, ты счастливый человек». «Почему?»– спросил он. «Потому что у тебя фамилия только чего стоит. Богом данный человек. А имя твоё – на каждом углу: Слава труду! Слава КПСС!» Он засмеялся: «Ты говоришь: слава КПСС. А что, КПСС – моя фамилия?»

Мне и сегодня с именем Богданова хочется образовывать новые словосочетания: Слава Тамбовщины, Слава Урала, Слава России. Кстати, об Урале. Было бы очень правильно, достойно и справедливо, назвать одну из улиц в металлургическом районе Челябинска, где жил и работал Вячеслав Богданов, его именем. Он больше сделал для Урала, чем Клара Цеткин и Соня Кривая, вместе взятые.

Не мне судить о величии поэта. Бог нам судья. Но живые стихи Богданова, когда я их читаю, наполняют тихим и печальным светом мою душу.

Памяти Вячеслава Богданова

Вино разлито.
Лампочка горит.
Закуска на столе
В обычном виде.
И кто-то, улыбаясь,
Говорит:
– уж лучше в тесноте,
Да не в обиде!
И добавляет:
– боремся со злом.
Забыв про нашу
Общую потерю.
Я никому
Не верю за столом!
Ни соловью,
Ни евнуху,
Ни зверю!
Не верю я
Целующим словам,

Красивому
Наивному обману.
Не верю
Обезволенным губам,
С надеждой
Припадающим к стакану.
Ты говорил:
– Да будем хороши!
И пил до дна
За доброе начало.
А где-то,
В глубине твоей души,
Трагедия российская
Кричала.
Не слышал ты,
Не слышали и мы,
Твои друзья,
Как будто бы оглохли.
И вот стою один
Среди зимы.
Цветы агавы
До поры засохли.
Теперь тебе спокойно
И темно
Под белизной
Светящейся берёзы.
В моём стакане
Нынче не вино,
А матерей,
Оплакавших нас,
Слёзы.
А кто-то шутит:
– Боремся со злом...
Губя себя
Легко и безвозвратно.
Я никому не верю
За столом!
За круглым,
Полукруглым,
За квадратным.
И мне теперь
Уже не всё равно,
Когда стакан
Подносят к изголовью.
Мне кажется:
Я снова пью вино.
Как собственной
Захлёбываюсь
Кровью!

P.S. На родине поэта одна из улиц названа его именем. Его именем названа библиотека. Установлен памятник.

ПОЭЗИЯ

Михась ПОЗДНЯКОВ

Михась Поздняков (Михаил Павлович Поздняков) – поэт, прозаик, критик, исследователь литературы. Родился 24 января 1951 г. в д. Забродье Быховского района Могилёвской области. Окончил филологический факультет БГУ. Был первым директором литературного музея Максима Богдановича. Работал главным редактором издательства «Юнацтва», главным редактором журнала «Вожык», заместителем и главным редактором журнала «Нёман», заместителем директора редакционно-издательского учреждения «Литература и искусство». С 2005 г. – председатель Минского городского отделения ОО «Союз писателей Беларуси». Автор тридцати книг на белорусском и русском языках.

Живёт в Минске.

Я снова один на один с тишиной…

***

Реальности двери захлопнув за мной,
Грозы ошалелой гремит колесница.
А мне снится мама в хатёнке пустой,
И папа с улыбкою строгою снится.

Они и теперь окрыляют меня,
Пусть буря стекает по стёклам оконным.
Я вижу их лики… И день ото дня
Молюсь им, как будто высоким иконам.

***

Об этом молвить не боюсь я,
Хоть взгляды чувствую косые.
Сын синеокой Беларуси,
Люблю тебя, моя Россия.

И здесь, и там – поля и хаты,
И те же запахи лесные…
А олигархи и магнаты –
Я точно знаю! – не Россия…

***

Ещё одна на сердце рана –
Друзья уходят рано, рано…
Туда, откуда возвращенья
Не будет… Вот и всё реченье.

Вестей оттуда не бывает,
Что там и как – никто не знает.
Года летят, и жизнь конечна…
Мы скоро встретимся, конечно…

***

На балконе белая голубка,
За широким солнечным окном,
Тихо постучала клювом-дюбкой,
Поманила парусом-крылом.

Глазиком встревоженно моргнула,
По перилам павою прошла…
Будто бы за что-то упрекнула –
Взглядом помрачневшим обожгла.

Унося неведомую тайну,
Распростёрла зябкие крыла,
О больном напомнила случайно,
За собою тихо позвала…

Над старой речкой

Я снова один на один с тишиной,
Вновь слышу, как в детстве, чуть дымка растает,
Зуденье стрекоз над ленивой водой
Речушки, что издавна в сердце впадает.

Слежу, как под тенью высокой травы
Пасётся язей осторожная стайка,
Как в синь добавляя ещё синевы,
Светило играет с волной в «угадайку»…

Я слышу и вижу, и сердцем ловлю
Простор, где неспешные птицы кружатся.
И снова, как в детстве, всё это люблю –
Да так, что мне хочется с речкой обняться.

***

В парке забытая песня,
Трогая душу, звучит.
Давней разлукою вешней
Снова под горлом горчит.

Хватит… Забудь… Ну, скажи ты,
Что тебе надо теперь?
Столько всего пережито,
Столько раз хлопала дверь.

Что мне сейчас твоя милость –
Каждый сыграл свою роль.
Яхта давно накренилась,
Дева давно не Ассоль...

***

Разлетается грачьё,
Сбрызгивая жижу.
Вновь стою я над ручьём,
А людей не вижу.

Раньше был ручей рекой...
Быстро всё промчалось.
Тут встречаться нам с тобой
В юности случалось.

Поброжу среди рябин
Да тенистых елей.
И как будто не один –
Душу мне согрели.

Мчат года... Печальней взгляд,
Холодней прохлада.
И никто не виноват,
Что не всё, как надо...

***

Архивные папки листаю, читаю...
И почерк неровный: «Любимый, *кахаю*[1]...»

И тут же запахло и мёдом, и мятой.
И месяц лиловый всплывает над хатой.

Сверкнула зарница... И счастье прогнала.
Ты помнишь? – Нам ночи с тобой не хватало.

Я снова в душе ощущаю истому,
Хоть эта записка другому, другому...

***

Дома снова пенятся сады,
Снова хаты в розовом цветенье.
Вечером туман из немоты
Через брод несёт отдохновенье.

[1] *Кахаю (бел.) – люблю*

Соловьи без устали поют,
Все печали трелью облегчая.
Сыплет позолоту там и тут
Месяц, чуть обуглившийся с краю.

Милая, родимая земля!
Дорогая отчая сторонка!
Без тебя – я будто и не я –
Душу рвёт... А рвётся там, где тонко.

Так в краю моём заведено –
Родиной болеть, терзаться ею.
Я уже без матери давно,
Без неё ж – вдвойне осиротею.

***

Жил как все, как люди жили,
Не считал, что хата с краю.
Хоть заботы утомили,
На судьбу не нарекаю.

Не боюсь, что скоро старость,
Пусть приходит – всё от Бога.
Только жизнь моя – не кара,
А неторная дорога.

Триолет

И расцветай, и улыбайся,
И очаровывай, и верь...
Среди несчастий и потерь
И расцветай, и улыбайся.
Уйдёт любимый... Хлопнет дверь...
Но ты судьбе не поддавайся –
И расцветай, и улыбайся,
И очаровывай, и верь...

***

О этот взгляд полуживой
Девчушки... Там, в сиротском доме.
В нём, кроме боли ножевой,
Лишь только время на изломе.

У незакрытого окна
Стояла (видел через дверь я)
Старушка юная – она –
С глазами, полными безверья.

А за окном цвела весна,
Чуть слышно музыка играла.
Была надеждами полна
Вся мощь вселенского хорала.

А рядом, как удар под дых,
Вот эта жуткая картина,
Где при родителях живых
Одна... Сиротка-сиротина...

***

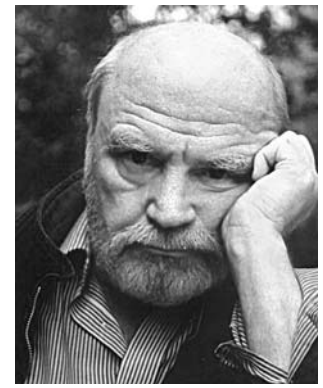
Снова осень дышит утомлённо,
Вновь ревут студёные ветра.
Прислоню ладонь – пойдёт от клёна
Звонкий гул до самого нутра.

Постою... Перед дорогой дальней
Клён ко мне ладони прислонит.
И тревожный гул исповедальный
В путь меня опять благословит.

Перевёл с белорусского Анатолий АВРУТИН

ПРОЗА

Виктор ПРОНИН



Виктор Алексеевич Пронин – родился 20 октября 1938 г. в Днепропетровске. Русский писатель детективного жанра, автор многих известных произведений. Окончил Днепропетровский горный институт в 1960 г., работал на заводе «Запорожсталь», затем журналистом. В середине 1960-х начал писать прозу. Среди произведений Виктора Пронина наиболее известны такие как: «Слепой дождь», «Тайфун», «Брызги шампанского», «Ворошиловский стрелок» и др. Автор серии книг «Банда». В журнале ВЕЛИКОРОССЪ Виктор Пронин выступает в несколько необычном для себя качестве – как автор рассказов.

Живёт в Москве.

Долгожданное преступление

Потом уже, через две-три недели, когда стали известны подробности, я хорошо представил себе, как всё произошло. Примерно в два часа ночи Сашка остался один. Вечеринка кончилась, друзья разошлись, и тут неожиданно оказалось, что ему идти некуда. Он жил в районе аэропорта, автобусы уже не ходили, на такси не было денег, да и попробуй поймай такси в такое время. Пустынные улицы, подмёрзшие звонкие лужи, и почти вся ночь впереди.

А надо сказать, что ночь здесь не назовешь уютной. Едва только стемнеет, с сопок словно бы опускается, сползает тайга, улицы наполняются запахами прелых листьев, сырости, хвои. А позже, когда погаснут окна, с улиц исчезнут люди и машины, всё это – тайга, туман, какая-то дикая тишина – набирает силу и безраздельно властвует до утра. Вокруг дома, но городом, как говорится, и не пахнет. Если в это время оказываешься один, тебя охватывает беспокойство, что-то заставляет быть настороже, идти быстрее и бесшумнее.

И в ту ночь с сопок наплывало и охватывало улицы состояние прошлого, тех давних времён, когда медведи безбоязненно захаживали в долину, а беглые каторжники дичали и мёрзли в окрестных лесах. Наверное, от каторжников и дохнуло на Сашку чем-то крамольным, запретным, и охватили его противоправные желания.

Нет-нет, я не оправдываю ночных грабителей, просто это Сашкино предположение. Когда он всё это излагал, ему было далеко не до шуток – мы сидели в коридоре суда, и нас вот-вот должны были пригласить в зал. Его – в качестве обвиняемого, а меня – как потерпевшего.

Так вот, похрустывая весенними ночными лужицами, Сашка направился прямёхонько к гостинице. Он долго стучал в закрытую дверь, пока не проснулась дежурная, спавшая на раскладушке.

– Фамилия? – спросила она, приподняв голову.

– Сидоров, – ответил Сашка первое, что пришло на ум.

– Совести у вас нет, Сидоров, – покряхтела дежурная. Она долго поднималась, тёрла пухлое лицо ладонями, постанывала – уж очень, видно, сон был сладок. – Эх, гражданин... Совести, говорю, нет!

Она первая назвала его гражданином, ещё не зная, что скоро такое обращение к нему станет привычным.

– Спасибо, мамаша, – поблагодарил Сашка. – Спите спокойно. – И он быстро прошёл мимо конторки

администратора, мимо тёплой ещё раскладушки дежурной, мимо газетного киоска. Поднявшись на второй этаж, Сашка тронул одну дверь, вторую, третью. Четвёртая оказалась незапертой. Поколебавшись, он протиснулся в номер. Из комнаты доносилось благодушное посапывание. Сашка шагнул вперёд, на залитое лунным светом пространство. Постоял. Никто не проснулся. Ни я, ни мой сосед Толик. Не раздеваясь, Сашка осторожно прилёг на свободную кровать. Луна светила ему прямо в лицо. На улице от этого света хотелось побыстрее скрыться, а здесь, в номере, он лишь приятно тревожил.

Прошло около часа. В номере слышалось всё то же умиротворённое дыхание. Тогда Сашка поднялся, выбросил в форточку первое попавшееся пальто, сунул за пазуху шапку с вешалки и вышел. В коридоре суда, когда ему незачем было скрывать что-либо, он не смог объяснить, зачем взял пальто и шапку. Во всяком случае, в наших карманах он мог бы найти кое-что поинтереснее. «Уж очень беззаботно вы спали…» – сказал он. Но это было потом, через месяц. А в ту ночь, спустившись в вестибюль, он снова разбудил дежурную.

– Мне нужно на вокзал. Скоро отходит мой поезд.

– А поднимались зачем? – подозрительно спросила дежурная.

– Документы нужно было взять.

– Вас выписать?

– Нет, я к вечеру вернусь. – Сашка сообразил, что, если бы ответил иначе, ему пришлось бы отвечать ещё на кучу вопросов. Он помог дежурной запереть дверь, прижав её снаружи, махнул рукой и свернул за угол, чтобы подобрать пальто.

Он рассказывал потом, что не нужны ему были ни пальто, ни шапка. Сашка работал механиком в аэропорту и почти круглый год ходил в роскошной кожаной куртке, о которой мечтали все, у кого её не было, – охотники, рыбаки, туристы, да и я в том числе.

– Понимаешь, – говорил он, – как выпью, будто блажь находит – нужно что-то стащить. И не по делу, а так… Шалость, вишь ли, у меня, озорство. Не поверишь, просыпаюсь однажды, а у моей кровати лежит резиновый коврик… Ну, об который ноги вытирают. Одни, когда выпьют, пляшут, песни поют, другие плачут и рыдают, третьи не прочь по физиономии кому-нибудь съездить… А я вот коврик принёс в общежитие. На кой он мне?

У Сашки было смуглое худое лицо, чёрные прямые волосы и немного обиженный взгляд, какой бывает у человека, который говорит чистую правду, а ему не верят. Рассказывая в коридоре суда о своих похождениях, он смущённо улыбался и мял, мял в руках опустевшую сигарету.

Как бы там ни было, но утром я оказался без пальто. Это было тем более печально, что за окном валил густой весенний снег, он шёл весь день, потом всю ночь, и было в его неслышном падении нечто возвышенное. А проснулся я оттого, что кто-то большой, розовый и пыхтящий ходил по комнате и бормотал не то недовольно, не то озадаченно. Это был Толик, сосед по номеру.

– Ты брал мою шапку? – спросил он, едва я открыл глаза.

– Она мне мала.

– Это ничего не значит. Мне, например, мало твоё пальто, но его я тоже не вижу. А на улице идёт снег. А завтра будет буран.

– По радио передавали?

– Передадут, – хмуро заверил Толик.

Он, видимо, был уверен, что беда не приходит одна и что, начнись сегодня оттепель, кража вообще потеряла бы всякий смысл. А чтобы мы могли её оценить по достоинству, неизбежно должны посыпаться тайфуны, бураны, циклоны, ураганы.

Я прошлёпал в прихожую, убедился, что пальто действительно исчезло, и вернулся в комнату. Округлой массой у окна светился Толик. Одна его рука была на бедре, второй он обхватил подбородок – думал.

– А между тем, – медленно проговорил он, – может статься, что всё к лучшему.

– Не понял.

– Ты знаешь, какого чёрта я здесь сижу? Жду преступления.

– Опять не понял.

– Адвокат я, дошло? Ад-во-кат. Но без практики. Мне нужно дело, на котором они могли бы испытать меня и принять в свою тёплую компанию. Адвокаты. Сечёшь? То, что я окончил институт, прибыл сюда по их же вызову, ещё ничего не значит. Они хотят посмотреть на меня в деле.

– Ишь ты! – Это единственное, что я смог произнести.

– Каждое утро я узнаю, где что случилось, где какая драка произошла, кто у кого что украл, кто за что кому морду набил, почему муж с женой поругался, за что директора магазина… И так далее.

– По-моему, ты производишь очень благожелательное впечатление, – уважительно сказал я, глядя на него с подушки. – И достаточно внушительное. Я бы тебе доверился.

– Ты хочешь сказать, что я достаточно толст? – Толик обиженно заморгал светлыми ресничками и выпятил сочную нижнюю губу. – Вот смотри. – Он повернулся ко мне спиной. Под левой лопаткой зиял круглый шрам.

– Кто это тебя?

– Дружинником был. Так что у меня со шпаной свои счёты.

– Но ты же адвокат, будешь их защищать. Или как?

– У тебя вульгарные представления о работе адвоката, – ответил Толик, но пояснять свою мысль не стал.

– Ножом пырнули? – спросил я.

– Нет, самодельный пистолет. Понимаешь, я вынужден быть толстым. После того как мне эту дырку под сердцем сделали, в легких какие-то процессы начались. Поэтому я жив, пока толст.

– Какого же ты преступления ждёшь?

– Среднего. Одно им кажется слишком простым, другое – слишком сложным для начала… Вот если бы этого типа поймали, он бы оказался в самый раз. А что касается моей работы, скажу тебе, скажу… Нечего лыбиться… Защищая одного, я произношу обвинительную речь против десятка других, которых нет на скамье подсудимых, которые сидят в зале. Но часто именно они толкают человека на преступление, вынуждают. Дурным обращением, дурным воспитанием, дурным примером. И не так важно посадить одного, как образумить десяток других, понял?

И тут Толик, не сходя с места, показал, что он действительно имеет самое непосредственное отношение к правосудию. Мягкой розовой глыбой согнувшись у телефона, он позвонил в милицию и профессионально четкими выражениями сообщил о ночном происшествии. Натянув пижаму, вызвал дежурную и поручил ей опросить жильцов в соседних номерах – не пропало ли чего у них. Потом снова позвонил в милицию и поинтересовался, выехала ли оперативная группа.

А тем временем дежурная, большая рыхлая старуха, причитая и постанывая, рассказывала взбудораженным жильцам о ночном госте, о том, какой у него зловещий голос, громадный рост, как он сразу показался ей подозрительным, рассказала даже, какая неприятная улыбка у злодея. Кстати, когда ей показали Сашку для опознания, она его не узнала. Допросы, очные ставки, протоколы сделали вора в её глазах рослым детиной с бандитской рожей.

В тот же день нас с Толиком пригласили в милицию, и инспектор уголовного розыска, пожилая худенькая женщина, принялась задавать нам скучные вопросы о цвете пропавших вещей, степени их износа, первоначальной цене, отличительных признаках…

Время от времени разговор прерывался, и мы все трое, я, Толик и женщина, смотрели в окно. Большие снежинки медленно скользили мимо берёз с толстыми стволами и тоненькими веточками, мимо рябин, сохранивших до весны красные гроздья, мимо взъерошенных чёрных лиственниц. Деревянные дома, деревья, заборы постепенно обрастали снежными хлопьями, их контуры становились мягкими, светлыми. И женщина, подперев кулачком щёку, забыв о степени износа вещей, неотрывно смотрела на невесомые столбики снега, вырастающие над гроздьями рябиновых ягод. Потом спохватывалась, часто моргала, будто старалась стереть с глаз картины, не относящиеся к данному уголовному делу.

– Так… Значит, вы утверждаете, что ночью ничего не слышали? – спрашивала она виновато.

– Не слышали, – отвечал Толик. – Мне кажется, вам следует предупредить комиссионные магазины, отправить своего товарища на рынок. Вполне возможно, что вор вынесет вещи, чтобы продать.

– Возможно, – соглашалась женщина.

– И ещё необходимо наведаться на вокзал, на автостанцию, в аэропорт. Ведь дежурная дала описание преступника.

– Разумеется, – говорила женщина и косилась на окно. Форточка была открыта, и залетавшие в комнату снежинки таяли на лету, превращаясь в маленькие холодные капельки. Самые крупные снежинки, не успев растаять, падали на лицо женщины, а она невольно, сама того не замечая, поворачивала голову, чтобы поймать лицом ещё одну снежинку, ещё одну…

– Сомневаюсь, чтобы они нашли этого вора, – сказал Толик, когда мы вышли на улицу. – Очень неустойчивая женщина. Тут нужна железная психика. Мёртвая хватка.

Было чуть ниже нуля, и снег под ногами не хрустел, а мягко, чуть заметно пружинил. Такой снег обычно не держится долго. И в самом деле, асфальт был сухой и пыльный, когда через неделю Толик, задыхаясь от бега, ворвался в номер. Его лицо было как никогда розовым, а от спины валил пар.

– Слушай, – сказал он хрипло, – там, в магазине… один тип… вроде в твоём пальто… Пошли!

Мы быстро спустились вниз, перебежали через дорогу и, стараясь не обращать на себя внимания, будто бы не торопясь, вошли в магазин. Парень, о котором говорил Толик, уже отстоял очередь у кассы и теперь с чеком шёл к колбасному отделу. Среднего роста, худощавый, смуглый, он задумчиво смотрел на продавца, а та под его взглядом никак не могла уравнять стрелку весов. Пальто на нём было моё. Возле кармана темнела маленькая дырочка – как-то в автобусе я зацепился за отогнутый уголок жести.

– Извините, – сказал я, – но это моё пальто.

На его лице промелькнуло выражение, которое можно было бы истолковать словами: «Ну вот, я так и знал!»

– Вы уверены? – спросил он. – Чьё же тогда пальто на вас?

– А вот этого товарища, – показал я на Толика. То, что на мне пальто с чужого плеча, и так было видно – плечи болтались где-то возле моих локтей.

– Так что вы хотите?

– Как что?! Не могу же я всё время ходить в этом балахоне!

– А! – протянул он. – Пожалуйста. – И начал расстегивать пуговицы. – Я не думал, что для вас это так важно.

И тут Толик проявил юридическую грамотность.

– Нет-нет, – запротестовал он. – Так не пойдёт. Давайте-ка прямо в пальто отправимся в одно место.

– Куда же именно?

– В милицию. Здесь недалеко.

– Зачем?

– Там разберёмся. Там мы во всём разберёмся – чьё пальто, почему пальто, зачем пальто и так далее.

– А разве мы в чём-то не разобрались? – повернулся парень ко мне.

Возможно, это было негражданственно, но мне не хотелось идти в милицию и снова проводить целый день за составлением протоколов, за показаниями, опознаниями. Но Толик настоял на своем. Цепко ухватив вора за локоть, он так и не выпустил его, пока мы снова не оказались в кабинете знакомой женщины.

Сашка вёл себя, по словам Толика, глупо. Он тут же во всём сознался, хотя гостиничная дежурная ни за что не хотела признать в нём ночного грабителя. «Не признаю», – твердила она даже после того, как Сашка напомнил ей детали своих похождений.

– И старуха тоже глупо ведёт себя, – сказал Толик.

– Почему? Может, она в самом деле не помнит его?

– Не имеет значения, помнит или нет. Этот тип возьмёт и скажет, что пальто купил

на базаре в прошлое воскресенье. И всё. Его придется отпустить. А весь убыток, и твой, и мой, оплатит старуха. Из своих трудовых доходов, между прочим.

– Что же ей делать?

– Не знаешь – молчи. Не помнишь – не настаивай. На нет и суда нет.

Вышло так, что Сашка совершил то самое преступление, которого ждал Толик. По юридическим канонам он не имел права защищать его, поскольку сам оказался потерпевшим, но, чтобы ускорить дело, я сказал, что пропавшие вещи принадлежат мне. И пальто, и шапка.

Прошло несколько дней, и как-то вечером, когда в город, как обычно, с сопок хлынула тайга, я, остановившись на перекрёстке перед красным светом, вдруг увидел, что рядом со мной стоит Сашка в кожаной куртке и берете. Он тоже узнал меня, усмехнулся.

– Привет, – сказал я.

– Привет.

– Что нового?

– Ты хочешь спросить, что я спёр нового и у кого?

– Да нет… Просто так. Тебя оправдали?

– Как меня могли оправдать, если суда ещё не было? Отпустили под расписку.

Дальше мы пошли рядом.

– Слушай, Саша, ну, понимаю, можно было пальто спереть, но на кой ты его надевал?

– А! – Он махнул рукой. – Решил посмотреть, что получится. Везучий я или нет… Оказалось – не очень. Этот дружок твой, адвокат, не говорил, сколько мне дадут?

– Не больше трёх. Но и это вряд ли… Года два-полтора…

– Это уже лучше, – вздохнул Сашка.

– Он сказал, что по-разному может сложиться… Как общественный обвинитель себя поведёт, ну, который от твоей организации.

– О! На это надеяться не стоит. Раз проворовался, то какой разговор… припомнят и опоздания на работу, и… Опять же не женился… Да, был у меня и такой прискорбный случай. Должен был я жениться на нашем диспетчере. Хорошая девушка, и всё, что нужно, у неё на месте, но совершила грубую ошибку – познакомила со своей подругой. И как раз накануне свадьбы, когда все технические службы аэропорта готовились к торжеству. А я того… ушёл в сторону. Аморалка налицо.

– Что же случилось с невестой?

– Озверела девка. Никогда не думал, что в каких-нибудь пятидесяти килограммах может быть столько злости. Пошла по начальникам, написала моей бабке в Ростов, раздобыла медицинскую справку…

– У неё что… ребенок?

– Какой ребенок! Честь у неё порушена! И что самое обидное – я ни при чём! То-то она меня к себе не подпускала…

– А эта, её подружка?

– Хорошая девчонка, на суде увидишь. Сколько на неё, бедную, свалилось! Но держится. Держится, представляешь? – Сашка посмотрел на меня с недоумением. – Знаешь, суд завтра, а я уже считаю, что мне не двадцать пять лет, а все двадцать семь, будто два года, которые дадут, уже прошли… Сегодня даже снился себе двадцатисемилетним… Потеха! Дома новые в городе, куртка вот эта уже дырявая, рукава протёрлись, вроде ребёночек уже у нас с этой девчонкой… Только не помню – парень или девка… Да! Говорит, ждать будет. Представляешь?

Улицы опустели, и мы шли по самой середине проезжей части. Наши скрещенные тени то убегали вперед, то отставали, путались под ногами. Пахло тёплой землей, откуда-то с окраины доносились крики паровозов. Потом над домами, так низко, что хотелось пригнуть голову, прошёл самолёт, мигая красными сигнальными огнями.

– Восемнадцатый рейс, – сказал Сашка, проводив его взглядом. – С материка. Ну ладно, мне пора!

– Слушай, – неожиданно для себя сказал я, – пошли в гостиницу, а? Пошли!

– Думаешь, пустят?

– Сегодня другая дежурная, она тебя не знает.

– А адвокат там?

– Наверное, где же ему быть. Завтра выступать.

– Это уже интересно. – Сашка оживился, но тут же опять сник – будто от тяжёлой мысли, о которой забыл на мгновение. – Ну, пошли, – сказал он равнодушно.

По узкой лестнице мы поднялись на второй этаж, остановились у нашей двери.

– Всё правильно, – сказал Сашка. – Та самая дверь. Теперь уже закрываетесь на ночь?

– И на день тоже. – Я толкнул дверь, она была заперта. Из глубины номера доносился голос Толика. Он говорил громко и старательно, будто втолковывал что-то непонятливому собеседнику. Некоторое время мы прислушивались, но, когда разобрали слова «граждане судьи», оба чуть не рассмеялись.

– Видишь, – сказал Сашка, – я опережаю время на два года, он – на один день… Что-то мы все торопимся, торопимся, вот только куда?

Я постучал. Голос в номере смолк, послышались шелест бумаги, шлёпанье больших ступней по пластиковому полу прихожей. Щёлкнул замок, дверь распахнулась. Толик был в пиджаке и при галстуке, но босиком. Увидев Сашку, он побледнел, отступил в глубину коридора, пропустил нас и закрыл дверь.

Сашка сел на ручку кресла, с любопытством огляделся, улыбаясь.

– Кажется, я здесь был когда-то…

– Наверняка был, – ответил Толик. – Мне нужно сказать тебе пару слов, – повернулся он ко мне. – Выйдем на минутку. Ты что, с ума сошёл?! – прошептал он, едва мы оказались в коридоре. – Хочешь меня под монастырь подвести?!

– А в чём дело, чего ты испугался?

– Адвокатам запрещено встречаться с подзащитным в такой обстановке. Это уже частное расследование. Вы бы ещё бутылку принесли! Слушай, у тебя страшно неустойчивая психика. Сегодня ты привёл вора, завтра убийцу заманишь…

Сашка ушёл.

Он молча улыбнулся у двери, махнул прощально рукой и вышел. В окно я видел, как он поднял воротник куртки, сунул руки в карманы и зашагал к вокзалу. Фонарь был впереди, за углом, и мне из окна казалось, что Сашка с трудом, согнувшись от напряжения, тащит за собой тяжёлую длинную тень. Она волочилась за ним, хватаясь за выступы дороги, за столбы, за деревья, посаженные вдоль тротуара. И даже когда Сашка скрылся за углом, я ещё некоторое время видел его тень, судорожно цепляющуюся за город.

– От твоего Сашки можно ожидать чего угодно, – сказал Толик таким тоном, будто ставил диагноз. – У него неустойчивая психика. Ему ещё повезло, что он попал за решетку по этому делу. Мог подзалететь куда серьёзнее. Пусть радуется. Полтора года – не так уж много. Я с дыркой возле сердца провалялся почти столько же.

– Девчонка обещает ждать его, – сказал я.

– Меня тоже ждала, – тихо, будто про себя проговорил Толик. – Не дождалась только. Толст я стал, понимаешь? Слишком толст для неё.

– Думаешь, ему грозит то же самое?

– Нет, там ему вряд ли удастся растолстеть, не те условия. А вот слишком тощим для своей девочки он запросто может стать.

– Ничего, поправится. – Мне почему-то хотелось, чтобы у Сашки всё получилось хорошо.

– Я говорю не о весе, – грустно пояснил Толик. – Подумаешь, вес. Я оказался слишком солидным, а Сашка наверняка окажется слишком никчемным.

– Жизнь покажет.

– В этой истории она уже не покажет ничего нового. Всё стало на свои места, и надолго. А какая была девушка, – вздохнул Толик, – какая девушка…

– А что с ней сейчас?

– Вышла замуж за зубного врача… На кой ей врач – не пойму. У неё прекрасные зубы.

– Если подходить с этой точки зрения, то ей, наверное, и адвокат ни к чему.

– Ты прав, – наконец согласился со мной Толик.

Киевский торт

Как-то вечером, когда приём уже закончился и Вера Петровна спешно заносила в карточки бесконечные сведения, которые положено вписывать во время приёма, в кабинетик вошёл хирург Николай Николаевич. Он неслышно сел на кушетку, застланную белой простынёй, откинулся спиной на крашеную стену и стал смотреть на Веру Петровну внимательно и почти влюблённо, как это могут себе позволить пожилые люди, понимающие, что их не заподозрят в срамных помыслах.

– Простите меня, Верочка, за нескромный вопрос… Сколько вам лет?

– Ох, Николай Николаевич! – непритворно вздохнула Вера Петровна, не отрываясь от карточек. – Все мои, все мои… Двадцать семь! – И она, быстро обернувшись, исподлобья посмотрела на хирурга широко раскрытыми глазами, словно сама удивилась этой страшной цифре. И добавила: – Будет.

– Замуж вам надо, Вера. Чтобы семья, муж, дети… чтобы не оставались вы тут со мной, стариком, да с уборщицей, которая вот-вот погонит нас отсюда своей поганой метлой.

– Не берут, – неловко усмехнулась Вера Петровна. – Чем-то я им не нравлюсь, что-то их пугает, никак не удаётся мне их пронять.

– Дураки потому что. Истинно дураки. – Николай Николаевич помолчал. – Хотите, я познакомлю вас с прекрасным молодым человеком – умным, образованным, обеспеченным? Хотите? – Морщинистое красноватое лицо хирурга приняло заговорщицкое выражение.

– Конечно, нет!

– Почему, Верочка?!

– Потому что таких не бывает. – Она рассмеялась.

– Есть такой! – Николай Николаевич подошёл к столу, чтобы видеть лицо Веры Петровны. – Он живёт со своей мамашей, моей давней знакомой, в городе Киеве. У него потрясающая квартира, замечательная должность в Министерстве сельского хозяйства, и он давно мечтает познакомиться с красивой, обаятельной…

– Стоп! – Вера Петровна подняла ладошку. – Киев славится красавицами, что ему мешает там?

– То же, что и вам здесь мешает, в таёжных глубинах нашего острова. Ведь это всё расхожие слова – большой город, много красавиц… а на деле всё проще… Соседи, сослуживцы, свой автобусный или трамвайный маршрут. Прохожих там много, но их и здесь хватает. На прохожих не женятся, за прохожих замуж не выходят. С людьми всё происходит, когда они перестают быть прохожими друг для друга. Значит, договорились. Я отсылаю ему ваш адрес и анкетные данные. В меру сил опишу внешность, хотя заранее знаю, что мне это не под силу.

– Ни в коем случае! – испугалась Вера Петровна. – Не вздумайте!

– Послушайте меня. – Николай Николаевич снова сел на кушетку. – Я пошлю ваш адрес. Он напишет письмо. Не понравится – не отвечайте. Можете порвать его, не вскрывая. Вы знаете, как переводится на русский язык слово «Поронайск»? Гнилое место. Мне так не хочется, чтобы название нашего городка отразилось на вашей судьбе…

В маленькое перекошенное окно Вера Петровна видела заснеженный карниз, освещённый настольной лампой, черноту ночи, фонарь в конце улицы, мелькнувшие вдалеке фары машины. Где-то залаяла собака, тут же откликнулась ещё одна… Николай Николаевич, ожидая ответа, залюбовался ею – строгий взгляд тёмных глаз, такой, наверное, и должен быть у врача, короткая стрижка, белый халат, перетянутый пояском. И видел, видел старый плут Николай Николаевич в её глазах ту женскую дерзость, за которой безошибочно можно угадать жажду любви, готовность к поступкам рисковым, бесшабашным.

– Знаете, – она как-то беспомощно посмотрела на Николая Николаевича, – что-то в этом есть несимпатичное. Вроде заочной солдатской переписки.

– Очень глупые слова, – мягко сказал Николай Николаевич. – Кто к нам сюда ходит? Старики и старухи. В основном старухи. Что у них болит? Живот, поясница, ноги

отнимаются, память, на вены жалуются, на мочу, чёрт знает на что! Вы поработаете здесь ещё два года и решите, что на острове вообще нет здоровых людей, нет молодых и весёлых. И самое печальное будет то, что в конце концов окажетесь правы. Молодые и весёлые посещают другие заведения. Послушайте меня, Верочка… Нет, вы послушайте… Что происходит – все заняты, ни у кого нет времени, все куда-то несутся, чего-то добиваются и наконец успокаиваются. И спросите у любого в последний его час – был ли он счастлив? Скажет – да, был. Не потому, что в самом деле познал счастье на этой земле, а потому, что так принято отвечать, потому, что стыдно нам признаться, что уходим, так и не вкусив этого непонятного, недоступного плода. И, умирая, мы говорим – да! И называем стройку, наш остров называем, медаль, которую вручили по какому-то случаю, аплодисменты, как-то раздавшиеся в нашу честь, грамоту от какого-то начальника вспомним, будильник, подаренный по случаю выхода на пенсию. И так мало людей, которые решатся в последний час назвать женщину, любовь, упоительное сумасшествие на этой почве… Может, я всё путаю, и люди давно уже не сходят с ума от любви, может, они трогаются умом исключительно от белой горячки? Не знаю… Мы одержали такую внушительную победу над человеческой природой, что, даже умирая, человек не может забыть, как ему случилось быть победителем соревнования, а какой-то заезжий руководитель пожал ему руку и заверил, бессовестно глядя в глаза, что он им гордится…

– Всё! – оборвала хирурга Вера Петровна. – Уговорили.

Письмо из Киева пришло через месяц.

Снег подтаял, отяжелел, смерзся, и дорога от поликлиники к общежитию сделалась ледяной, сверкала под луной острыми изломами, в ней отражались фонари и окна домов. Заглянув в почтовый ящик, Вера Петровна вместе с привычной серой пачкой газет увидела белый конверт с незнакомым почерком. Сердце её тревожно дрогнуло, ключ не сразу попал в прорезь железного ящика, письмо Вера Петровна поспешно сунула в сумку, будто в самом этом конверте с красно-синими ромбиками авиапочты было что-то непристойное. В комнатке общежития она положила письмо на стол и занялась печкой. И, строгая лучины, разжигая их, подбрасывая в огонь полешки, она с опаской поглядывала на конверт.

Наконец, когда дрова разгорелись, начали постреливать и метать по стенам огненные блики, решилась, открыла. Быстро пробежала строчки. Не найдя ничего чрезвычайного, прочла внимательнее. Роман, его звали Романом. «Очень хорошо, – подумала Вера Петровна, – не самый худший случай». В общем же письмо оказалось суховатым. Роман сообщал, что старый друг их семьи, Николай Николаевич, в большом восторге от Веры Петровны, просил написать ей несколько слов, что он и делает с большим удовольствием и передает привет Николаю Николаевичу.

– Обязательно передам, – вслух сказала Вера Петровна.

За последующую неделю она прочла письмо раз десять, каждый раз находя в нём что-то новое. Впрочем, она сознавала, что больше додумывает, нежели действительно видит что-то в этих строчках, написанных мелким четким почерком. В коротенькой записке она поблагодарила Романа за внимание, написала, что его письмо очень понравилось, что на острове к письмам вообще отношение трепетное и каждое становится маленьким праздником.

Ответ пришёл неожиданно быстро. Едва вынув письмо из ящика, Вера Петровна сразу ощутила его плотность. «Фото прислал», – решила, и не ошиблась. Через час, расположившись на низенькой табуретке у печи, она распечатала конверт и вынула из него коричневый снимок. Молодой мужчина, с гладко зачёсанными назад волосами, с почти незаметными залысинами и маленьким ртом, смотрел на неё пристально, даже с какой-то требовательностью, словно ждал от неё обещанного. В письме говорилось, что он был счастлив получить весточку, что он в восторге от её юмора, ума, почерка и даже сахалинский пейзаж на конверте ему показался чудесным.

«Ну, это уж ты, братец, подзагнул, – сказала про себя Вера Петровна, но в душе осталось приятное чувство. – Цену своему юмору я знаю, так что давай не будем». Но Роман её несколько разочаровал. «Мордатый какой-то, – подумала она, – похоже, щёки со спины видать».

Вера Петровна поставила снимок на полку, где уже лежала обкатанная волнами коряга, кусок оленьего рога и ракушка морского гребешка. Теперь к этой компании прибавился портрет Романа. Каждый день по нескольку раз сталкиваясь с его маленькими настороженными глазками, она постепенно начала различать в них скрытую улыбку, доброжелательность, а как-то после работы у неё даже вырвалось:

– Ну, как поживаешь тут без меня, щекастенький?

И послала свою фотографию.

Послала с тайной надеждой потрясти Романа. На снимке она нравилась себе. Один из больных, бывший фотокорреспондент местной газеты, сфотографировал её прямо в кабинете – в белом халате, со стетоскопом на груди, на столе телефон, стопка карточек. В её лице была загадочность, может быть, даже значительность, происходящая от богатства духовного мира, – так Вера Петровна не без улыбки определила выражение своего лица. А письмо приложила нарочито короткое, простоватое, сознательно основной удар доверив большому, с хорошим глянцем снимку. Он обладал ещё тем преимуществом, что был любительским, – дескать, не специально в фотоателье бегала, не красилась, не завивалась для такого случая, получилась какая есть.

Она не ошиблась, ответное письмо Романа показалось ей даже растерянным. Удар состоялся. Возможно, раньше он писал ей как старой деве, забытой Богом и людьми, в чем-то ущербной, несчастной, и только сейчас понял, что судьба подбрасывает ему подарок. Не успела Вера Петровна ответить, как пришло второе письмо. Несколько листов были исписаны мелким плотным почерком. Роман рассказывал о своей работе, о том, какие важные дела ему приходится утрясать, целую страницу посвятил какому-то потрясающему фильму про любовь, намекнул про заработок, квартиру.

Вера Петровна призадумалась, подняла глаза на снимок. Он пересох, согнулся, его верхний и нижний края почти соприкасались, но из глубины всё так же пронзительно и требовательно светились глазки Романа. Теперь в них виделась чуть ли не подозрительность. А когда она как-то вечером собралась к медсестре на день рождения, во взгляде Романа вспыхнула откровенная ревность. Не нравились ему вечерние её отлучки, ох не нравились.

– Ну что, мордастенький? – спросила Вера Петровна. – Как дальше жить будем?

Роман прислал ещё несколько писем, три отправила она. И почувствовала исчерпанность. Его письма не приносили ничего нового, да и в своих она ощущала пустоту. Ловила себя на том, что пишет вроде как по обязанности. Роман, видимо, тоже испытывал нечто похожее и прислал ещё один свой портрет, цветной. Он оказался розовощеким, с неприлично алыми губками, с каким-то химическим цветом глаз, но это у него в зрачках отразилась электронная вспышка. Вера Петровна поблагодарила, но ещё один свой портрет посылать не стала. Это было бы повторением пройденного.

Наступила весна. Роман писал, как на Крещатике цветут каштаны, но это она знала и без него – телевидение оповещало об этом всю страну с такой поспешностью, словно цветы эти были предвестником счастливых перемен. Написал Роман и о том, что собирается летом в отпуск на Чёрное море. Но с собой не звал. То ли было ему с кем отдохнуть, то ли полагал, что остров настолько далёк, что люди оттуда вовсе и не приезжают на Чёрное море, обходясь Анивским заливом и Поронайскими пляжами.

Вера Петровна набиваться не стала, поступила проще. У неё за последние три месяца накопилось семь отгулов, не без помощи Николая Николаевича она взяла их все сразу. Присоединив два воскресенья и одну субботу, она получила десять дней отпуска. И, послав впереди себя телеграмму, вылетела в Москву, а оттуда поездом в тот же вечер – в Киев.

Она старалась не думать о своём решении, понимая, что, если взглянуть на него пристальнее, в нём обязательно обнаружится что-то недостойное. В самом деле, ее никто не звал, никто не давал ей права обычные письма истолковывать как нечто существенное. Но она оправдывала себя тем, что её приезд, как и письма, никого ни к чему не обязывает. Да, у неё деловая поездка в Москву, и она на два-три дня заскочила в Киев, уж коли оказалась так близко от этого города. Вот и всё.

Романа узнала сразу. Увидев его на перроне из окна вагона, Вера Петровна некоторое время наблюдала за ним. Он в самом деле оказался полноватым, невысокого

роста, с толстым портфелем и маленьким букетом цветов. Роман нетерпеливо поглядывал на часы, из чего Вера Петровна заключила, что он торопится и её приезд некстати. Она окинула себя взглядом в зеркале купе – розовый плащ, сиреневый свитер с высоким воротником, небольшой чемодан на «молнии», сумка на длинном ремне. Ничего, сойдёт.

– Здравствуйте, Роман, – сказала она, подходя. Он продолжал озабоченно смотреть в тёмный провал тамбура. Ей показалось, что в его взгляде промелькнуло даже раздражение.

– О! Здравствуйте! Как здорово, что вы приехали! Разрешите чемодан… Да, это вам. – Он протянул цветы, и Вера Петровна не могла не подумать, что о южных цветах у неё было мнение куда более восторженное.

Роман быстро шагал через вокзальную площадь. Вера Петровна еле поспевала за ним, натыкалась на людей, сумка её цеплялась за чьи-то чемоданы, узлы, кошелки. После двух суток дороги она устала, давал себя знать перепад времени в семь часов, однако, Роман вёл себя так, будто она приехала из пригорода.

Они протиснулись в троллейбус. Вера Петровна позволила себе лишь стрельнуть глазами в сторону остановки такси, но Роман тут же объяснил, что ехать совсем недалеко, что троллейбусом куда удобнее, на такси очередь и так далее. Оказалось, что едут они не домой, а к министерству, где Роману нужно подписать какую-то бумагу – он похлопал ладонью по портфелю. Посмотрев наконец на него с близкого расстояния, Вера Петровна отметила, что он гладко выбрит, на нём свежая сорочка, коричневый пиджак был тесноват, но застёгнут на обе пуговицы. Роману было жарко, и время от времени он просовывал палец за воротник и оттягивал резинку галстука.

Троллейбус остановился у большого здания, они вышли. Вера Петровна с трудом выдернула свою сумку из толчеи пассажиров. Цветы подвяли, стебли потеряли упругость и беспомощно свисали вокруг кулачка. Роман окинул её быстрым оценивающим взглядом, и она поняла, что не всё в ней ему понравилось, но он промолчал и частым деловитым шагом устремился к подъезду, увешанному стеклянными вывесками.

– Вы здесь работаете? – спросила Вера единственное, что пришло ей в голову.

– Да! Вот в эти высокие двери я вхожу каждый день, поднимаюсь в лифте на пятый этаж… Видите третье окно справа от угла? Это мой кабинет, рядом подчинённые.

– И много их? – Вера Петровна решила польстить самолюбию Романа, вопрос о подчинённых должен был ему понравиться.

– Видите ли… Один в отпуске, второй оформляется, третий… ещё не в штате. Я попрошу вас вот о чём… Посидите вон на той скамейке, а я вернусь через десять минут. И тогда мы поедем домой. Хорошо?

– Конечно, подожду, – сказала Вера Петровна, чувствуя, что освобождается от скованности. Уж если он поступает так, то и ей нечего волноваться.

– У нас пропускная система, швейцары, вахтёры, милиционеры и так далее. С ними лучше не связываться. – Роман оглянулся по сторонам, и Вера Петровна догадалась, что он не хочет, чтобы их видели вместе.

– Ваша девушка тоже работает здесь?

– Девушка? – Роман растерялся.

– Просто подумалось… Я угадала?

– И да и нет. Это не так. Иначе мы с вами… Я скоро! – Он махнул рукой и направился к подъезду, помахивая портфелем, так странно похожим на своего хозяина – портфель тоже был небольшим и так плотно набит, что его ремни еле дотянулись до замков. Роман шагал чётко и часто, штаны его морщинились, задний разрез на пиджаке разошелся в стороны – поправился Роман, видимо, недавно и ещё не успел сменить костюм.

Ещё до поездки Вера Петровна определила для себя, каким она может принять своего киевского знакомого, каким не примет ни при каких условиях. Пока Роман не восхитил её ни внешностью, ни манерами, но и не переступил он порог допустимого. Сидя на скамейке, радуясь возможности в начале весны насладиться сильным, жарким солнцем, Вера Петровна рассматривала проходивших мимо людей в лёгких одеждах, уже успевших загореть, смотрела на яркие клумбы с цветами и незаметно

задремала. Когда Роман подошел к ней, она крепко спала, положив голову на чемодан.

– Верочка! Я совсем замучил вас! Простите! – проговорил он без подъёма.

Она взглянула на часы – его не было больше часа. «И он не нашёл возможности выйти и сказать, что задерживается?» – подумала она рассеянно. Час назад она ещё боялась разочаровать его, показаться некрасивой, неумной, невесёлой, теперь эти опасения отпали.

– Что бумаги? – спросила она. – Подписали?

– Нет. Отложили на завтра.

– На субботу?

– Ах да…

– Значит, у меня есть время до понедельника?

– Конечно! – сказал Роман, думая о своём, всё ещё бегая по этажам и заглядывая в кабинеты. Она явственно увидела, как он расстегивал пряжки портфеля, вынимал свои важные бумаги, а начальник, такой же толстый и плотный, отпихивал их. Роман засовывал бумаги обратно в портфель, торопился в другой кабинет, здоровался от двери, мелкими шагами приближался к большому столу, но начальник, едва завидев его портфель, вытягивал вперёд ладони, делал жалобное лицо, показывал на часы и подталкивал, подталкивал Романа к выходу, пока не захлопывалась за ним большая, лакированная дверь…

Вера Петровна так ясно представила себе эту картину, что невольно улыбнулась. Она хотела побыть в Киеве неделю и обратный билет купила на следующую субботу. Теперь же, обронив вопрос о том, можно ли ей остаться до понедельника, сама отрезала пути к отступлению. «Ничего, больше побуду в Москве», – решила она.

– А знаете, – сказал Роман, – я увеличил вашу фотографию и повесил дома над столом.

– И как я вам показалась в увеличенном виде?

– В натуральную величину вы лучше.

– Да? Когда же вы успели заметить?

– Успел.

– Не иначе как из окна своего кабинета?

– До него я и не добрался, – он не заметил подковырки.

Троллейбус снова был переполнен, они с трудом протиснулись в него, вжались в угол на задней площадке у самого окна, и Роман принялся называть улицы, по которым они проезжали, площади, какие-то памятники, магазины, рассказывал, что в каком продают…

– Хороший город, – сказала Вера Петровна. – Чистый.

– И это всё, что вы заметили?!

– Мне кажется, что это не так уж мало для любого города.

– Ах да… После вашего посёлка это и в самом деле бросается в глаза.

Вера Петровна остро почувствовала уязвлённость, ощутила, что в снисходительном отношении к Поронайску Роман идёт дальше, его пренебрежение захватывает и её, пусть самым краешком, пусть невольно, без злого умысла, но захватывает. Пришло такое ощущение, что Роман не сам по себе, с ним заодно и эти высокие дома, обложенные массивными блоками из красного гранита, эти улицы, каштаны, министерства, троллейбусы, министерские двери в два человеческих роста, бумаги, раздувшие его портфель, бумаги, в которых судьбы, события, решения. Всё это у него в тылу. А что в тылу у неё? Перекошенный, подтекающий кабинетик в поликлинике на противоположной стороне земного шара, две сотни метров деревянных тротуаров, больные старухи, которые приходят на приём, когда уж совсем одичают от одиночества…

Подумав об этом, Вера Петровна только сейчас осознала постыдность своего поступка – приехала, словно и не сомневалась, что этим осчастливит Романа. А её приезд не стал для него даже настолько важным, чтобы отложить бумаги до понедельника. Не отложил. И не очень огорчился, не подписав их. «Ну что ж, – решила Вера Петровна, – всё правильно. Было бы хуже остаться дома и маяться в бесконечных раздумьях и колебаниях. А тут одним махом – и сразу всё на местах». Вера Петровна с

облегчением почувствовала лёгкую отчуждённость к Роману, усмехнулась его напряжённости, с которой он бросался к названию улиц, к каждому памятнику, магазину, проплывающему за окном троллейбуса, опасаясь в чём-то разочаровать её. Она уже прошла через это.

Но обстановка дома озадачила Веру Петровну. Мать Романа, взволнованная приездом гостьи, напекла пирогов, навела в квартире порядок, которого можно добиться ненадолго, да и то к празднику. На столе темнела, серебрилась, искрилась капельками бутылка шампанского, возвышался ярким архитектурным сооружением букет громадных южных цветов, сама Клавдия Фёдоровна надела новое платье с белым воротничком. Невысокая старушка с загорелым лицом смотрела на гостью с нескрываемым обожанием, покрикивала на сына, посылая его за стаканами, за тарелками, вилками, тот послушно бегал, и постепенно исчезала из его глаз министерская озабоченность, на Веру Петровну он поглядывал с удивлением, будто не её встречал на вокзале, будто не с ней мотался по городу в переполненных троллейбусах. Переодевшись и приняв душ, Вера Петровна и сама почувствовала, что выглядит неплохо. Она не хотела надевать халат, но настояла Клавдия Фёдоровна, увидев в этом возможность сразу перевести их отношения в домашние. И действительно, за общим столом, подпоясанная узким пояском, который так выгодно подчеркивал талию, Вера Петровна казалась близким человеком, и это её превращение, похоже, озадачило Романа.

Но Вера Петровна оставалась сдержанной, твёрдо помня, что через два дня ей уезжать и что Роман ни словом не возразил против её отъезда. А поулыбаться, пошутить, отдать должное пирогам и шампанскому – пожалуйста, уж коли Николай Николаевич их общий друг, который живёт где-то очень далеко отсюда и который прислал привет и литровую банку красной икры. Вера Петровна охотно улыбалась, рассказывала о своей работе, о Николае Николаевиче, уважении, которым он пользуется в городе Поронайске, где его знает каждая собака, простите, каждый житель от мала до велика. И ни разу не дала понять, что приехала показаться, познакомиться, понравиться.

– Переезжайте в Киев, Верочка! – воскликнула раскрасневшаяся Клавдия Федоровна, но смотрела почему-то на Романа.

– В Киев? – беззаботно переспросила Вера Петровна. – Это сложно. Государство строго следит за тем, чтобы в хороших городах не было лишних людей.

– Да какая же вы лишняя?! – возмутилась Клавдия Федоровна. – Ни одной минуты вы не почувствуете себя здесь лишней! Роман, ты слышишь?!

– Все сложности только издали кажутся непреодолимыми, – произнёс Роман. – А при ближайшем рассмотрении они оказываются… не столь уж серьезными.

Нет, не было в его словах ответа на вопрос Клавдии Фёдоровны. Не поддержал он её приглашения перебираться в Киев, не заверил, что Вера Петровна действительно не почувствует себя здесь чужой.

– Вы слышите! Решайтесь, Верочка!

– Решаться на что?

– Ну, как… Роман! Скажи что-нибудь?!

– В Киеве много медицинских учреждений, работу найти несложно. В крайнем случае поможем, у меня есть к кому обратиться…

– А какой случай вы называете крайним? – спросила Вера Петровна, рассматривая цветы на столе.

– Когда возникают трудности, когда приходится прибегать ко всевозможным усилиям, чтобы преодолеть препятствие.

– Вы думаете? – рассеянно спросила Вера Петровна.

– Да! – с преувеличенной твердостью сказал Роман. – Я всегда сначала думаю, а потом говорю.

– Какое хорошее качество! Но мне кажется, время ваших слов не пришло, ведь вы еще думаете, верно?

– Верочка, вы начинаете кусаться, это мне нравится.

– Наконец-то хоть что-то вам понравилось во мне, – рассмеялась Вера Петровна. – А то я уж совсем пала духом.

– Но ведь и вы, Верочка, ещё думаете, – заметила Клавдия Фёдоровна.

– О! Я вообще сначала поступаю, а уж потом думаю, разве нет? – После шампанского Вера Петровна могла себе позволить рискованные слова.

– Из чего же это видно? – спросил Роман несколько оскорблённо, хотя и непонятно было, что вызвало его обиду.

– Это видно из того, что я здесь, а вы всё ещё дома!

– Вера, да с вами опасно разговаривать! – восхитился Роман.

– Только разговаривать со мной и опасно, – успокоила его Вера Петровна, не желая замечать двусмысленности своих слов.

Роман посмотрел на неё озадаченно, склонил голову набок, обдумывая услышанное, потянулся к бутылке, но она оказалась пуста.

– Ничего, я принесу, – сказала Клавдия Фёдоровна, поднимаясь. – Здесь недалеко один магазинчик, там бывает… А вы пока поговорите. – Она выразительно посмотрела на сына.

– Что вы, Клавдия Фёдоровна! – воскликнула Вера Петровна. – Не надо! Откровенно говоря, я сижу из последних сил, у нас уже глубокая ночь, я попросту засыпаю!

– Ничего. Пройдусь, подышу, а то я слегка захмелела. Я постелю вам, Верочка, в комнате Романа, а он устроится в общей.

Клавдия Федоровна ушла. Роман с шалым блеском в глазах поглядывал на Веру Петровну, пока она убирала со стола, мыла посуду. Потом направился к проигрывателю, покопался в пластинках и поставил Пугачёву. Что-то, видно, перекликалось в его душе с раскованностью певицы и безудержностью чувств, которые она воспевала. А пела она о том, как некий чудак, до смерти влюбившись в заезжую красотку, взял да и в одночасье распродал всё своё имущество – дом, кое-какие художественные ценности и на вырученные деньги накупил цветов, исключительно красного цвета, что должно было говорить о страстной его любви. Цветов оказалось так много, что он завалил ими всю площадь перед домом, где остановилась красотка. Неизвестно, как она отнеслась к такому объяснению, но наутро поспешила покинуть и этот город, и странного типа в задрипанных штанах. Больше она сюда не приезжала, но до конца жизни оставалась потрясённой невиданным зрелищем заваленной цветами площади. Происшедшее с лихвой окупало все огорчения и беды, которых немало случалось в их жизни…

– Вера! – растроганный цветочной историей, произнёс Роман. – Простите меня, но сегодня… вы просто обалденная!

– Ха! – легкомысленно воскликнула Вера Петровна. – Вы не видели меня вчера! Но лучше всего я выгляжу в начале недели.

– Почему? – опешил Роман.

– Отсыпаюсь за выходные.

– Нет-нет, вы действительно обалденная.

– Скорее обалдевшая.

– Я, конечно, понимаю рискованность своего комплимента, но ничего не могу с собой поделать. Возможно, это словцо и отдает вульгарностью, но оно внедрилось в нашу речь! Значит, какие-то струны современного человека оно затрагивает, как вы думаете, Верочка?

– Не знаю. – Вера Петровна передернула плечами. – Словцо достаточно… сильное. Возможно, в нём что-то есть. Я пока обхожусь.

Дома, в свободных брюках на резинке и рубашке навыпуск, Роман не казался полным. Вера Петровна уже не замечала маленьких глаз, второго подбородка, наметившегося животика. Роман был оживлён, хотел ей понравиться, развлекал песнями и разговорами… Чего ещё? Он взял её за руки, усадил на диван, сам сел рядом, совсем рядом.

– Вера… Вы только что сказали… Сказали, что вот я-то дома, а вы вроде того что в гостях… Знаете, я не возражаю… вернее, предлагаю… Давайте будем считать, что мы дома. А?

– Будем считать? А как будет на самом деле?

– Не придирайтесь к словам, Верочка! Вы меня поняли, и я вас понял… ведь приехала, сама приехала… ты же сама приехала…

Роман подался ближе, и Вера Петровна, не удержавшись, опрокинулась навзничь. Он не помог ей подняться, наоборот, навалился сверху тяжёлым неповоротливым телом, задышал прерывисто, что-то забормотал невнятное, начал копаться в своих широких штанах на резинке, и вдруг она почувствовала его руки у себя на бедрах.

– Роман, и у вас нет никаких сомнений? Вы считаете, что так всё и должно быть? Мы же сегодня впервые увидели друг друга. Вас это не смущает? – Она смотрела на него своими тёмными глазами, не отталкивая, но и не поощряя.

– Верочка… – Он потянулся к ней губами, ткнулся куда-то в щеку, в ухо. – Ты спрашиваешь о сомнениях… вот мы их и устраним, и не будет никаких сомнений… Должен же я убедиться, что ты подходишь мне… Вернее, что мы подходим друг другу…

Роман был слишком неповоротлив. Стоило Вере Петровне чуть повернуться и подтянуть к себе колени, как он грохнулся с узкого дивана на пол. Его позу можно было бы назвать непристойной, но в таких случаях непристойность вполне естественна.

– Приведите себя в порядок, – сказала Вера Петровна, вставая.

И почему-то заплакала.

Всё-таки она была врачом и на многие вещи смотрела проще, чем большинство людей. Когда Клавдия Фёдоровна, так и не найдя шампанского, позвонила в дверь, Роман и гостья чинно сидели за столом и пили чай с пирогами. Роман рассказывал со всеми подробностями, какие бумаги он хотел сегодня подписать, к кому ходил, какие замечания делались, а Вера Петровна говорила о своих старушках, оставленных в далеком Поронайске, об их причудах, капризах, болезнях. Роман смеялся охотно, громко, долго, пытаясь сгладить свой промах.

– Я, кажется, напрасно уходила? – спросила Клавдия Фёдоровна, сразу почувствовав, что без неё в доме что-то произошло.

– Похоже на то, – невесело улыбнулась Вера Петровна.

– Он всё испортил?

– Ну почему же всё… Мебель в сохранности, посуда на месте, окна целы…

– Верочка, вы только не торопитесь с выводами, ладно? Мужику слегка за тридцать… С вами наедине мало кто устоит, уж вы мне поверьте. Да вы и сами знаете…

Оставшиеся до отъезда два дня прошли как нельзя лучше. Вера Петровна почти сроднилась и с Клавдией Фёдоровной, и с Романом. Когда все собирались за столом, он говорил о больших делах, которые ему приходится решать, какие уважаемые люди стремятся заручиться его поддержкой, подробно рассказал, как ездил в Болгарию, а Вера Петровна, помня раздутый от бумаг портфель, почему-то не очень верила, полагая, что важных бумаг не может быть так много, но говорила больше о заброшенности Поронайска, о смешных случаях с больными, об островных туманах и дождях. Роман и Клавдия Фёдоровна воспринимали её рассказы всерьёз, не видя в них своеобразного протеста, не чувствуя, что гостья попросту подыгрывает в их стремлении казаться значительнее.

А между тем Роман всё больше привязывался к Вере Петровне, он даже предлагал сделать ей больничный лист, чтобы она могла задержаться ещё хотя бы на недельку.

– Что вы! – с преувеличенным ужасом воскликнула Вера Петровна. – А как же мои старушки! Они совсем заскучают.

– Старушки вам дороже, чем я? – Роман капризно кривил алые губки, отворачивался, пыхтел и, похоже, в самом деле не хотел столь скорого отъезда Веры Петровны.

– Вы же знаете, что дело не в этом… И потом, я уже взяла билет.

– Взяли билет? – огорчился Роман. – Купил бы я вам этот билет! Всё-таки вы приехали ради меня… Ко мне… Должен же я хотя бы половину расходов…

– Ну зачем же так! Возьмите мне лучше на дорогу киевский торт.

– Послушайте, Верочка… – Роман взял её под руку, и они прошли вглубь сквера. – Я, наверно, здорово оплошал в первый день… Вы уж не имейте на меня зуб, ладно? У вас были такие глаза, вы так улыбались… Будь на моем месте деревянный идол – и тот бы выбросил побеги!

– Всё в порядке, Роман. Всё отлично. Так я надеюсь на торт?

– А я приеду к вам! Хотите?

– Конечно, приезжайте. Может быть, вам и понравится наше тмутараканское ханство на берегу Тихого океана.

– Я к вам приеду, Вера! К вам!

– Конечно, Роман. Буду очень рада.

– А ведь вы не отвечаете. – Роман стал похож на свою фотографию, которую прислал на остров, – взгляд его сделался пронзительным и ревнивым.

– Ну хорошо… Поговорим. Вы уверены, что ваше желание ехать не исчезнет через день, через два? Нам надо многое решить, вернее, на многое решиться. А сейчас, здесь, среди этих роз, можно легко говорить о приезде, отъезде… Но эти разговоры нас ни к чему не обязывают. Правильно? Я приехала без приглашения, это даёт вам право поступить так же. А наша разлука… Простите это душещипательное слово… Наша разлука все поставит на свои места. Вы человек значительный…

– Да какой я, к черту, значительный!

– Вы говорили об этом всё время, да я и сама вижу, – улыбнулась Вера Петровна. – Поставить рядом вас и меня – это всё равно что поставить рядом Киев и Поронайск…

– Первый раз за все эти дни вы говорите чушь! – Роман ушёл вперёд, вернулся, остановился перед Верой Петровной, посмотрел в её тёмные глаза, которые сейчас были не так строги, как обычно. – Мне тяжело отпускать вас… Я привык… и не собираюсь отвыкать. Я внятно выражаюсь?

– Вполне.

– Мы увидимся?

– Надеюсь.

Роман не купил торт. Не смог. Пришёл вечером усталый и злой, принёс коробку каких-то конфет, перетянутых лентой. Торт Вера Петровна купила в день отъезда недалеко от вокзала. Роман, придя её провожать и увидев круглую коробку, украшенную зелёными каштановыми листьями, схватился за голову.

– Не смог, Верочка! Опять оплошал. Дикие очереди за этим тортом. Кажется, это единственное, что можно увезти из Киева в подарок. Посмотрите на отъезжающих – у каждого по три, по пять тортов.

– Но я тоже с тортом, – улыбнулась Вера Петровна. – Все в порядке. Пишите, Роман. Я буду ждать ваших писем. Желаю хорошо отдохнуть на море.

Торт Вера Петровна благополучно довезла до Москвы – проводница согласилась поместить его в свой холодильник. На следующий день ей удалось взять билет на самолёт, и через десять часов после вылета Вера Петровна была уже в Южно-Сахалинске. Ночевала она в маленькой гостинице, известной в городе под названием «Золотой клоп», – ей досталось место на раскладушке в коридоре. Шипели трубы отопления, откуда-то вырывался пар, всю ночь хлопали двери, грохотали голоса, и Вера Петровна почти не спала. Торт она поместила между рамами, но среди ночи пошёл дождь – весна настигла её и здесь. Она слушала шум дождя, вспоминала свою поездку, несостоявшееся сватовство и незаметно заснула. А утром выяснилось, что внешнего стекла в оконной раме не было и дождь всю ночь поливал зеленые каштановые листья на картонке. Но торт остался целым. Вера Петровна выехала поздним поездом и утром была в Поронайске. Последние сотни километров она не спала – смотрела в окно на знакомые островные пейзажи, которые так отличались от киевских. Узкоколейка вела всё дальше на север, и всё беднее, худосочнее становилась тайга, всё плотнее становился туман над морем, справа от дороги.

– Как вам понравился Роман? – спросил Николай Николаевич.

– Очень хороший жених. Молодой, с квартирой… похоже, обеспеченный. Вежливый.

– Значит, зря съездили, – огорчился хирург. – Когда отмечают вежливость, обеспеченность… Это конец. Значит, всё-таки зря… Жаль.

– Ну почему же зря?! Я привезла совершенно обалденный торт!

– А вы ему понравились. Он звонил мне, умолял подействовать на вас, повлиять как-то… Сегодня мне опять идти на переговоры. Может, вместе пойдём?

– Давайте пить чай, Николай Николаевич! С киевским тортом. Вы такого никогда не пробовали. Я, кстати, тоже.

– Ну что ж, чай – это хорошо, – вздохнул Николай Николаевич, присаживаясь на кушетку. – Что мне ему сказать?

– Скажите, что у меня прекрасные впечатления от поездки, что я очень благодарна и ему и Клавдии Фёдоровне за гостеприимство.

– Он грозится приехать.

– Не приедет. Для него это слишком далеко. Мы ведь и в самом деле живем далековато. Да и не в расстоянии дело… Он по вертикали далеко от нас. Понимаете? Чтобы приехать сюда, ему придется спуститься с большой высоты.

– Пожалуй, – согласился Николай Николаевич.

Через месяц, возвращаясь вечером из поликлиники, Вера Петровна обратила внимание на человека, сидящего под грибком во дворе общежития. Полноватый мужчина, скрючившись на низкой скамеечке и положив голову на чемодан, крепко спал под стук мелкого дождя по жестяной крыше грибка. Рядом с ним на скамейке стояла размокшая бесформенная коробка. Только по знакомому узору каштановых листьев Вера Петровна догадалась, что в ней.

Отдушина

Так вот, я думаю, что каждый человек в наше время, будь он хоть кто, должен чем-то увлекаться. Одни камни до двенадцати ночи полируют, другие марки собирают, но всё это блажь. Охота! Во! Пиф-паф! Ой-ой-ой! Умирает зайчик мой! А в садике, куда моё дитё ходит, добавляют: привезли его домой, оказался он живой. Так что жизнь продолжается, и всё прекрасно.

Ну а если серьёзно, ты несёшься по пересечённой местности, не замечая преград, палишь из двух стволов сразу, орёшь что-то не своим голосом, проваливаешься в болото, на ходу заряжаешь ружьё и снова палишь! Полная отдача физических и духовных сил. И так ли уж важно – убьёшь ты какую-нибудь зверюку или нет. А если ещё подберутся ребята… У нас компания – будь здоров! У каждого «Ява», «ижак» или на крайний случай «Паннония». Только у Шурки Кайдацкого «Вятка». Но без этого нельзя. Всегда должен быть такой, над которым можно посмеяться вдоль и поперёк. Над Шуркой можно.

Ну, в общем, так – шороху с той охотой было! С пятницы до понедельника простаивали целые области культуры, науки и производства. Обо мне речи нет, мое дело скромное – токарь-пекарь. Но Валик – кандидат каких-то там наук и большой спец по ножницам и пилам прокатных станов. Ужасно серьёзный человек. Пока не выпьет. А Жорка Шестопалов! Старший научный сотрудник института геофизических свойств горных пород филиала Академии наук. Во как! Пока скажешь, иностранцем сделаешься. У нас, если кто выпьет, а доказывает, что трезвый, и на мотоцикл лезет, мы ему сразу: а где Жорка работает? Если скажет, значит, трезвый. Алик – конструктор тепловозов. Валера – осветитель с телестудии.

И ещё два человека на особом положении. Жмакин – пенсионер, лысый, чёрный и болтун, каких свет не видел. И Люси. О, Люси! Всю зиму вкалывает в ателье, кроит, режет и намётывает петли. Короче – деньги копит. А чуть весна – на мотоцикл и от моря до моря. Только пыль столбом и хвост трубой. Люси!

Подготовка началась еще в понедельник, и всю неделю мы только и говорили о том, куда на этот раз податься, кого с собой взять, говорили, что неплохо бы дичи побольше насшибать, просто трепались о том, какое хорошее дело – охота.

За это время выяснилось, что у Валеры сломался какой-то штырь на переднем колесе, а у Алика сели аккумуляторы. Алик был в полной панике, потому что тепловоз спроектировать для него – раз плюнуть, а вот аккумулятор – дело тёмное. И мне пришлось вытачивать штырь, а потом заряжать аккумулятор, а Шурка Кайдацкий, хотя и был знатоком по газоснабжению доменных печей, неплохо разбирался в ружьях и всю неделю ремонтировал Валику одностволку, которую тот где-то выменял на нож с козьим копытом вместо ручки.

А когда Ванька-шофёр, у которого жена работала в прокатном пункте, взялся обеспечить всех спальными мешками, общий радостный вопль известил окрестности, что уже никакие силы не могут помешать предстоящей охоте.

В пятницу вечером возле моего дома рычали, как голодные псы, штук двенадцать мотоциклов. А между ними расхаживали перетянутые ремнями и патронами, увешанные ружьями, ножами, топорами члены областного общества охотников, если хотите. Этак между прочим ребята пинали тяжелыми ботинками шины, стучали костяшками пальцев по бакам, хорошо зная, что сейчас туда и ста граммов не вольёшь, поправляли широкие пояса и угощали друг друга диковинными сигаретами. Упивались могуществом и независимостью. А почему бы и нет? Всю неделю вкалываешь как последний, козыряешь любому встречному-поперечному начальнику, материшься вслед каждому удравшему от тебя автобусу, бегаешь по утрам за ионитным молочком, а по вечерам, повязав рубаху вместо передника, устраиваешь постирушку, и почему бы не повоображать эти два-три дня, что на самом деле ты не просто так, ты – ого-го!

Перед охотой всю неделю ребята галдели, как воробьи, кричали до хрипоты, размахивали руками и ногами… А теперь – нет. У всех появилась значительная, тягучая походка, говорили мало, негромко и опять же врастяжку. Улыбались тоже нехотя, будто знали что-то такое-такое.

Из-за моего забора слышался истошный вопль Арчибальда – грязно-серого фокстерьера, за которого я отдал Жмакину весь свой аванс. Говорят, за какие-то заслуги Арчибальд в молодости был награждён золотой медалью, сделанной, между прочим, из алюминия. Время от времени, отталкиваясь всеми четырьмя лапами, он взлетал над забором. Взглянув на милую его сердцу компанию, пёс начинал выть с новой силой. Наконец, подавившись собственным лаем, закашлялся и смолк.

Приехала Люси. Событие. Она умеет приезжать так, чтобы её появление не осталось незамеченным. Резко затормозила и, не дожидаясь полной остановки, спрыгнула с седла, сбросила шлем, будто забрало подняла, встряхнула волосами и только тогда посмотрела на шатию-братию. И шатия смолкла.

– Привет! – сказала Люси. – Соскучились, подонки?

– А как же, – говорю, – все слёзы выплакали.

– Всё в порядке?

– Не извольте беспокоиться.

Люси внимательно посмотрела на меня. Она сразу поняла, что ответил я немного не так, у моего ответа за пазухой – камень.

– А я, между прочим, и не беспокоюсь. Понял?

– Как не понять, – говорю. – Всё понял. Всё как есть. Ежели ещё что, так мы мигом…

Конечно, можно как угодно относиться к своей жене, но когда среди десятка парней появляется вот такая… вот такая… с широким поясом, конским хвостом, в куртке, провонявшей мотоциклом и всякими там степными травами-муравами, то происходит некоторое смещение мозгов, как говорит Валька-кандидат. Ты весь день носишься по лесам и болотам, палишь из ружья, тонешь, мокнешь и обсыхаешь. Ты до полуночи жрёшь дичь, поёшь хулиганские песни, но рано или поздно все начинают расползаться по своим мешкам. И вот тогда повисает над костром и над всей поляной… В общем, что-то повисает… Если говорить грубо и зримо, то всем становится до боли важно, чей мешок выберет Люси. Нет, Люси – не такая, чтобы выбирать чей-то мешок, и мы не такие, чтобы позволять ей это делать. Но человек, который на любой паршивой трассе дает сто километров в час, никогда не забудет, кто он: мужчина или женщина. Закон природы.

И потом, у Люси есть свой спальник на самом натуральном собачьем меху. Нашим прокатным мешкам на вате нельзя с ним тягаться. Но рано утром, когда мы просыпаемся от того, что рыбины хвостами, как ладонями, по воде хлещут, у каждого, глубоко в мозгах, аж где-то возле шейных позвонков, сидит маленькая и остренькая, как осколок, мысля – «кто?».

Ну что ж, я не кандидат наук, я совсем не разбираюсь ни в ножницах, ни в пилах прокатных станов, я понятия не имею, по каким там законам передвигаются по белу

свету электровозы, и газоснабжение доменных печей для меня – тёмный лес. Но я и не лезу. Если предпочтение отдаётся кандидату, то это не из-за трёх сотен, которые он получает. Валька почти всех нас обгонит на трассе, почти всех. И кроме того, у него всегда есть возможность взять на неделю отпуск и мотануть в любую сторону света до самого моря.

– Ну что, Боря, едем? – подходит Люси. В пятницу так не смотрят. Она смотрит на меня из четверга, настороженно, без улыбки.

– Жорки нету. Подождём…

– Он звонил мне, говорит, заболел. Надорвался, сооружая туалет в собственном саду. Точно! Не вру.

– Если так… Надо ехать, – сказал Валька. Конечно, как же иначе – последнее слово за ним, решение принимает он, как же иначе?

Мотоциклы задвигались, зачихали, окутались голубоватым дымком и, виляя, начали по одному выезжать в арку. Поворот рукоятки, переключение скорости, вой… Они выскакивали со двора, будто выстреленные из какой-то штуковины. В городе мы соблюдаем правила, едем медленно, чинно, как порядочные.

И – трасса.

Наконец трасса!

Мы вырвались на неё, как поросята из тёмного сарая, – с визгом, обгоняя друг друга, заставляя сторониться всё живое.

Началось…

С рёвом мимо меня прошёл на «Паннонии» парень с Чечеловки. Он едет с нами в первый раз, и ему нужно показать всё, что он умеет. У него в магазине запчастей знакомый грузчик, а это всё-таки большое дело… Вот меня обошёл Валька-кандидат. Спокойно обошёл, без всяких штучек-дрючек. Он-то знает, что всё впереди. Потом проскочили Алик, Валерка и даже Шурка на «Вятке». Пусть. Я не спешил, собирался с духом. Зыркнув, ушла вперёд Люси. Она что-то крикнула, но её крик не пробил волну сжатого воздуха. Впереди катился живой клубок из резиновых шин, железных баков, пульсирующих мозгов, горящих фар и розовых лёгких, прикрытых куртками и хрупкими грудными клетками. Это месиво неслось, увеличивая скорость, не сталкиваясь, не разбиваясь в брызги о встречные грузовики, не переворачиваясь на поворотах.

Я ждал момента, странного такого момента, который наступает каждый раз, когда выезжаешь на трассу. Где-то после пятидесятого километра вдруг начинаешь ощущать каждую деталь «Явы», как часть собственного тела. Чувствуешь боль, когда колесо натыкается на камень, чувствуешь напряжение мышц на валу переднего колеса. А цепная передача – моё личное сухожилие. Мотор и сердце работают в такт, между ними проходит артерия особого назначения. И я даже не знаю, что тогда течёт по моим жилам – кровь или бензин. Встречный воздух вдавливает в череп щёки, губы, глаза, и только нос выдается вперёд, холодный и острый. Тяжёлый воздух лежит на груди, будто куча булыжников. И эта тяжесть ещё больше объединяет меня с мотоциклом. Моя грудь тоже металлическая, выкрашенная в ярко-красный цвет, как этот бак, руки – литые и никелированные, ноги намертво приварены к педалям…

И я пошёл на обгон.

Первым был Шурка. Он не ввязывался в спор, да и зачем? На его «Вятке» только картошку с базара возить…

Стрелка спидометра, как приклеенная, лежит на цифре «100». Отлично… Я начал медленно поворачивать ручку газа… Стрелка дрогнула и поползла… Быстро и бесшумно отстал «Москвич», будто его кто-то неожиданно дёрнул назад. На мгновение мелькнули испуганные лица его пассажиров.

Солнце, которое светило впереди красным светофором, неожиданно исчезло. Начало быстро темнеть. Я понял, что пора включать освещение, когда встречный самосвал нахально ослепил меня дальним светом. Люси испуганно отпрянула в сторону. Ей повезло – она не выскочила на обочину, а то иди собирай руки-ноги… И какие ноги!

Валька! Впереди оставался только он… Ничего… Ты, кандидат, не очень-то рискуй… В твоём положении обидно будет, если…

Мы рядом.

Он спокойно посмотрел на меня и крикнул, не отводя взгляда от светящегося в темноте асфальта:

– Кончай, Борька! Можешь! Вижу, что можешь! Кончай!

Была не была – я до отказа повернул ручку газа. И будь здоров. Валька позади. Привет родителям!

Сначала Валька тянулся за мной, что-то кричал, но потом поравнялся с Люси, и они отвалили.

Теперь я видел перед собой только густую, нетронутую, неразорванную темноту, вибрирующее шоссе, частокол деревьев, чувствовал, как в меня врывается чёрный холодный воздух. Впереди над дорогой возникло неясное сияние. Оно увеличивалось, приближалось, обрастало металлом и грохотом, а через секунду мимо пронеслась громада, один воздух от которой был как мешок с цементом. Автобус провалился куда-то вместе с людьми.

И – тишина.

Хорошо!

Не знаю, смог бы я управлятъ мотоциклом, если бы не рюкзак на заднем сиденье. Где-то около ста тридцати километров – колёса почти не касаются асфальта… Мой бедный Арчибальд прижался к бензиновому баку и тихо, не разжимая зубов, скулил. Ничего, привыкай, собака! Думаешь, легко быть другом человека? Думаешь, человеком легко быть?

Прибыли…

Солёные озёра. Кому, интересно, они солёными показались? Пили мы эту воду, и с поверхности, и из глубины доставали – никакой разницы. Вода как вода. Тухлятиной воняет. Но если прокипятить – идёт. И даже радостно было от того, что с каждым глотком пожираешь миллионы дохлых микробов, которые плавают сейчас в котелке, как сардельки.

Потом, когда уже вовсю горел костёр, случилось самое интересное – прибыл Шурик. Мы издали услышали чиханье «Вятки» и помигали фарой. Все замокли, чтобы не прозевать момента. Только корифей Жмакин не мог сдержаться и тихонько повизгивал себе под мышку. Его коричневая лысина, натёртая противокомарной гадостью, тускло поблёскивала, и в ней отражался костёр, горящие фары и даже снедь на брезенте.

Шурка подъехал молча, заглушил мотор и не торопясь подошёл к нам. Тишина. Только Жмакин… Не поймёшь сначала – плачет он или смеётся. Все ждали, что скажет Шурка. Просто ждали его первых слов. И знали – что бы он ни сказал, в ответ все радостно засмеются.

– Я там одного охотника встретил… поговорили, где лучше стрелять. И вот малость задержался…

Шурка ещё что-то там лопотал, но его уже не было слышно. Все восторженно завизжали, довольные, что он не обманул ожиданий. Так и не переставая смеяться, мы забыли о Шурке, начали обсуждать что-то ещё более смешное.

Хорошее дело – привал в лесу. Ночью. На берегу. У костра. Лежишь на холодящем брезенте и чувствуешь, как тебя наполняет какое-то радостное волнение. Будто кровь насытилась лесным воздухом, криками птиц, рыбьими всплесками, хохотом друзей. А по телу растекается доброта. И так понимаешь людей, так хочешь помочь им в чём-нибудь, что не в силах удержаться – ахнешь еще полстаканчика за здоровье человечества. Чтобы не было войны… Всё хлопают друг друга по плечам, рассказывают старые анекдоты и охотно катаются по траве, будто в прошлый раз слышали что-то другое. Но все добрые. Если рассказал человек – надо посмеяться, ему приятно будет, а он посмеётся твоему анекдоту, который не успел рассказать сам.

Слышу – Валька что-то толкует Люси про хобби. Очень мне это интересно стало, и по-пластунски пополз я к ним через брезент – благо пролить уже нечего было.

– Так что ты там про хобби? – спросил я.

– Хобби – это отдушина, – сказал Валька. – Понял? Форточка. Когда становится душно – её открывают. Когда душно… понял?

– Всё понятно, – сказал я. – Даже больше. Желаю успеха. Больно умные стали… Э! Кто в «дурака» хочет?

– Впустую неинтересно, – сказал Шурка. – Давайте так, кто проиграет – в воду на четвереньках. В чём сидит, а? Пока в воде не скроется? Ну, кому страшно?

Играть сели в два круга – карт не хватило. Игра у нас своя – «дурак охотничий». Поскольку на кону – собственный позор, мы ещё раз повторили правила. Постоянный козырь – бубен, черва бьется только червой, старшая карта – дама пик и так далее. И всё стихло. Молчали неостывшие мотоциклы, молчали солёные озёра с пресной водой, и только легонько гудели сосны, шлёпали по брезенту карты, сопели сосредоточенные игроки да за лесом палили из ружей. У них, видать, была своя игра.

В первом круге дураком остался Валька-кандидат. Во втором – легендарная личность Жмакин. Их схватка должна решить – кому лезть в воду. Сначала финалисты бросили жребий, кому сдавать карты. Потом оба по очереди сдвинули колоду. В общем-то Жмакин мог запросто отказаться от игры – человеку шестой десяток, это даже для охотника немало. Заслужил человек спокойную старость, и никому бы в голову не пришло обвинять старика в слабодушии. Но Жмакин не отказался.

– С волками жить – по-волчьи выть, – только и сказал он.

Я подошёл к воде. Она была тёплая и вонючая. Простудиться сложно. Дно илистое, стоило только ступить на него, сразу поднимались пузыри. Слышно было даже, как они лопались с мягким бульканьем. Неприятная штука, если учесть, что в неё надо на четвереньках входить, да ещё условие – пока не скроешься под водой.

Игра кончилась. Радостная шатия-братия начала подгонять мотоциклы к воде и включать фары. Надо, чтоб все видели, как дурак в воду полезет.

Люси в общем веселье участия не принимала. Поджав колени, она сидела у Вальки за спиной.

Когда Валька проиграл, она, так и не сказав ни слова, поднялась и пошла разворачивать свой мешок.

Валька посмотрел ей вслед и бросил карты.

– Продул, – сказал он.

– Да, тут уж ничего не поделаешь, – подтвердил Жмакин. – Зря ты короля сбросил. Это тебя и погубило.

– Продул, – уже в который раз сказал Валька, перебирая в руках последнюю взятку.

– А правда, что карточный долг – долг чести? – поинтересовался Шурка и выпятил вперёд свою знаменитую нижнюю губу.

– Чистая правда, – ответил Валька и похлопал Шурку по спине. Не хотелось бы мне, чтобы он меня вот так похлопал, с такой вот улыбкой.

– Да, я тоже слышал, что если в карты проиграл, то дело чести – выполнить свой долг, – зачастил парень с Чечеловки, всё забываю, как его зовут.

Валька с удивлением посмотрел на него, но ничего не сказал. Куражиться над дураком – святое дело.

От фар на воде образовался светлый круг, и вода уже не казалась такой чёрной и густой. Валька стоял на берегу в полном своём наряде и переминался с ноги на ногу. Жмакин – старик хитрый, он и в карты сел играть, разувшись, чтобы в случае проигрыша в воду лезть босиком.

– Ну что ж, – сказал Валька, – надо лезть. – Он как-то беспомощно оглянулся, словно ожидая, что его начнут отговаривать, и неуверенно стал на четвереньки.

– Ха-ха! – радостно залился чечеловский. – Гляньте, получается! Вроде никогда и не ходил на двоих!

– Во-во! – одобрительно сказал Шурка. – Там, глядишь, и ещё одна диссертация будет… Докторская! Скажите, доктор, не кажется ли вам, что человечество напрасно поднялось на задние лапы?

Валька не отвечал. Потом, когда немного стихло, он спросил:

– А задом можно?

– Можно, Валька, – сказал я. – Давай задом… Тебе виднее! Но хороша отдушина, а?

Валька повернулся к нам лицом и медленно двинулся к воде. Постепенно погрузились его ботинки, а когда вода поднялась до колен, в иле скрылись и ладони. От взбудораженной донной грязи понесло несусветной вонью. Тогда Валька набрал в легкие воздуха, быстро засеменил вглубь и через несколько секунд скрылся. Зафиксировав погружение, он поднялся. Вода лилась с куртки, на ушах повисли гнилые оборванные водоросли, а руки казались окровавленными – с них стекала черная жидкая грязь. Валька медленно вышел из воды и начал раздеваться. Потом ходил к песчаному берегу умываться и мыть ботинки, я помог ему выкрутить джинсы. Надев жмакинский свитер, Валька сел к костру.

И в этот момент из лесу вышла зарёванная Люси и закатила истерику. Ругалась она отчаянно, обозвала нас всех подонками, врезала перепуганному Шурке пару раз по физиономии и уже хотела лезть в воду, чтоб нам, значит, веселее было, чтобы распотешить нас, но мы её остановили. Потом она успокоилась, и всё было нормально. Не стоило шум поднимать. Если тебе наши забавы не нравятся, можешь поискать другие. А если тебе Вальку жалко и попранное его достоинство, то пожалей его как-нибудь иначе. Никто тебе и слова не скажет поперек. Здесь – лес. Дичь, стрельба, много свободы и свежего воздуха. Всем хватит.

К чести Вальки надо сказать, что все это время он молча сидел у костра и смотрел в огонь. Будто ничего не видел и не слышал.

А утром всё было нормально. Встали мы ещё на зорьке, позавтракали и разбрелись по камышам. Но тут выяснилось, что стрелять нечего. Не было дичи в этих местах. То ли разлетелась она куда глаза глядят, напуганная охотниками, то ли ее и не было здесь никогда. Просидев до обеда, я так и не увидел ни одной утки. Да и какая может быть утка, если стоило поудобнее устроиться, как рядом слышался бас какого-нибудь детины:

– А ну, мотай отсюда подальше! Не видишь – занято!

Отойдёшь в сторону, снова вопль – кому-то на уши наступил. Пройдёшь вперёд – тебе уже стволом в спину тычут. Иногда появлялся чирок. Загнанный, обезумевший, носился он над камышами, и на всём его пути гремела канонада. Из мощных стволов в чирка неслась мелкая дробь, картечь и даже кабаньи пули. За полётом несчастной птицы, у которой от страха и усталости остались одни перья да кости, можно было следить по грохоту. Оглушающая волна залпов прокатывалась над камышами и стихала за лесом.

Потом наступила тишина. То ли чирка наконец сбивали, то ли он, обессилевший, падал и подыхал в родной стихии. По моим подсчетам получалось, что на каждую единицу живности уходило около трех килограммов дроби, картечи, пуль, шарикоподшипников, рубленого свинца…

Когда я пришёл на привал, все уже были в сборе и брезент прогибался от яств – сала, чеснока, колбасы, ломтей хлеба. Конечно, бутылочка тоже стояла. Было даже сухое вино. Для непьющих.

А потом случилось ещё одно событие. Раздобревший Алик в седле своего мотоцикла обнаружил мышь. Она ещё дома влезла в железный карман седла, где всё пахло колбасой, и прибыла сюда. Кошмар! Как только её не раструсило…

Что тут началось!

Общими усилиями мышь извлекли из-под седла, дали каждому посмотреть на неё, подержать на весу за тонкий хвостик, пощёлкать пальцем по мягкому вздрагивающему животу.

Алик стоял счастливый и улыбающийся.

– А я уж думал, что без дичи домой поедем, – сказал он, ошалев от счастья.

– Ишь, злодейка, – проворковал Шурка. – Ишь, болезнетворное создание!

– Мышь, она чуму переносит, – серьёзно сказал Валера.

– А сколько она добра народного съедает! А сколько добра съест всё её потомство! Ужас! – подхватил чечеловский.

– Наказать её, скотину, – сказал я.

Мышь, зажмурившись и поджав хищные свои лапы размером со спичечную головку, молча слушала, что о ней думает человечество. А человечество решало, какой казнью её жизни лишить.

– Ежели злодейку утопить, то никакой радости нам это не доставит. Потому – последних мук её мы не увидим. Расстрелять её, сволочь, надо. Это моё твёрдое убеждение, – сказал Валера и с вызовом посмотрел на всех.

– Расстрелять без суда и следствия – негуманно. – Алик, как законный владелец мыши, решил поступить с ней законно. – Выпить ей надо дать. Чтоб хоть перед смертью вкусила радость жизни.

Валька в обсуждении не участвовал. После вчерашнего срама он всё больше сидел у костра и подбрасывал сучья. А Люси ему эти сучья подносила. Сейчас она стояла в сторонке и молча разглядывала нас. Без выражения. Просто смотрела, и всё.

– Презираешь? – спросил я. – Выводы нехорошие делаешь?

– Желаю приятной охоты. – Люси повернулась и пошла к завалу хвороста. Её конский хвост вызывающе плескался на блестящей коже куртки. Теперь я, кажется, понимаю собак, которые не могут видеть перед собой мелькающих пяток.

– А между прочим, – крикнул я ей вслед, – будь мышь с тебя ростом, она бы с тобой не очень церемонилась!

– Это ты очень верно подметил, – сказал Валька. – Молодец.

Я подошёл к нему. Постоял, посмотрел. Наконец он поднял глаза.

– Ну?

– Послушай, Валя, если ты уж так остро чувствуешь превосходство... неужели в городе для него нет выхода?

– Кончай... Не в этом дело. И не прикидывайся обиженным. Дело не в этом... Ведь всё же видно. Люси...

– Катился бы со своей...

Пить мышь отказалась, и поэтому пришлось сунуть ее головой в водку. Сначала она упиралась, но потом изменила своё решение и малость выпила.

– Ишь, хлещет, – удовлетворённо проговорил Алик. – Алкоголичка. А?

Через пять минут, связанная по рукам и ногам, мышь лежала на небольшом возвышении и таращила глаза в голубое небо. Глаза у неё были маленькие, блестящие и нестерпимо чёрные. Казалось, что смотрит она не только в небо, но одновременно на всех и на каждого в отдельности. Вокруг стояли добровольцы с ружьями. Все зарядили оба ствола и готовились ахнуть дуплетом. Чего мучить животное...

Алик произнес короткую речь о зловредной роли мыши в истории цивилизации, а потом дал команду приготовиться. Шевельнувшись, блеснули стволы, качнулись ремни, глухо и многообещающе щёлкнули затворы. Всё замерло. И тут надо же, легендарная личность Жмакин чуть не испортил нам праздник. Неизвестно откуда появившись, он оттолкнул меня, взял мышь и забросил ее в кусты. О! Закричал не своим голосом Шурка, запричитал что-то о праве на личную собственность Алик, Валера, не в силах перекричать их, начал палить в воздух, а Жмакин, так и не сказав ни слова, подошёл к костру и улёгся на брезент.

А когда немного все поутихли, из кустов раздался истошный вопль чечеловского:

– Жива! Братцы, жива!

Мышь была водружена на прежнее место, и добровольцы снова взвели курки. Грызунья всё так же смотрела на нас бесстыжими своими глазами и никак не могла сообразить – что же это происходит на белом свете.

– Пли! – негромко сказал Алик, и все нажали курки. Раздался нестройный залп, и там, где только что была мышь, пыльным фонтанчиком взбурлила рыжая земля.

– Ха! – воскликнул Шурка. – Вознеслась стерва! Видать, святая была...

После этого все решили выпить за упокой мышиной души, за царствие небесное, за райские закрома, в которых она шурует уже на полную катушку. А потом все снова разошлись по камышам и собрались только к вечеру. Лишь у одного Жмакина у пояса болтался чирок на такой тонкой шее, что непонятно было даже, почему он не обрывается. И снова наступила лёгкость, все веселились, подняли тост за настоящих мужчин, за удачливых охотников, над которыми не властно время, за их верный глаз и твёрдую руку. Люси чокалась только с Валькой, но это никого не обижало. Только все вдруг поняли, что ночью один мешок будет свободным.

И было в нашем ужине что-то от вчерашней игры в «дурака», от истерики, в которой билась Люси, и костёр слишком уж походил на фонтан рыжей земли... В конце концов я настолько опьянел, что голова показалась мне громадной и зыбкой болотной кочкой, и тогда я вдруг ясно увидел, как мы завтра понесёмся по шоссе в город, как будут шарахаться и жаться к обочине слабонервные «Москвичи» и «Жигули», доверху набитые тёщами, свёкрами, племянниками, а мы будем обходить их, не снижая скорости, как постепенно стемнеет, станет пустынным ночное шоссе, а мы – стая ошалевших машин, сверкая никелированными боками и мокрыми от дождя шлемами, – ворвёмся в город и постепенно растворимся, рассеемся в его улицах, переулках, дворах. И ещё я увидел, как наутро мы проснёмся токарями, конструкторами и кандидатами наук, будем чинно здороваться с начальством, бороться за выполнение плана, стоять в очередях за картошкой и колбасой. И всё это время, чувствуя себя чужаками и на работе, и в семье, будем готовиться, звонить, говорить и думать только об одном – куда отправиться в следующий раз. Но уже без меня, потому что завтра у самого дома дорогу мне перебегут две дуры в коротких юбках и, обернувшись на одну из них, я врежусь в раскрытый колодец и со всего размаху ахнусь о гранитный бордюр, а мой мотоцикл понесётся дальше, сшибёт с ног одну из этих короткоюбых и навалится на неё сверху. Но самое странное – моя уверенность, что наши палаты будут рядом, и, когда Люси принесёт мне однажды бидон куриного бульона, я по-братски поделюсь им с этой пришибленной дурой, и вообще в больнице мы хорошо познакомимся, может быть, даже...

А может быть, и нет.

Валентин СУХОВСКИЙ

Валентин Николаевич Суховский – родился 27 августа 1949 г. в крестьянской семье в старинном селе Пежма (Богоявленское) на границе Архангельской области и Вологодчины. Стихи начал писать ещё в юности. Впервые опубликовал их в газете «Ленинский путь» осенью 1966 г. После окончания Литературного института им. А. М. Горького (1988) работал заведующим отделом публицистики журнала «Наш современник», был корреспондентом «Охотничьей газеты» и газеты «Гудок», обозревателем журнала «Встреча». Член Союза писателей России, Лауреат премии Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов имени А. Фадеева, награждён Патриаршей Грамотой и грамотами Правительства Москвы.

Живёт в Москве.

Светят зори в луговые дали…

Край мой отчий

Родниковая свежесть ручья
И червонное золото нивы,
Да широкая песня твоя,
Мать-Россия, вольны да красивы.

В свете дня, волшебстве вечеров
Грусть свела в песне, сердцем пропетой.
И хранит она память веков –
Светлой верой Россия согрета.

Лебединую высь облаков
И озерную глубь не измерить.
Твой характер с врагами суров,
А друзьям открываешь ты двери.

Где резные узоры избы
Да былинная роспись соборов –
Ты, как оберег русской судьбы
И бескрайних российских просторов.

Светел ты вековой красотой
Соловьиною белою ночью.
Храмом в белом цветенье весной
И великой душой, край мой отчий!

Братья славяне

Светят зори в луговые дали,
В них алмазами сверкают росы;
Отчий край веками защищали
Белорусы и великороссы.

Братья, нам надо, как совесть, хранить
Свои вековые устои.
И в братстве не сможет никто победить
Великих славянских героев.

Убирают золотые нивы
И выходят дружно на покосы,
И верны земле своей красивой
Белорусы и великороссы.

И одна дарована нам вера,
Нас хранит и в грозы, и в морозы.
Свои силы чувствуют без меры
Белорусы и великороссы.

И любое по плечу нам дело,
Никакие не страшны угрозы.
Ратной славой венчаны за смелость
Белорусы и великороссы.

Мы в своих традициях едины,
Ясноглазы и русоволосы.
Свой союз прославили в былинах
Белорусы и великороссы.

Третий Рим

Часовыми их ставила память,
Сила духа в соборы вжилась.
И когда – «Не Москва ли за нами?!» –
Велика их твердыня и власть.

Укротим ли стихию разора?
Отстоим ли красу на века?
Без неё и Москва – древний город –
Словно колокол без языка…

***

Запущено отчее поле…
Зачем я в чаду городском,
Где крик человеческой боли
Не слышен в потоке людском?

– Постой, погоди-ка немного! –
Дрожит человеческий крик.
Меня захватила дорога,
Мне некогда глянуть на лик.
Душа – милосердье державы,
И совесть — основа во всём!
Угодники призрачной славы,
Во имя чего мы живём?!
Как часто витийствуют хамы,
Калеча младенческий слух...
Ещё реставрируем храмы,
Пора реставрировать дух!
Тогда с очистительной силой
Своё возрожденье начнём,
Когда мы на родине милой
До каждого сердца дойдём.
Грешно жить по чьей-нибудь моде,
Тяжёл подражания гнёт.
Все черпают силы в народе,
А кто их народу вернёт.

***

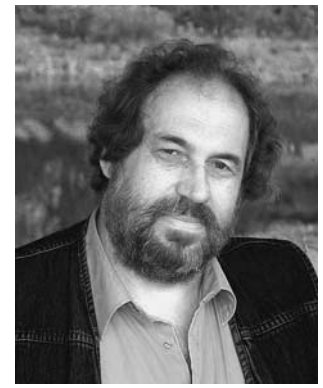
Всё ближе к рубежу веков.
Непредсказуема Россия.
И вся враждебная стихия
Сошлась у русских берегов.

Она враждебна к нам всегда:
В столетней битве непрестанной
Не заживают наши раны,
В туман скрывается звезда.

То в пламя классовой борьбы,
То чуждым образом и бытом
До полусмерти мы избиты,
Уведены от борозды,

От самой в мире дорогой
Земли, наследуемой вечно.
Ах, почему так Русь беспечна,
Что русских гонят на убой?!

Николай ТОЛСТИКОВ



Николай Александрович Толстиков – родился в 1958 г. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького, работал в газетах. Принял духовный сан, и более пятнадцати лет – священнослужитель храма святителя Николая во Владычной слободе города Вологды. Рассказы и повести публиковал в российских и зарубежных изданиях. Автор книг прозы, вышедших в Вологде. Победитель в номинации «Проза» международного литературного фестиваля «Дрезден-2007», лауреат «Литературной Вены-2008», лауреат международного конкурса, посвященного 200-летию Н.В. Гоголя.

Живёт в Вологде.

Уголёк

1

Священник отец Сергий молод, белозуб, с пышной шапкой русых кудрей на голове, высок и строен, с лица с пробивающейся на скулах бородкой – просящий взгляд добрых, с лукавинкой, глаз:

– Отец диакон, ну поехали! Тряхни стариной!

В ответ я молчу, раздумываю. Далековато собрались: тот храм где-то в глухих лесах под Тотьмой. Местные остряки утверждают, что будто даже Пётр Первый, когда в Архангельск нашими краями проезжал, от того места открестился: ни за что не приверну, то – тьма!

– Да там же не по одну Пасху кряду не служили, батюшки нет!

Отец Сергий знает, как вдохновить – от службы Богу я не бегал.

– А вот и карета подана!

В ворота ограды нашего городского храма неторопливо и солидно вкатился иноземный джип. Из-за руля его легко выскользнул кучерявый смуглый парнишка в спортивном костюме. Обежав капот, он распахнул дверцу перед спутницей – дородной девахой, пёстро одетой, коротко остриженной, грудастой блондинкой.

Матушка отца Сергия Елена, скромная неприметная толстушечка, радостно с ней облобызалась, как со старой знакомой.

– Кто такие? – потихоньку интересуюсь у отца Сергия, после того, как молодец, неумело сложив ковшиком ладошки, принял благословение батюшки и отошёл обратно к своей «пассии».

Алик и Анжела. «Новые русские», вернее – дети «новых русских». У Алика папаша владелец ликёроводочного завода, сын ему – полноправный компаньон. Присмотрелся я получше: это только с виду Алик парнишечка, худенький и шустрый, но возле его внимательных умных глаз уже морщинки основательно проклюнулись. Отцу Сергию наверняка ровесник – под тридцатник.

Голос у супружницы Алика – напористый, как пулемётная очередь, четко и правильно произносящий слова – где-то я его слышал прежде и довольно часто. Выяснилось: на областном радио Анжела работала диктором и ведущей популярных передач. Вот откуда так бойка на язык – слова со стороны в её речь не втиснешь. Но это в прошлом, до знакомства с Аликом, теперь она

только верная жена и в доме, понятно – не в хибарке, полная хозяйка. Алик влюблён в неё совсем по-мальчишечьи: каждое мало-мальское желание норовит предугадать и тут же выполнить, и всё-то надо ему приласкаться к ней, поцеловать украдкой или на ушко приятное шепнуть. А обожжётся Алик об чей-то посторонний взгляд – и уши, ровно маки, запунцовеют.

Не укрылось: когда садились в машину, глянули молодые друг дружке в глаза виновато-тревожно, потаённая в их взорах то ли грусть, то ли боль просквозила.

– Смилостивится Господь. Образуется у вас всё. Помолимся... За тем и едем, – шепнула матушка Елена Анжеле и, успокаивая, погладила её по руке.

Знать, по делу собрались, не просто так с жиру бесятся.

Отец Сергий размашистым крестом осенил салон джипа, спели тропарь святителю Николаю Мир Ликийских чудотворцу, покровителю всех путешествующих, и – с Богом!

Пасха Христова в этом году ранняя была. В городе солнышко на улицах асфальт просушило, грязь под заборы загнало, но стоило нам выехать за окраину, и убедились сразу – не торопится зима угорбатиться восвояси. Чем дальше на север, тем реже по полям мелькают пригорки с робко пробивающейся на их хребтинах молодой травкой; в низинах, оврагах, буераках ещё таятся ноздреватые блёкло-сиреневые пластушины снега. А когда почти вплотную подступает к дороге сумрачный лес, не по себе становится – упаси, Боже, сунуться туда, за крайние сосны и ели, в сугробах ещё только так закупаешься!

По ровной «шоссейке» меня укачало, сморило; я вытряхнулся из полусна, вздрогнув от дикторского безоговорочно-требовательного голоса Анжелы:

– Алику пора отдохнуть и поразмяться!

Алик, повернувшись к нам от баранки руля, виновато улыбался: мол, мог бы мчаться без передышки и дальше, да вот...

Место для отдыха его супружница выбрала по наитию или случайно. Из низины лента дороги взметнулась на вершину высокого холма, солнце поднялось к полудню, обогрело застывшую за ночь землю – и такая даль открылась кругом, дух захватило! Но словно мрачная тень облака на солнышко набежала – немного в стороне от дороги краснели пятнами выщербленного кирпича руины храма. Ни куполов с крестами, ни колокольни, один растрескавшийся остов с черными провалами окон и белыми стволиками молоденьких берёзок с просыпающимися почками в расселинах кирпичной кладки. Сразу от храма – заполонённая прошлогодним сухим бурьяном улица обезлюдевшей деревеньки с парой–тройкой полуразвалившихся домов.

Кружит незримо печальный ангел над местом сим, ибо над каждым храмом, пусть даже от него людская злоба, дурость или безверие не оставили и следа, все равно расправляет он свои крыла...

2

Вот нужная отворотка от шоссе, джип неуверенно запетлял по просёлку. Тащились так мы еще неведомо сколько, и вдруг – в прогалах редкого чахлого ельника на дорожной обочине мелькнули раз-другой живо-весело нарядные, под цвет весеннего неба, с жёлтыми звёздочками поверху, церковные маковки. А вскоре и весь храм стал виден – на взгорочке крутого берега над речной излучиной белобоко высится; длинной чередой к нему – дома деревенской улицы.

Повеселело на сердце...

У крайнего домишки, улезшего почти по самые подоконники в землю, топтался мужичок в фуфайке и в нахлобученной на голову зимней шапке с распущенными ушами. Он старательно прикладывал козырьком к глазам ладошку, пытаясь разглядеть того, кто рискнул сунуться сюда на легковой машине.

– Не узнаёшь? – спросил меня отец Сергий и кивнул Алику, чтобы остановился.

Мужичок, заметив священника, поспешно сдернул с головы шапку, шагнул к машине. Чёрные, с щедрой проседью, длинные волосы по-поповски стянуты в жиденький хвостик; с бледного лица глядят с потаённой печалью большие чёрные глаза.

Володя-богомаз, точно он!..

Когда восстанавливали в городе наш храм, потребовалось подновить уцелевшие фрески на стенах. Несколько десятилетий в храме ютился какой-то складишко, слава Богу, не клуб и не баня, вот и сохранилось кое-что.

Мастеровитый реставратор ныне в большой цене, днём с огнём его в провинции не сыщешь, и тогда находятся ребята попроще. Умельцы эти кочуют из города в город, из села в село, где им дело в храме, побогаче или победнее, всегда есть. Кто они – художники ли неудачники или с талантишком самоучки – никто их особо не расспрашивает. Посмотрит заказчик-батюшка на начальный образчик работы, крякнет одобрительно и махнёт широким раструбом рукава рясы – благословляю! Прокатится времечко, выполнят богомазы заказ и – вольные птицы, дальше по Руси.

Володя, тот при нашем храме остался. Взяли его сторожем. В маленькой хибарке сторожки, где он поселился, появились подрамники с холстами. Володя не только ночами бродил с колотухой внутри ограды и отпугивал воров, но, отоспавшись, целый день проводил за холстом с кистью в руке. Если кто заглядывал невзначай, то Володя поспешно закидывал холст куском материи и смущённо улыбался. Пришельцы уходили обескураженные, но, порассудив, махали рукой: когда-нибудь сам посмотреть пригласит, а пока отвадился человек от кочевой жизни, и то ладно.

Вскоре истинная причина выяснилась, почему это художник остался у нас...

За «свечной ящик» продавец срочно потребовался, и кто-то из прихожан привёл молодую женщину. Дожидаясь настоятеля, жалась она к дверям в притворе, одетая в долгополую тёмную одежду, замотанная по-старушечьи по самые брови в полушалок. К плечу её льнула девчушка лет двенадцати, другая, поменьше, подпрыгивала нетерпеливо рядом и теребила мать за ладонь.

– Беженцы они, с «югов», – поясняла прихожанка, дальняя их родственница. – Приютились у меня на первое время...

Весной, после суровых великопостных дней, разглядели все, что Иоанна, помимо доброжелательного и мягкого нрава, ещё и очень красива. Расцвела прямо-таки. Что ж, Володя-богомаз красоту видеть и ценить умел. И вот уже просил он у настоятеля отдать для новой семьи комнату-чуланчик, смежную со своей мастерской в сторожке...

Пропали Володя и Иоанна вместе с дочками внезапно, вроде бы уехали куда-то к родне, да и не вернулись. «Опять потянула нашего богомаза кочевая жизнь! – решили прихожане. – И семейство с собой для повады прихватил. Вольному – воля...»

И теперь вот, в этой глуши, Володя, суетливо забегая вперёд с края тропинки, вёл нас к своему обиталищу, а на крылечке, приветливо улыбаясь, встречала гостей Иоанна. Вернулась, оказывается, на родину, в дедовский дом, откуда ещё девчушкой была увезена родителями в поисках призрачного счастья на чужбину.

В избе – без особых затей, небогато, только что в одном углу, у окна, Володины холсты. И опять был верен себе скромняга–художник: поспешно забросил холст покрывалом.

– Вот докончу, чуть-чуть осталось... А для вас, батюшка, все готово.

На другом холсте неброский пейзаж – широкая унылая гладь реки под снегом, череда темных домишек на дальнем берегу, но возле них весело зеленеет сосновый бор, а над всем, на фоне морозно-багрового предзакатного неба, на крутизне над речной излучиной – торжественно! – храм.

Отец Сергий, довольно хмыкнув, достал кошелёк и протянул деньги Володе. Тот смял их в кулаке и, плохо скрывая радость, забормотал торопливо:

– Обновок дочкам накуплю! Давно ждут!

Дочери вышли из тесной горенки-передней, благословились у отца Сергия. Старшие уже невесты, обе белолицые, русые – вылитая мать, а младшенькая, пятилеточка, смуглая, чёрные волосы в кудряшках и глазёнки чёрненькие, Володины, только не с незатаённой печалью, а живые, весёлые.

Володя хотел взъерошить младшей дочке кудри на голове, но вдруг содрогнулся и аж согнулся весь от накатившегося приступа кашля. Он и прежде покашливал, прикрываясь рукой, да мы не обратили внимания.

– Простудился я, – отдышавшись наконец, проговорил Володя и, смахивая капли пота, провёл ладонью по расцветшему нездоровым румянцем лицу. – На тот берег ещё по льду на «натуру» бегал, чтобы картину дописать, в промоине и искупался... Вы прямо сейчас в храм пойдёте? Я провожу, ключи вот возьму!

– Сами бы дошли, страж ты наш неизменный! – ласково сказал ему отец Сергий.

– Нет, нет! Я быстро! – засуетился Володя.

На крылечке Анжела брезгливо отстранилась от художника – порог дома она даже не переступала, топталась в сенях, и громко прошептала матушке Елене:

– Тут у него не простудой пахнет, а много хуже, держитесь подальше... Как только люди не живут!

3

Весь крутой взлобок берега под храмом, прогретый щедро солнцем, зеленел робкой первой травой. От разлившейся реки веяло свежестью, холодом; тёмная поверхность воды поблёскивала неподвижной гладью, и только посередине, на стремнине, течение несло льдины, брёвна, коряги, всякий мусор. Временами течение вроде бы замедлялось, стремнина очищалась, но за речной излучиной грозно нарастал гул, что-то гибельно трещало, и вдруг точно взрыв ахал; и опять река несла вырвавшиеся из затора льдины.

После потаённого сумрака в храме глаза слепило солнце, и со взгорка к воде по узкой деревянной лесенке мы с отцом Сергием спускались боязливо, цепляясь за хлипкие ненадёжные перила. В храме, обычном, деревенском, с простоватой росписью на стенах, ткаными домашними половичками, постеленными на дощатом полу, неожиданным было увидеть резной иконостас из нежного розового мрамора. На витых столбиках его и арках над образами каждый крестик, листочек, ангелок вырезаны тщательно и с любовью. Предзакатное солнце заглянуло в окна храма, и мрамор засветился тепло.

– Откуда ж чудо такое?! Это в Москве или в Питере вряд ли где увидишь!

Отец Сергий в ответ на мои восклицания улыбается: дескать, не жалеешь теперь, что сюда поехал, и потом неторопливо рассказывает, глядя на проплывающие по реке льдины:

– Уж как слышал... Село здешнее Пожарским не потому, что когда-то горело, называется. В начале девятнадцатого века отошло оно во владение князю Пожарскому, последнему в роду. Бездетен был князь и уже немолод, переживал, что не оставит по себе наследника. Однажды приехал он из Питера имение свое новое глянуть, а тут старец столетний при храме обретается, проведал он про князеву беду. «Укрась, говорит, сей храм, мил человек, во славу Божию, чтоб слава о нём по всей округе пошла! И тебя Господь наградит».

Князь богомольный был, пораскинул умом туда-сюда и заказал в Питере мастерам иконостас из итальянского мрамора. Привезли его, установили. Красотища! И предсказание вскоре сбылось: понесла княгиня и родила долгожданного сына. С той поры и стали сюда приезжать и молить Господа о чадородии отчаявшиеся супружеские пары...

Эту историю моя матушка Анжеле рассказала. Лежали они в одной палате. Моя двойней разрешилась, а та скинула, и врачи вдобавок приговор вынесли – детей иметь не сможет. Но на всё воля Божья...

4

С раннего утра ещё в храме пустовато. К отцу Сергию перед аналоем жмётся на исповедь очередишка из нескольких старушек, да «новые русские» наши, Алик с Анжелой, стоят неподалёку от царских врат, напротив храмовой иконы Богородицы. Зажгли большие, самые дорогие, какие нашлись, свечи, перекрестились робко и неумело, взялись за руки; оба вглядываются, не отрываясь, в Богородицын лик.

С клироса зачастил «часы» старушечий голос; в храм мало-помалу стал набираться народ. В конце литургии мы с отцом Сергием, собираясь выйти на крестный ход, уже едва протискивались к выходу из храма вслед за старичком-хоругвеносцем и певчими.

Тут же стояла вместе со стайкой ребятишек Володина младшая девчонка. И надо же – в узком проёме выхода на паперть кто-то невзначай подтолкнул меня под локоть, и кадило в моей руке, звякнув цепочками, ударилось об створку ворот. Живыми светлячками разлетелись угольки, и один из них обжёг нежную щечку Володиной дочки. Девчушка испуганно закрыла личико ладошками, закричала «Мама, мамочка!..» и ткнулась в обтянутые джинсами ноги Анжелы. Молодые на правах почетных гостей шли вплотную за священнослужителями. Анжела подхватила девочку на руки, прижала к себе, успокаивая, что-то зашептала на ушко.

Мимолётной заминки никто и не заметил, разве что я, старый неуклюжий медведь, да отец Сергий и «новые русские» наши. На верхотуре, на звоннице задорно перекликались колокола, над народом, потихоньку выходящим из храма, торжественно-радостно плыло:

Христос воскресе из мертвых,
Смертию смерть поправ,
И сущим во гробех живот даровав.
Христос воскресе из мертвых!..

Анжела с девчонкой на руках обошла кругом со всеми вместе храм; потом уже, когда закончилась служба, и разошлись по домам истинные прихожане и случайные «захожане», мы обнаружили её сидящей на лавочке за домиком трапезной. Девчонка спала, положив голову Анжеле на плечо; на щёчке её краснело пятнышко ожога.

– Тихо, тихо!.. – зашипела Анжела на бросившегося к ней обрадованно Алика. Тот ещё был и весь мокрёхонек, с ног до головы – на крестном ходу таскал за батюшкой «иорданчик» со святой водой для кропления мирян.

– Где этот ваш... Володя? – по-прежнему шёпотом спросила Анжела и, не дожидаясь ответа, для пущей, видимо, убедительности округлив глаза с размазанной краской с ресниц, сказала Алику с капризными и одновременно приказными нотками в голосе:

– Всё, солнце моё! Решено – берём девочку себе!.. И на тебя, посмотри, она даже немножко похожа!

Алик согласно кивнул.

Володя с Иоанной легки на помине: подошли скорым шагом, встревоженные, видно, кто-то из ребятишек нанаушничал о происшествии.

Иоанна хотела взять у Анжелы спящую девочку, но не тут-то было: та и не подумала её отдавать, обняла крепче.

– Мы хотим её удочерить. Надеюсь, вы не против? – может быть, впервые просяще, а не привычно требовательно: дескать, всё нам дозволено, проговорила она. – У нас ей будет хорошо, получит прекрасное воспитание.

У Иоанны зарделись щёки, она решительным движением высвободила захныкавшую спросонок дочку из объятий Анжелы.

– Не кукла она вам! – сказала сердито. – Мы своих детей не раздаём!

И, гордо запрокинув голову, пошла, прижимая дочку к себе. Володя, оглядываясь, побрёл за нею.

– Вы же бедные! Какое будущее девочку-то ждёт, подумайте! – кричала им вслед Анжела. – Ну, не понимают люди своего счастья!

И уж последнее выдохнула горько, чуть слышно:

– Она же меня мамой назвала...

Алик, задрав капот джипа, стал сосредоточенно копаться в моторе, Анжела забралась в салон и сидела там с отрешённым видом, вытирая слёзы. Матушка Елена, подобравшись потихоньку к ней, зашептала что-то успокаивающе. Я пошёл искать отца Сергия – пожалуй, пора и честь знать, в дорогу собираться. А он тут, неподалеку, был, слышал всё:

– Молодцы, однако! – похвалил. А кого – и непонятно.

Когда джип подкатил к выезду из села, впереди замаячил вдруг Володя с каким-то свёртком в руках.

– Подождите! – он развернул сверток; это была картина. Белоснежный храм опоясывал по изумрудно-зелёному холму крестный ход; сверкали хоругви, за священством шёл принаряженный празднично люд, взрослые и дети. И в напоенном весною воздухе, в солнечном радостном свете разливалась благодать. «Красная Горка!»

– Последний штришок дописал... И дарю вам её, дарю! – свернув холст, Володя совал его в окно автомобиля Анжеле и Алику. – Простите нас...

Всю обратную неблизкую дорогу ехали мы, не проронив и слова: каждого, видно, одолевали свои думки. Только у въезда в город Анжела, словно очнувшись от тяжкого забытья, попросила нас тихо:

– Помолитесь за Александра и Александру, так нас при крещении нарекли...

Брат во Христе

Руф Караулов считал себя всё-таки приличным работягой, в праздничные дни выбривался чисто – бородку отпустил, когда в церковь ходить стал, оболакивался в незатасканную рубаху и штаны с наглаженными «стрелками». В будни-то ладно, можно и кое-как бродить, в рабочем: мастеровой мужик – невелик кулик.

Коля Шибалёнок и в будни и в праздники вышагивал в одних и тех же замызганных, давным-давно потерявшим первоначальный цвет и форму обносках с чужого плеча. Маленькие поросячьи глазки на опухшей от постоянной опохмелки роже с кустами щетины на щеках заплыли, превратились в хитрющие щёлочки; под грузным коренастым телом – кривые ноги враскоряк: не сразу поймёшь: «поддал» ли хорошенько Шибалёнок накануне или «прозрачен, аки стёклышко».

Коля труждался экспедитором-грузчиком в общепите, помимо кое-какой силёнки, обладал пронзительно визгливым голосом. Ошалев от его раздражённого тембра, а еще пуще – от выражений, разбегались, бывало, даже грузчики, а бабы-продавщицы боязливо-заискивающе обращались к Шибалёнку по имени-отчеству.

Руф, он и до седых волос – Руфик, Руфка, а тут шаромыжника – и так уважительно!.. Обидно!

С начальством Коля был ласков и обходителен, подобострастен до неприличия, до распускания слюней, и ещё одно обстоятельство присутствовало: Шибалёнок мог запросто «настучать» на ближнего. За что Колю , в изрядном подпитии, не раз подкарауливали и метелили мужики.

Руф и Шибалёнок жили на одной улице, правда в разных концах, были ровесники, учились в одной школе. У обоих были неласковые суровые матери – Шибалиха голосиной обладала ещё покруче сынка, не дай Бог, какой ротозей забредал на территорию возле общепитовской конторы, где бабка орудовала метлой, и невзначай ронял окурок. Шибалиха не только орала благим матом, но и норовила отхлестать нарушителя своим орудием труда. Часто попадало на орехи и подвыпившему сынку, мать на расправу не скупилась.

Коля и Руф, получалось всё время, как-то нигде не «пересекались». Ни в мальчишеских потасовках, ни потом – за столиком в пивнухе или за одним стаканом на брёвнышке под забором, ни тем более – в библиотеке, где Руф брал почитать исторические романы и книги «просто о жизни», а Коля, наверное, кроме букваря, ни одной книжки больше не осилил.

Руф был удивлён, да куда там! – потрясён, когда увидел знаменитого матюкальщика стоявшим на воскресной службе в церкви. Шибалёнок, скромно потупив глазки, топтался возле солеи, на самом виду, напротив «царских врат», оттеснив испуганно поглядывающих на него старушонок. Заметив Руфа, он дружелюбно подмигнул ему, как старому приятелю.

С какого уж бока сумел Шибалёнок подкатиться к настоятелю отцу Павлу – Бог весть... Для батюшки, говорят, всякий брат во Христе – свой.

Коля вваливался всегда шумно, заполняя настоятельскую каморку-келью смрадной вонью перегара, мочи, табачища. Растягивая в умильно-заискивающей улыбке помятую, с линялым «фингалом» под глазом, рожу, бросался к отцу Павлу, хватал его руку и принимался смачно её лобызать. Потом облапливал за плечи худощавую фигуру священника:

– Лучший друг ты мой, отец святой!

Руф, починивающий оконную раму, тоже удостоился дружеского кивка: привет, столяр!

– Тётку надо причастить, она уж там на последнем издохе, давно лежит, не встаёт, – затараторил Шибалёнок. – В пригороде это, в Луках! Я там тебя, отец родной, в любое время с автобуса встречу и в нужное место проведу.

– Да, тут дело такое, отлагательства не терпит, – согласился отец Павел. – Давайте, договоримся – где и когда?..

В сопровождающие батюшка взял Руфа, всё-таки местный житель. С городом приезжий отец Павел был ещё плохо знаком, а тут пригород, посёлок. Руф там тоже никогда не бывал, но промолчал о том.

В тряском, дребезжащем всеми внутренностями, автобусе – «сарае», видимо, только что выпущенном в рейс, пока добирались до места, отец Павел продрог в своём тонком осеннем пальтишке. На конечной остановке путники поспешно выскочили из промороженного салона – на улице показалось много теплее. Возле покосившегося, с исцарапанными всякими похабными надписями стенами павильончика их никто не ждал.

– Может, задерживается где Коля? Сейчас прибежит? – с надеждой вопросил отец Павел, озираясь по сторонам.

– Чего его ждать-то? Пойдём сами! – спустя какое-то время предложил Руф, глядя на съёженного вконец на пронизывающем до костей мартовском ветру батюшку. Аж стёкла очков на носу у бедного изморозью покрылись.

И тут выяснилось, что ни названия улицы, ни номера дома, где ожидала болящая старушка, ни тот и ни другой не знают.

Руф махнул безнадёжно рукой на длинную череду одинаковых, как близнецы, бараков-времянок пристанционного посёлка:

– Поехали, отец Павел, обратно! Где тут искать?!

– И всё-таки давай попробуем... – стуча зубами, не согласился священник.

В ответ на расспросы, где обретается недвижная богомольная бабулька, встречные прохожие, поглядывая с удивлением на двух бородачей, недоумённо пожимали плечами.

Поплутав вдоволь по всяким проулочкам, путники окончательно приуныли, и тут Руф хлопнул себя по лбу – вот уж верно: «хорошая мысля приходит опосля»!

Первая же небритая, красноносая, слегка пошатывающаяся личность изрекла:

– Шибалёнок? Да он, вон, в пивнухе возле остановки гужбанит!

И точно. Едва заглянул Руф в питейное заведение – и за ближним к выходу столиком обнаружился притулившийся там Шибалёнок. Он лениво, вроде б как нехотя, дотягивал из кружки одёнок пива, дремал-не дремал, раскачиваясь на кривых ногах и с блаженством жмуря щёлки глаз. Но стоило его соседу, тщедушному мужичку, от переизбытка пития заикать и устремиться на выход, как Коля, не кумекая долго, подвинул к себе его недопитую кружку и стремительно выглотал из неё пиво.

Руфу так и зазуделось подойти и треснуть хорошенько по этой мятой довольной харе! Шибалёнок опередил: сначала по его лицу промелькнуло удивление, потом в более активно зашабарошившемся мозгу возникло воспоминание – и вот Коля, скорчив виновато-покаянную мину, заторопился навстречу Руфу:

– Ой, с батюшкой меня простите! Давно вас жду! Забежал вот на минутку погреться...

Увидев на улице продрогшего отца Павла Шибалёнок и умильную слезу бы, наверно, пустил, кабы священник сурово не подогонал его:

– Веди!

– Это рядом! Вон там!

Коля вбежал на крылечко неказистого домика, не особо церемонясь, забарабанил кулаком в дверь. Вскоре дверное полотно заходило ходуном уже под его пинками, но по-прежнему никто не спешил открывать.

– Уф! – Шибалёнок грязной ладонью вытер испарину со лба, оставляя на нём чёрные полоски. – Васька, гад, сын ейный, не иначе, на работу убежал. Нас, мудило, не дождался! А она, хозяйка-то, больше года с кровати не встаёт. – он подошёл к окну с приоткрытой форточкой, постучал в стекло. – Бабуля, слышишь? Мы с батюшкой тут, не виноваты только, что к тебе не попасть...

И потупил свои плутоватые глазки под сердитым и уничтожающим взглядом отца Павла из-под стёклышек очков.

В дверном замке вдруг заскрежетал ключ. Дверь распахнулась; на пороге стояла, цепляясь за дверные косяки, иссохшая – одна тень! – старуха в исподнем. На застывшем, неподвижном, будто маска, испитым жестокой болезнью, землистого цвета лице её жили одни только глаза, и было во взгляде их что-то уже далёкое от мирской суеты, ведомое человеку лишь на последнем пределе. И ещё вера была в них.

Мгновение – и бабулька упала на руки подоспевшему отцу Павлу; Руф с Шибалёнком застыли, распялив рты. Старушку унесли в дом; отец Павел едва успел накинуть ей на голову край епитрахили, принимая от неё «глухую» исповедь, и причастить её Святых Христовых Тайн, как старушка, просветлев ликом, отошла в мир иной.

– Видели? – спросил священник у своих растерянных и потрясённых спутников. – Вот как верить надо!..

Шибалёнку порою, видимо, надоедало трястись от холода под грудой тряпья в своей нетопленной комнатушке в коммуналке или ночевать после «возлияний» по городским кочегаркам. Он выдумывал причину для заболевания и заползал в палату местной больнички понежиться на чистых простынях и пожрать, пусть и скудновато, зато размеренно. Благо старые доктора ещё полуголодной советской поры хорошо помнили Шибалёнка как экспедитора продуктового склада, и благодарность их за прежние Колины благодеяния не улетучилась с приходом капитализма.

В конце зимы Шибалёнок не стал дожидаться тёплых дней, с загноившемся пальцем залёг в больницу. Тут его и повстречал отец Павел, пришедший соборовать одного старичка. Дедуля где-то упал и сломал бедренную кость, лежал на койке с ногой – на вытяжку, впрямь как лётчик-испытатель после катастрофы.

Коля, радостный, вышмыгнул из соседней палаты, с бодрым кликом полез лобызаться к батюшке, засуетился возле него, норовя ему подсобить: зажёг свечку и тут же, шумно вздохнув, загасил её.

Закончив таинство соборования, отец Павел, морщась от ядрёного духа, исходящего от старичка, спросил Шибалёнка:

– Ты истинно верующий?

– Да! – Шибалёнок, состроив торжественно-скорбную мину, торопливо обмахнулся заскорузлой щепотью.

– А слыхал, что вера без дел мертва есть? – с лукавинкой посмотрел на него отец Павел.

Коля в ответ промычал что-то невразумительное, развёл руками.

– Вот тогда за дедушкой поухаживай! Видишь, старичок не прибран, ни родных ни близких! Ну как? Благословить тебя на доброе дело?

Шибалёнку ничего не оставалось, кроме как согласно кивнуть...

Обихаживать деда он взялся с круто подсоленным матерком, не особо кого из соседей или врачей стесняясь. Созывая всех чертей на голову бедолаги, вытаскивал из-под него судна и «утки». Притащив из столовки поднос со скудным обедом, пичкал им старичка, совал тому в беззубый рот ложку с кашей, а то и мимо её просыпал.

Всё как бы ни было, но дед споро пошёл на поправку, а Шибалёнок потом обосновался у выписавшегося из больницы старика на топчане возле жаркого бока печки. Дедуля пенсию получал и делился по-отечески с Колей харчами, выдавая иногда ему и на винишко.

Жаль только, что «лафа» скоро кончилась: у старичка родственнички объявились, и Шибалёнка без церемоний выставили за двери.

Тут он и вовсе стал возле отца Павла виться...

Дела от Шибалёнка мало, он больше горазд был трескать еду в три горла и в трапезной и молоть языком. Отец Павел поначалу избегал его, даже прятался, да разве скроешься от Коли! Притулится он на приступок возле двери настоятельской каморки-кабинета и будет, ожидаючи, часами сидеть-рассиживаться тут, задирая пробегавших мимо по всяким надобностям служек. Потом всё-таки батюшка смирился, особенно после того, как Шибалёнок опять оказался бесприютным, приноровился, занимаясь своими делами, слушать его болтовню и пропускать её мимо ушей, наподобие трёпа диктора из радиоприемника на стене. И ночевать оставлял Колю в своём кабинете на старом диванчике.

Что поделаешь, раз послал Господь такое чадо духовное, надо же его окормлять и наставлять!..

В начале лета на острове посреди Святого озера в окрестностях города собрались восстанавливать монастырь. До настоящих насельников-монахов было ещё далеко; несколько трудников – бригада заезжих реставраторов по благословению архиерея пыталась обустроиться среди хаоса из груд битого кирпича, завалов гнилых балок и брёвен, всякого мелкого хлама, оставленного рыбацкими артелями.

Островок напоминал гигантский валун, зашвырнутый Всевышним при сотворении мира точно в середину озера. Вздымалась одиноко колокольня без креста с одиноким же большим колоколом с подвязанным «языком». На озере день тих, да час лих: налетит буря, вздыбит волну на мелководной, доселе вроде бы и безобидной, «луже», и держись тогда и Богу молись, зазевавшийся рыболов, коли не успел до беды добраться до берега!

И вот из сумрака, сквозь заполошный вой ветра и водяной рёв, до слуха отчаявшихся людей доносится звон колокола. Рядом – остров! Спасены!

В седые времена здешний удельный князь тоже спасся от бури на острове, едва не пойдя ко дну в утлой ладье. Монастырёк в честь того основал, и несколько веков тихая обитель обреталась тут, пока в «безбожную пятилетку», угодливо обезьянничая с негодяев, взорвавших в Москве храм Христа Спасителя, здесь тоже местные «активисты» не раскололи взрывом собор. От громадных кирпичных глыб попытались было отколупывать по кирпичику, найдя вроде б и применение – для постройки скотных дворов в колхозе на «материке», да куда там – ломы беспомощно отскакивали от старопрежней кладки.

Звонницу тогда не тронули и один колокол на верхотуре оставили: пусть послужит вроде маяка в бурю – Бог-то запрещён, да кто знает...

Теперь, бродя по монастырским руинам, кто-то из молодых реставраторов предложил:

– Вот глыбы-то эти соборные поднять да и смонтировать бы на специальный клей!

– Придёт время... – откликнулся ему руководитель группы пожилой мужчина, московский профессор родом из села на берегу озера. – Нам бы сейчас тут зацепиться, осмотреться, обустроиться. Трудников бы! Сколько работы черновой, сколько разгребать всего!

– Вам – первый! – отец Павел легонько подтолкнул к нему Шибалёнка, таскавшегося по острову за батюшкой по пятам со значительно скорченной миной на роже.

– Я? – Коля смешался, глазки его беспокойно забегали, и, когда отец Павел и Руф стали садиться в лодку, чтобы плыть обратно на «материк», и он сунулся было следом.

– Благословляю! Оставайся, трудись! – священник размашисто перекрестил Колю из отчаливающей лодки. – Здесь ты нужнее!..

Шибалёнку копаться в горах хлама на острове скоро наскучило. Жалился он на жуткие боли то в спине, то в голове, а то и ещё где, норовил с видом страдальца поваляться и погреться подольше на солнышке, но пуще – нёс без умолку всякую околесицу, пересыпая её просоленными словечками и заставляя брезгливо морщиться профессора и криво ухмыляться молодых.

Потому оказался вскоре Коля в подручных у кашевара, одинокого бобыля из прибрежного села. Тот тоже на старости лет вернулся в родные края, с разницей только,

что профессор почти всю жизнь прожил в Москве, а кашевар «кантовался у хозяина» на суровом Севере. Шибалёнок с боязливым почтением косился на вытатуированные синие перстни на его пальцах, заглянув в ощерившийся фиксами «под золото» его рот, беспрекословно мчался рубить дрова или послушно заседал чистить картошку. Впрочем, кашевар больше что-то делать Колю и не заставлял. Сварганив обед, он уходил с удочками на дальний утёс, Шибалёнка от себя не отгонял и, сосредоточенно глядя на поплавки, хмыкал в ответ на все того побасенки.

И Коля рад-радёшенек: это тебе не в кирпичных завалах неведомо зачем день-деньской ковыряться. Тут слушает тебя старый «блатырь» вроде б и с интересом и ещё довольно подхохатывает. Вот только со взглядом его – исподлобья, чёрные зрачки глаз, точно свёрла, до донышка душу достают – лучше не встречаться...

Однажды свёрлышки эти бесцеремонно и больно впились Шибалёнку в нутро, отчего затрусило беднягу бездомным щенком перед волкодавом. Брякал языком, как обычно, Коля да и похвалился: дескать, батюшке-то Павлу он – друг самолучший, что бы с ним не приключись, тут же примчится отец Павел на выручку.

– К тебе, фраерку?! – усомнился кашевар. – Да нужен ты ему сто лет! Они, попы, до «бабла» жадны, а у тебя, как у латыша – хрен да душа!

« Сам хренов...атеист! – Шибалёнок поднахватался в церкви новых для него слов, но вслух, конечно, ничего не сказал и, когда в чёрных глазах кашевара растеклась ядовитая насмешка, вздохнул: – Погоди уже!..»

Что там Коля задумал, что с ним случилось, но на другой день кашевар пришёл к палатке реставраторов встревоженный:

– Слышь, начальник! – обратился он к профессору. – Там у меня этот придурок, напарник мой, в натуре загибается!

Шибалёнок и вправду лежал в лачуге на куче тряпья и страдальчески кривя рожу, прижимал сложенные крестом руки к груди.

– Хватанул наверно втихаря какой-нибудь «барды» у старух... Утром мы с ним плавали в село за продуктами. Может, продрищется? – предположил кашевар.

– Да тут что-то серьёзное... – склонился над жалобно постанывающем Колей профессор и попытался разобрать его шёпот. – Что, что?! Отца Павла зовёт! Тут фельдшера, пожалуй, надо!

– Нет! – еле слышно прошептал Шибалёнок. – Отца Павла... Хочу исповедаться и причаститься.

– Так не поедет, поди, попина-то! Что с этого «чушка» возьмёшь! И не по суху ещё добираться. Вон, какой ветерок по озеру тянет! – засомневался кашевар.

– Что ж! Позвоним! – решил профессор, доставая мобильник...

Подплывающую почти в сумерках к острову лодку заслышали по стуку мотора. Уже можно было различить на её носу нахохлившегося в рыбацком плаще отца Павла и Руфа на корме. На мелководье малоопытный кормщик неосторожно подставил разгулявшейся волне борт, и посудина перевернулась.

Руф вынырнул, отплёвываясь, махнул было на «саженках» к острову, но опомнился, закружился на месте, а потом и вовсе легко достал ногами дно – воды только по горло. Увидел неподалёку от себя чёрное осклизлое днище лодки и... всё. На острове перестали орать и бестолково бегать по берегу, кто-то уже плыл навстречу.

Руф громко позвал отца Павла, хлебанул воды. Его, подхватив с двух сторон, ребята-реставраторы повлекли к берегу. Позади ещё плескались, ныряли.

На берегу, трясясь от холода и недавнего страха, Руф увидел наконец, что и отца Павла островитяне вынесли из воды, стали делать ему искусственное дыхание.

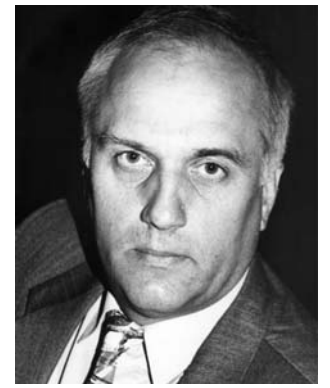
– Поздно! – кашевар, приложив ухо к груди священника, горестно поморщился. – Сердчишко, видать, у бати было ни к чёрту.

Своим тяжёлым, волчьим взглядом он нашёл Шибалёнка, до того голосившего громче всех и по виду – совершенно здоровым бегающего по берегу. Тот съёжился, захныкал жалобно и, ослабнув в коленках, повалился на землю.

– Батюшка! Отец Павел, друг родной, как я без тебя буду-у?! – Колю прорвало, тело его сотрясали рыдания. – Кому нужен, куда пойду? – ревел Шибалёнок в голос. – Прости меня глупого!..

ПОЭЗИЯ

Владимир АРТЮХ



Владимир Григорьевич Артюх – родился 7 марта 1952 г. в Киеве. Окончил Киевский государственный педагогический институт им. А.М. Горького и Высшие литературные курсы (Москва). Автор тринадцати книг и стихотворений. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Я не усну под шорохи дождя…

* * *

Туманное безвременье тревожит.
Завис компьютер. Мышка спит.
Мороз стекает по ворсинкам кожи.
Живёшь, как правило, в кредит.

Читаешь книги. Спишь украдкой.
Жизнь ежедневная есть ложь.
Копаешься в морковной грядке.
И урожай на даче ждёшь.

Безвременье печальнее тумана,
Пронзительнее майской синевы,
Страшнее капель протекающего крана,
Опаснее стрелы и тетивы.

* * *

Сладок свет, идущий от солнца.
Пахнет луг ветерком медовым.
Если ты любишь, любовь отзовётся
Утром счастливым, утром лиловым.

Встанешь на зорьке, расправишь плечи,
Солнечным светом умоешься в поле.
Станет намного, намного легче,
И ни тоски, ни печали, ни боли.

* * *

Сны убывают быстро поутру,
Их воробьи разносят по деревьям.
Я холоден к приметам и поверьям.
И вот поэтому, наверно, не умру.

И вот поэтому пусть воробьи несут
По закромам ночные сновиденья,
Моих забот случайные мгновенья.
Мне нравится их беспокойный труд.

А если вдруг они не прилетят
И не возьмут в охапку сновиденья,
Я буду молча ждать их возвращенья –
И час, и день, и тыщу лет подряд.

Я не усну под шорохи дождя,
Я не усну под шёпот снегопада,
Под музыку военного парада.
Я не усну. А вечность погодя

Ко мне вернутся снова поутру
Утраченные мною сновиденья,
Мои безмолвные наивные знаменья.
Теперь, похоже, точно не умру.

* * *

В сияньи белом и прозрачном
Моя бескрылая мечта.
В пейзаже смотрится удачно –
Так целомудренно чиста
Её наивная причастность
К лугам, к берёзам, небесам,
К такому выпавшему счастью.
К нему причастен я и сам.
И поневоле понимаю:
Бескрылье вовсе не порок,
Когда в черёмуховом мае
Выходишь на родной порог.

* * *

Я молчу над речкой захудалой,
Над прибрежным чахлым ивняком,
А когда-то солнце здесь ласкало
Моё тело тёплым ветерком.
И когда-то здесь купались вдоволь,
И светлее не было реки,
Щебетало рядом с речкой поле,
А сегодня здесь – особняки...

* * *

Рябит листва. И пахнут розы
Родною русскою тоской.
И пахнут розы так серьёзно,
Как пахнет осень над рекой.

А я сижу в саду широком,
Сижу на лавочке один.
И мне совсем не одиноко.
Для беспокойства нет причин.

И пахнут розы так серьёзно,
Как пахнет яблоками сад.
Рябит листва. И пахнут розы.
Крадётся тень, как виноград.

А я сижу в саду широком,
Вдыхая запах белых роз,
И мне совсем не одиноко...
Я это чувство перерос.

* * *

Всего лишь шаг – и море рядом.
Коснулась моря ты рукой.
Взлетели брызги звездопадом,
Уйдя в заоблачный покой.

Ты улыбнулась. Засмеялась.
И в море медленно вошла.
Ты каплей моря оказалась
Такой, какой ты и была

До сотворенья, до рожденья
Всего, что вижу я вокруг,
До неземного отторженья
Летящих взмахов нежных рук.

* * *

Ах, какая дорога стелилась,
Упираясь в нежный рассвет.
Мне сегодня детство приснилось.
Мне приснился красивый букет.

Гладиолусы гордо глядели,
А точнее, – чуть свысока,
Как я спал в белоснежной постели,
Ничего не зная пока,

Что со мной через годы случится,
Через годы, что станет со мной.
За окном мелькали синицы,
А потом шёл дождик грибной.

А потом пробужденье настало.
Распахнул голубое окно –
Занавеска качнулась устало.
Ах, как это было давно...

* * *

На улицу вышел. Тоска. Мороз.
На серой шапке-ушанке крыши
Снежок примостился. Надолго, всерьёз.
Ядрёным морозом январским дышит.

Я тоже вдыхаю всей грудью его.
И пар поднимается облачком белым.
Душа так уходит, скорее всего,
Когда расстаётся с ней тело.

* * *

Я живу в ограниченном мире,
Ограничен объёмом квартиры.

Ограничено берегом море,
Ограничено горным узором,
Полосой песчаного пляжа
И другими морями даже.

А земля ограничена небом.
Человек ограничен хлебом.

Ограничена жизнь дорогой.
Рай и ад ограничены Богом.

Ограничена смерть бессмертьем.
Ограничено всё. Проверьте...

* * *

Томик Пушкина устал,
Спит на книжной полке.
Сквозь магический кристалл
Ветер треплет холку
Мёртвого коня.
Бесы рыщут в снежном поле
Среди бела дня.
Ни тоски, ни боли –
Даль холодная одна
Стелется бездушно.
Там, за далью, сатана
Смотрит равнодушно

Сквозь магический кристалл
На коня и холку.
Томик Пушкина устал.
Всюду бесы. Всюду волки.

* * *

А любви не бывает много,
Точно так же, как неба и звёзд...
Застилает туман дорогу,
Только чёрные метки берёз
На пригорках мелькают уныло,
Словно чёрные дыры небес.
Я не помню, когда это было.
Бесконечна туманная взвесь.
А любви не бывает много.
Но к полудню выглянет солнце,
И останется только дорога, –
А надежда всегда остаётся.

* * *

Нет ничего печальнее снегов,
Когда они в предчувствии весны
Бугрятся у подножия холмов
И смотрят грустно на остатки белизны,
Которая пытается сверкать,
Как будто в этом смысл какой-то есть.
А над снегами солнечная прядь –
Предвестница, а может быть, и весть.

* * *

Нет ничего печальнее огня,
Когда горячим пламенем пленя,
Становится он пеплом и золой
И оставляет жирный чёрный слой,
Который превращается в нагар,
А ты вдыхаешь вымышленный жар,
Воспоминания о пламени храня...
Нет ничего печальнее огня.

* * *

Нет ничего печальнее весны,
Когда настырные летят капели с крыш, –
Когда летящие хрусталики, как сны,
И ты над снегом тающим молчишь,
А ручейки толпятся у дорог,
И комья снега, как смола, черны.
Какой уж тут от слякоти восторг!
Нет ничего печальнее весны.

* * *

Нет ничего печальнее дождя,
Когда он мечется от дома и к дому,
Когда по улицам, как бомж, бродя
По городу безликому, ночному
В туманном свете чёрных фонарей,
Он прикасается к скамейкам на бульварах,
Он топчется у запертых дверей
В объятиях расплёсканного дара.
Нет ничего печальнее дождя...

* * *

Нет ничего печальнее печали,
Когда чуть теплится над бездною душа,
И меркнут в памяти священные скрижали,
Ты всё ещё живёшь, едва дыша.
Мой пароход от пристани отчалил,
А небом чёрным занавешено окно.
Нет ничего печальнее печали...
Кто прав, кто виноват, – мне всё равно.

* * *

В акриловых красках нескошенных трав
Легко затеряться, забыться легко.
У вечности свой потаённый нрав.
До вечности сколько осталось веков?
А травы колышутся, как облака,
И жмутся всё ближе и ближе к реке,
Так жмутся на плахе друг к другу века,
Опять прорастая в кровавом цветке.

* * *

Касаясь рук твоих губами,
К твоей душе я прикасаюсь,
И да простит мне Бог – не каюсь, –
Разделены с тобой веками,
Разделены небесной высью,
Бескрайним полем, белым садом,
Разделены мы звездопадом,
Но без тебя себя не мыслю.
Люблю твой цвет волос пшеничный,
Твой взгляд весенний, синеокий...
С тобой нельзя быть одиноким,
Что для меня так необычно.
Разделены с тобой веками.
И да простит мне Бог – не каюсь,
Когда к тебе я прикасаюсь,
Касаясь рук твоих губами.

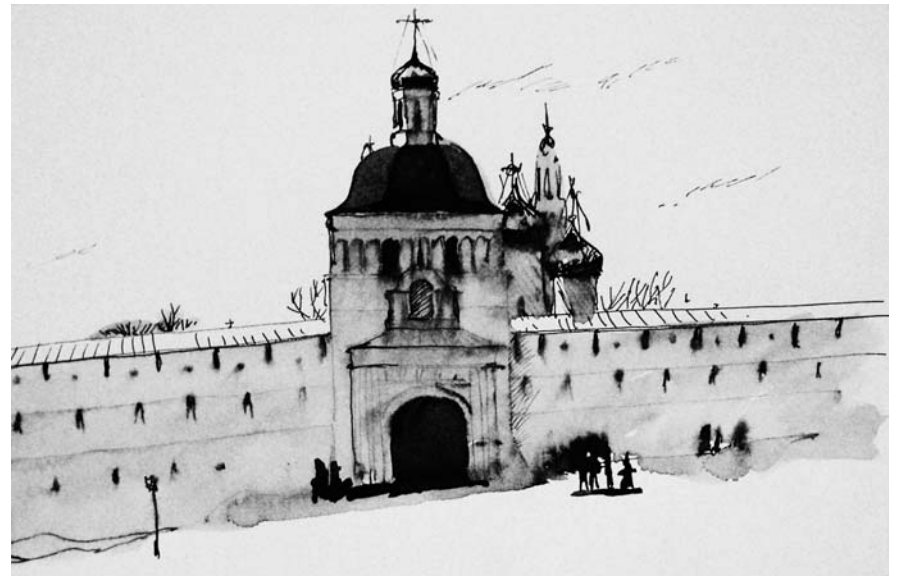
ВЕРНИСАЖ

Екатерина ВЛАСОВА

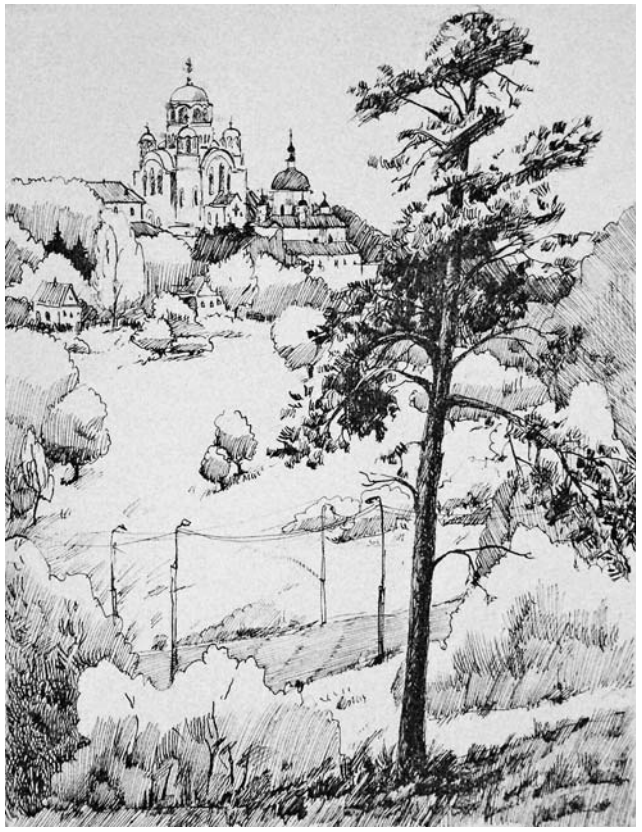
Автор представленных работ – Екатерина Власова – родилась в деревне Болдиново Тверской области. Около восьми лет Екатерина живёт в Сергиевом Посаде, где получила первоначальное художественное образование в РГУТиС. Освоение прикладной дизайнерской профессии не закрывает для неё желания увидеть мир глазами художника. Акварели и рисунки Екатерины Власовой, несмотря на молодость автора, отличаются глубоким лирическим переживанием, зрелым композиционным мастерством, а главное, своим видением знакомых, или замеченных только ею, мотивов и умением языком искусства поделиться наблюдениями и радостью со зрителем.

В городе Преподобного Сергия

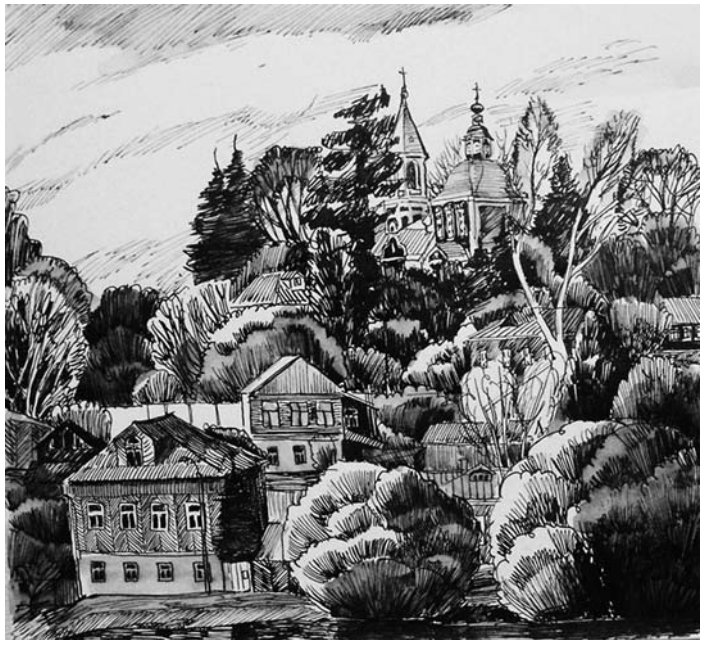
«Город Сергиев Посад и его окрестности, – рассказывает Екатерина, – это такой кусочек провинциальной России, где всё знакомо и в тоже время удивительно, где хочется остановиться и нарисовать покосившийся от времени домик или одинокое дерево на фоне величественной архитектуры. Здесь органично уживаются захватывающая история и теплота непритязательной текущей жизни. Если сесть на велосипед и захватить с собой краски, то можно весь день кататься по узким улицам города и делать остановки для коротких зарисовок, которые, просматривая в конце дня, снова нарисуют ваш маршрут. Не менее привлекательны и живописны окраины и соседние поселения».



Святые ворота Троице-Сергиевой Лавры.
Бумага, перо, тушь. 2010 г.



Хотьково. *Перо, тушь. 2010 г.*



Келарка. *Бумага, перо, тушь. 2012 г.*

Крепость. *Бумага, роллер, тушь. 2009 г.*

Святые ворота Троице-Сергиевой Лавры. *Бумага, акватинта. 2011 г.*

Анатолий ПЯТОВ

Анатолий Иванович Пятов – член Союза писателей России. Член-корреспондент Академии поэзии. Кавалер ордена «В.В. Маяковский» и литературно-общественной премии «Светить всегда», Золотой Есенинской медали. Лауреат премии «Золотое перо Московии», премии имени А.П. Чехова, ордена «М.Ю. Лермонтов» и литературно-общественной премии «Герой нашего времени». Автор семи сборников стихотворений.

Живёт в Москве.

Онемевшее сердце России

Жизнь искусна для всех на разлуку.
Вряд ли кто обделён этой долей.
И она без стеснения руку
Пожимает любому до боли.

Лишь тоски неумная сила
Разрывает тугие объятия
И мечта, что покой уносила,
Одевается в новое платье.

И уже ничего не задержит
Возвращения в любимые дали,
Ведь разлуку без всяких издержек
В испытание нам навязали.

И простое желание видеть
Старый дом со скворцами на крыше
Заставляет сильней ненавидеть
Лишь себя, а не случаи свыше...

Я умчусь, и берёзовой веткой
Моё счастье в дали замаячит,
А рябина сварливой соседкой
Слёзы горькие переиначит.

Такова деревенская доля.
Здесь не спрячешься от пересуда.
Это в городе вольному – воля.
Здесь же спросят – ты кто и откуда?

Мостик старый над высохшей речкой
Зашатает меня горемыку,
И зайдётся от страха сердечко.
С детских пор я к нему не привыкну.

По нему я с горбушкою хлеба
Убегал на вечерние росы,
Где роняло огромное небо
Свои звёзды на наши покосы.

Там на них от утра и до ночи
Взрослый мир заготавливал травы.
И гулял я, любимый сыночек,
Без присмотра порой, без управы.

Сколько нервов взяла, я не знаю,
У родителей это свобода:
И тонул я, в реке замерзая,
И у ульев дрался из-за мёда.

Всё они пережили, конечно,
Но тужил я об этом не очень.
И за это достанется вечность.
Мне – мгновения, подобные ночи.

С детских пор (как давно это было).
Там меня называли Толянкой.
Там впервые душа полюбила
Задушевные звуки тальянки.

Не они ли тогда подстегнули
Время первого стихосложенья,
Словно зарево птицы спугнули
Всем на радость и на уважение.

Две строки про весну да про лето
Взбудоражили всех до истомы.
Он – поэт, разносилось по свету,
Ну а я, управлялся по дому.

Через год это чудо забылось.
Износились до нитки подарки,
Счастье словно о что-то разбилось...
Я был сын пастуха и доярки!?

Только с каждой услышанной песней,
Всё красивей писались припевы,
А творилось куда интересней
Под старинные всё же распевы.

Да и хлёсткая правда в частушки
Свои правки о жизни вносила.
Понял я, что смеялись старушки
Не со зла на «мужицкую силу».

А холёные, пьяные тетки,
Лишь одевшись в мужицкую робу,
Безобразили так, что подметки
От стыда багровели. Ей Богу.

Вот такие мои институты.
Что гулянка, то новая сказка.
И беда ли, что был не обутым,
Но теплом материнским обласкан.

Я тогда уже видел, что бедный
Постоянно в стороночке курит,
А богатый, вернувшись с обедни,
Бедняка в чём-нибудь, да обдурит.

Объяснить эту хитрость народу
Было проще простого на праздник,
Когда каждый, соседу в угоду,
Говорил не дурак, а проказник.

Ну, подумаешь, тёлочку продал.
Это всё-таки всем на веселье...
Вроде ухарство, вроде свобода
Под спасибо и мутное зелье.

Вся-то разница, только под вечер,
Одурманившись вдрызг самогоном
И с обиды, что ужинать нечем,
Он гонял всю семью по прогонам.

Оправданье одно – для порядка.
Бьёшь, что любишь и вся отговорка.
И солдат и седая солдатка
Голосили во всю на задворках.

Ведь война-то была ещё рядом.
Двадцать лет – не такое уж время,
Чтоб забыться от этого ада.
Каждый нёс своё личное бремя.

Каждый был как герой. В том и дело.
Жизнь свою представлял он иначе.
Ну и всё, что в душе накипело,
Он родне выдавал «при раздаче».

Хорошо, если вся свистопляска
За два дня успевала ужаться,
Но частенько могучая встряска
И неделю могла продолжаться.

Этот дар только русским дарован,
Чтоб в разрывах загульной напасти
Всё ж доились, как нужно коровы
И паслись, что в жару, что в ненастье.

Мне понять это невыносимо,
Но ведь было, а что в наши будни:
Пить и есть научились красиво,
А сидят, как пчелиные трутни...

Я приехал. Чернеют стожары,
Словно ветки засохших деревьев.
Вот и всё – ни войны, ни пожара,
А уехали все из деревни.

Кто куда: в коммуналки, в бараки,
Лишь бы быть непричастным к навозу.
Мать – земля! Нарожала ты браку,
От того и зачахли колхозы.

Возвратить бы нас всех в эти сёла,
Застонала б от счастья Россия,
Только вряд ли мне быть новосёлом.
Власть об этом меня не просила.

Вот и кушаем хлебушек с маслом,
Что растут далеко за границей.
Ну, а наше хозяйство угасло.
Я забыл уж, как рожь колосится.

Кое-где перепахана пашня.
«Старичьё» вряд ли большего сможет.
На душе и тревожно, и страшно.
Кто им в старости этой поможет.

Я других не виню. Нет в том смысла.
Я один виноват в этой драме.
Тишина над деревней зависла.
Я вернулся к тебе. Здравствуй, мама!

Зорька алая к ночи всё краше
Расцветает над тихою речкой.
Эх, сторонка, любимая наша.
Разлюбезное сердцу местечко.

На прогоне, как гимн сенокосу,
Льётся песня во всю удалая.
Можно сразу понять по прокосу
Где мужик, где «бабёнка» страдает.

Песня старая с дивным припевом
Без надрыва гуляет по росам.
То направо свернёт, то налево,
То затихнет совсем у покоса!

Всё заметнее дымка тумана
Прячет травы в белесые дали.
Косарям бы дойти до дивана.
До того они, вижу, устали.

Там в тумане бредут брат с женою.
У меня же другая дорога,
Мне бы кваса да с крошкой ржаною,
Да чуть-чуть отдохнуть у порога.

Два ведра на крутом коромысле
Оттянули мне плечи до боли.
В голове сумасбродные мысли –
Донести иль дойти хотя б что ли.

А не то, что бы кваса из кружки,
Чая вряд ли придётся напиться,
Да суметь бы, как прежде у вьюшки
Самовар вскипятить умудриться.

В самоваре чаёк наш из детства,
Из страны, что разрушили сами.
И уже никуда нам не деться:
И хула, и хвала будет с нами.

Крепкий чай в чашку белую льётся,
Словно солнышко утром в рассветы.
Жаль, что всё это мне достаётся
Раз за многие, многие лета.

Суета этих благостных буден
Рушит начисто жизни устои.
Путь до истины долог и труден,
Но всегда уваженья достоин...

Каждый день, что зимою, что летом
В пять утра, как юла заводная,
Я киваю в ответ на приветы
Всем, кого по заводу я знаю.

Там вся жизнь безвозвратно проходит
Лишь во имя и для спецзаказа,
Но доходы хозяин находит,
Я – копейки и те-то не сразу.

Вот и вся моя радость-услада
От асфальтовых этих дорожек,
А теперь и того мне не надо,
Жизнь нашла испытание строже.

Время пенсии – миг обнищанья.
Всё прожитое – лишь документы.
Нужно жить под одни обещанья
И какие-то горе-проценты.

Мать на разум пришла как-то сразу.
Ведь она тридцать лет с этой ношей
И ещё не сказала ни разу,
Что на нищенку с нею похожа.

Я спросил, от стыда умирая,
Чтобы эту закончить беседу:
Сколько платят тебе, дорогая?
За пять тысяч живу, за Победу!!!

Всех ровесников ей, без остатка,
Я б за это представил к награде.
Нет. Не знает она недостатка:
И сыта, и всегда при параде.

Мы ее бережём все, как можем.
Мы – семья. Кто ж тогда государство?
Кто они раза на два моложе,
Возжелавшие этого царства?

Если умный, чего ж не богатый –
Лозунг, право, не нашего толка,
Живший лишь с молотком и лопатой,
Будет вечно мечтать о двуколке...

Я пришёл. Вот оно и крылечко.
Слава Богу. Теперь будем с чаем.
Ох, как сильно забилось сердечко.
Так о чём же тогда я скучаю?

Я в деревне своей заблудился –
Лебеда выше крыши сарая,
Думал я, что опять возродился,
Оказалось, увы, догораю.

Две коровы пасутся на поле,
На котором траву не скосили.
Ох, ты доля. Крестьянская доля!
Онемевшее сердце России!

Николай ПОЛОТНЯНКО

Нос

1

В городских околотках, которые разрослись вокруг построенных второпях в войну заводов и постепенно сомкнулись между собой, образуя наш город, бабы узнают свежие новости в магазинах и на базарчиках, а мужики – возле пивных ларьков. А новости эти самые обычные: у женского населения – почём на базаре картошка, прибавили ли цены на продукты, а у мужиков – кто в вытрезвиловку попал, кому нос расквасили, в каком магазине водку дают.

Не для сегодняшних читателей, а так, для истории, скажу, что пивной ларёк представляет собой фанерный или алюминиевый ящик с дыркой. Внутри ящика сидит разбитная бабёнка или краснорожий парень, которые разливают мутное пойло, именуемое пивом, в подаваемую им тару – от поллитровой кружки, найденной тут же, в кустах, до вёдер и канистр.

Не знаю, как в других околотках, а в нашем пивнушка начинает работать с самого раннего утра. Зимой, бывало, нигде ни огонька, только автобусы начинают ходить, а она, родная, уже светится, какие-то тени шебуршат, снег скрипит. Мороз под сорок, а мужикам всё нипочём, пьют за милую душу, потом дрожат мелкой частой дрожью, охладевают до самого нутра, но всё равно пьют.

И раньше пивнушка не простаивала, а сейчас, когда безработица началась, вокруг неё всегда густо народу. На какие-такие шиши пьют?.. Это кто как вывернется. Кто у жены деньги последние сопрёт, кто просто дрожит и ждёт, что ему оставят в банке недопивок, кто пустую посуду сдаёт – по-разному...

В других местах, слышно, жгут эти самые пивнушки, дерутся. Нет, у нас тихо, в основном...

И вот в одно распрекрасное утро пришёл ко мне сосед с первого этажа, Сергей, мужик лет тридцати пяти, монтажник.

– Алексеич, выручай!

– Чем тебя выручить, Серёга? – говорю, хотя по опухшей роже вижу, что мужику требуется.

– Дай на банку пива. Вчера перебрал.

Деньги у меня были, и не жалко было дать, но бумажка больно крупная. Показал её Сергею.

Тот почесал в затылке. Потом говорит:

– Знаешь, что. Пойдём к ларьку, я банку куплю, а сдачу заберёшь.

Николай Алексеевич Полотнянко – родился 30 мая 1943 г. в г. Тальменка Алтайского края. Окончил Литературный институт им. Горького. Поэт и автор трёх исторических романов. За один из них («Государев наместник») удостоен Всероссийской премии им. И.А. Гончарова. Книги стихов выходили в Ульяновске, Саратове, Москве (1982). Член Союза Писателей России. С 2006 г. главный редактор журнала «Литературный Ульяновск».

Живёт в Ульяновске.

Летом было дело. Надел я спортивный костюм, и мы пошли.

В бетонном колодце двора было прохладно и грязно. От мусоропровода несло овощной гнилью, в воздухе на ветру носились клочки бумаги. Здоровенные откормленные псы таскали за собой заспанных хозяев.

Через арку мы вышли на улицу и попали в деревню. С десяток домов, уцелевших от сноса, утопали в зелени садов, пахло молодой росной травой и горьковатым дымком растопленной по случаю субботы бани. Кудлатый пёс, по-хозяйски разлёгшийся посреди дороги, поднял голову и проводил нас ленивым незлым взглядом.

Возле алюминиевой пивнушки толпились десятка полтора мужиков. Кто уже пил пиво, кто стоял в очереди. Серёга достал банку, взял у меня деньги и пошёл напрямую к амбразуре. Через мгновение он вернулся.

Сдачи нет.

Ну, возьми так. Пока пьёшь, он наберёт денег, – расщедрился я.

Хорошо, я сейчас.

Через пять минут мы уже сидели на скамейке, и Серёга судорожно глотал пенистое пиво, крякал, снова глотал и, отпив половину трёхлитровой банки, удовлетворённо сказал:

Вот теперь, вроде, полегчало!

Мы сидели не одни. Вокруг нас было ещё несколько человек из нашего дома, так, полузнакомые люди, с которыми я встречался в подъезде, на улице, изредка здоровался. Они тоже опохмелились, ожили, закурили и заговорили.

– Да, Борис, влип ты вчера! – сказал один из них, из соседнего подъезда, сварщик, своему соседу по площадке. – Мы с Валюхой вчерась только спать наладились, как у тебя такой хай начался, что мой Джек чуть ли не на дыбы от злости встал. Глянул в окно – «скорая», потом «ментовка». Ты извини, я выходить не стал: сам был на поддаче...Чё там у тебя стряслось? Вы же со свояком вроде гуляли?..

Борис отпил пиво, поставил банку на землю и сморщился.

– Да ты не скрывай, – сказал Серёга. – Тут все свои.

– Что, менты повязали? – поинтересовался кто-то ещё.

Борис свернул самокрутку, прикурил, сплюнул, почесал в затылке и спокойно сказал:

Я вчера свояку нос откусил.

Недолгое изумлённое молчание взорвалось хохотом, хотя смешного вроде бы ничего и не было. Наиболее смешливые ещё дохохатывали, а сварщик уже деловито расспрашивал, как всё случилось.

– Да как?.. – вяло отвечал Борис. – Этот интеллигент давно меня достаёт.

– Почему интеллигент?.. – поинтересовался я.

– Говори, говори!... – сказал Сергей. – Алексеич – свой человек.

Борис оценивающе посмотрел на меня и продолжил:

– Трезвый Женька – мужик хоть куда! А как вольёт пузырь, и начинают в нём вулканчики играть. И жить я не умею, и обстановка у него лучше, и машина есть, а у меня всего мопед. Я, конечно, молчу, а он дальше... Моя Света – контролёром, а его Лариса – торговый техникум окончила. Я – водило, а он прораб. Ты, мол, жить не умеешь.

– И вчера тоже? – спросил сварщик.

– И вчера. Выпили по одной. Светка самогонки налила. У него крыша и поехала. Схватил меня за горло, начал душить. Ну, я его за уши и цапнул за носяру зубами...

Мужики снова заржали.

– Что, так целиком и отхватил? – спросил Сергей.

– Самый кончик. Напрочь! Хорошо хоть выплюнул.

– Да, – задумчиво сказал вечно трущийся у пивнушки бывший спортсмен Толян. – Это тебе сто восьмая светит. Тяжкие телесные повреждения...

– Ну, а «скорая», что? – спросил сварщик. – Там ведь две штуки подъезжали...

– Хорошо, хоть телефон есть, – сказал Борис. – Приехали в момент. Кровь остановили. Нос искали, ну, этот, пипку самую. Нашли под телевизором. Врач говорит, хорошо хоть не затоптали... Вроде пришили...

Сергей уже допил банку и выжидательно смотрел на меня, показывая указательный палец.

– Ладно, – согласился я. – Возьми ещё банку, а то у Бориса, наверное, и денег сейчас нет...

Сергей принёс пиво и целую колоду мокрых и мятых денег.

– Во всём этом, – сказал спортсмен Толян, прицеливаясь к полной банке, – есть одна загвоздка. Вот, как утрясти это дело?..

– Милиция прямо дома протокол состряпала, а что дальше, не знаю...

– Может, на тормозах всё сойдёт?.. – предположил Сергей.

– Ну, ты пей, Борис, пиво, – сказал я. – Случай, конечно, вышел дикий и одновременно смешной...

Я поднялся со скамейки. Серёга встрепенулся:

– Алексеич! Я долг отдам. Как штык!.. И Борису помочь надо.

Я пожал плечами и пошёл домой, уныло и грустно думая о том, что, может, и прав был академик, недавно заявивший, что человек всего лишь на четверть человек, а на остальные три четверти – зверь. Правда, выразился он не так прямо: мямлил о примате биологического над духовным. И вот – пример, откусил нос свояку. Так кем он был, этот Борис, в момент откушения, откусывания или как там?..

Я пришёл домой, сел за рабочий стол и спрятал рукопись начатого рассказа в ящик. Зачем писать?.. Зачем ломать голову, увечить сердце?.. Вот он, позади меня. стеллаж, где стоят все, кто жил за письменную историю цивилизации, от Библии и Гомера до последних отчаянно крикливых словописцев. Ну и что?. А стал ли человек лучше? Вот вопрос для любого пищущего.

Закрыл глаза и увидел Бориса. Не пасть, а аккуратно сложенные губы, чистые ровные зубы существа, привыкшего к варёной пище. Да, человек...

2

Сергей пришёл ко мне дней через десять, отдал долг и, помявшись, сказал:

– Слышь, Алексеич! Тебя Борис просит выйти во двор, поговорить хочет...

– О чём? Ещё кому-нибудь ухо откусил?

Да нет. Посоветоваться хочет. У него с Женькой разборка идёт... Вот и хочет посоветоваться...

Признаться, меня разбирало любопытство, чем закончится эта история с носом, и я не заставил себя упрашивать.

Во дворе было жарко, и мы отошли в тень кустов возле частных домов.

Борис чувствовал себя явно не в своей тарелке. Эти десять дней ему не прошли даром. Он осунулся, и в глазах появилась тоскливая обречённость помыкавшегося по судам и милициям человека.

Сергей сразу объяснил суть:

– Дело против Бориса можно прикрыть, но всё зависит от Женьки. А он ни в какую!.. Сидит на бюллетне. Отказное заявление ни пишет.

– А сёстры как?.. – спросил я. – Неужели не договорятся.

Борис вздохнул и поморщился:

– Моя уже несколько раз ходила. На колени перед этой сволочью становилась. А он одно: кто мне возвратит утраченную честь и здоровье?..

– Ну и сколько же он хочет?..

Понимаешь, Алексеич, – сказал Сергей. – Он, конечно, возьмёт, но ему повыламываться надо, поизмываться... Пойдём к этому обалдую. Он тебя знает, книжки твои читал, а?..

Я понимал, что моё присутствие на переговорах мало чем поможет Борису. Но во всей этой ситуации с носом начало прорезываться пусть не гоголевское, но довольно интересное продолжение. Оказывается, нос имел цену, и соблазн поучаствовать или хотя бы поприсутствовать при этом торге толкнул меня согласиться на этот визит.

Женька жил на первом этаже двухэтажного кирпичного дома. Проходя мимо открытого настежь окна, Борис заглянул за занавеску и с заискивающей ноткой в голосе спросил:

– Женя... Можно?..

В ответ послышалось нечленораздельное бурчание.

Дверь оказалась открытой. Мы вошли, разулись и предводительствуемые Сергеем двинулись по полутёмному коридору. Хозяин сидел спиной к нам в кресле, смотрел телевизор и не шелохнулся, когда мы поздоровались. В этот момент мне показалось, что вдруг он повернётся, а вместо носа у него на лице...

Но ничего страшного не случилось. Борис осторожно, на цыпочках, прошёл к столу и поставил бутылку водки. На этот звук Женька среагировал быстрым поворотом головы и увидел всю нашу делегацию:

– А! И писателя привели! Это хорошо, даже очень хорошо. Проходите, садитесь. А вас я не приглашал садиться...

Это – двинувшимся было к дивану Сергею и Борису.

– Я вас, может, сейчас выпру, а с Алексеичем мы посидим, как культурные люди...

Попривыкнув к полутьме комнаты, я обнаружил, что нос у Женьки живёхонек, пришит к тому самому месту, где ему и надлежит быть, только сшивок был чуть заметен, да сам кончик носа, отдавал неживой белизной, будто обмороженный.

– Я ведь с вами давно хотел познакомиться... – сказал Женька. – Я литературу люблю, особенно классиков...Толстого, Евтушенко, Окуджаву, Жванецкого... Поговорили бы, да тут вот какой сюрприз от родственничка вышел. Сижу в темноте, людям на глаза боюсь показаться...

– Конечно, это не рядовой случай, – дипломатично сказал я. – Но чего в жизни не бывает?..

Женька ничего не ответил, только посмотрел на меня каким-то особенным долгим взглядом, значения которого я, каюсь, тогда не понял.

– Вы ж свояки! – вклинился в разговор Сергей. – Договоритесь по-хорошему, по-родственному... Зачем сюда милицию путать. Что им – дел не хватает?.. Вон у соседа твоего курей своровали ночью. Слыхал?

Хозяин не обратил на эти слова внимания. Он поднялся с кресла, подошёл к зеркалу и стал изучать своё лицо.

– Если бы он мне палец откусил, я бы ему и слова не сказал. А то – нос! – он зажмурил глаз. – Вот без одного глаза и то лучше... Это же не нос уже. Нет у меня носа!.. Так, нашлёпка! ...Я его не чувствую!.. Как резинка. И запахов не чувствую. Понял, скотина, что ты наделал!

– Женя, брат! Извини, – почти плачущим голосом взмолился Борис. – Я ведь готов возместить лечение. Может, на курорт съездишь, к профессорам? Я возмещу.

– Никто ничего не возместит, – горько сказал Женька. – Стыд мне возместит?.. Вчера сунулся сходить в сарай, первый встречный сразу залепил: ну, как, мол, резиновый работает?.. Вот и сижу в потёмках, и буду сидеть. А, может, петельку сооружу да на шею накину. Вот тогда тебе, Борька, припаяют на всю катушку...

В голосе Женьки опять зазвенели слёзы. Я смотрел на мечущегося по комнате молодого тщедушного мужика и не понимал, ломает ли он ваньку или говорит на полном серьёзе, хотя тогда уже должен был догадаться, что он начинает сходить с круга.

– Во сейчас телевизор смотрю и удивляюсь, какие дурацкие носы у людей бывают. Раньше внимания не обращал, а сейчас мимо себя ни одного не пропущу. У баб вообще глупые носы. Единственный нос нормальный у Собчака. Ну, может, ещё у Козырёва. Я вот слепил нос Собчака из пластилина...

Откуда-то из-под стола Женька достал картонную коробку и вывалил на скатерть с десяток пластилиновых носов.

– Может, это, того, – кашлянул Серёга. – По стопарику...

– Это можно, – со зловещей ухмылкой сказал Женька. – А где это он?.. Вот из этого и будем пить. Из моего носа. Ну-ка, Борька, наливай за здравие свояка!..

– Может, не надо, Евгений, – попытался вмешаться я.

– Надо! Пей всю бутылку из моего носа, а я заявление буду писать. Ты, Серёга, наливай! Начали!

Водки в нос входило мало, граммов двадцать, и к половине бутылки Борис стал красным, как рак, но Женька не спешил, написал всего ползаявления, и несчастному свояку ничего не оставалось делать, как пить дальше.

Это было муторное зрелище, которое я с трудом вынес до конца. Но это были, как говорится, ягодки. Опьяневший Борис сидел на диване, Женька подошёл к нему и показал заявление.

– Ну, бутылкой не отделаешься! – сказал он, помахивая бумажкой. – Теперь так. Принесёшь видак – и мы квиты!

– Видак! – вскинулся Борис. – Это же сколько денег!..

– Три дня сроку!..

Домой мы возвращались в унылом молчании, вызывая недоумение у прохожих: один из троицы был пьян в стельку, а двое были трезвей воды.

3

Через несколько дней я уехал в отпуск и за месяц почти забыл о происшествии с носом. Но вскоре после возвращения домой я встретил Сергея, и он мне рассказал, что Борис купил свояку видеомагнитофон, дело закрыли, а с Женькой случилось ещё одно казусное приключение.

Надо сказать, что почти половина нашего околотка, по причине отсутствия в домах ванных комнат, ходит в баню. Это старое осклизлое от сырости снаружи и изнутри здание было одним из посещаемых мест. Вот и пошёл Женька, уже вполне освоившийся со своим положением, в эту самую баню. Купил билет, разделся, окатил себя для разгона перед парной первой шайкой воды, как вдруг почувствовал огорчительные неприятности в животе от съеденных перед баней помидоров и прочей зелени.

В бане было примитивное удобство, предусмотренное как раз для таких экстренных случаев, а короче, унитаз, на который Женька взобрался, как был, в голом виде. И тут случилось ужасное: унитаз развалился, Женька рухнул на острые обломки и поранил всю свою казённую часть. Вопль пострадавшего потряс баню. Голые и намыленные мужики взломали дверь, извлекли пострадавшего из туалета. Но хохот, сказал Сергей, стоял просто дикий. Из Женьки кровь ручьём, а голые мужики ржут. Но вызвали «скорую», увезли зашивать, что он там порезал – оторвал, а что именно, никто не знает.

– Ну, и как он сейчас? – спросил я Сергея.

Выписался. Пришили ему всё, что надо мужику... Да вон Борис идёт. Он-то лучше всё знает.

Подошёл Борис. Мы сели на скамейку возле подъезда.

Да, моему свояку опять не повезло. Выписали его. Он теперь страшно занятой. В рот ни капли не берёт после того случая с носом. А после унитаза в суд на баню подал. Требует инвалидности за счёт бани, чтобы они ему среднюю зарплату всю жизнь платили. Или на худой конец компенсацию в миллион рублей.

– Что, действительно, серьёзная травма?..

Борис пожал плечами.

– У него справок, рентгеновских снимков – гора! Уже за счёт бани к профессору в Самару ездил. К экстрасенсам ходит. Его Лариска отдельно от него на другой кровати спит. Вот и весь диагноз...

– Вот ведь как жизнь распоряжается, – задумчиво сказал Сергей. – Правильно говорят, знал бы где упасть, так соломки подстелить.

– А мне на улице знакомые проходу не дают. Баня что? У них денег нет, чтоб платить. Заведующая говорит, если присудят платить Женьке, то закроют баню или продадут...

– Где же народ будет мыться? Все заводские баней пользуются. Я вот любитель попариться. – Серёга недовольно покрутил головой. – Этого Женьке народ не простит.

– Да к нему уже делегации ходят. Отступись, мол. И банщицы приходили. А он упёрся – в суд, только в суде...

Вот такие, значит, события произошли, пока я прохлаждался в деревне. Если происшествие с носом имело характер индивидуальной разборки между свояками, то

падение Женьки в унитаз и последовавшие за этим события получили общественную окраску. Помывочная публика, а её была не одна тысяча в околотке, явно волновалась и с нетерпением ждала результатов процесса.

На суде я не был, но уже через день в околотке только об этом и говорили: Женьке присудили миллион за пожизненный ущерб, а баня закрылась на ремонт, причём в объявлении о закрытии было написано, что ремонт продлится не менее двух лет. Публика, ясное дело, взвыла, но против решения суда не попрёшь. В хозмаге исчезли из продажи детские ванночки и тазы, видимо, жители, готовясь к худшему, запасались подручными средствами для домашнего помыва.

Женьку, конечно, клеймили на всех углах, во всех магазинах, у всех пивных ларьков, а он нигде не показывался. Сидел дома, смотрел видик или спал, или книжки читал, словом, на улицу не выходил...

И можете представить моё удивление, когда однажды поздно вечером Женька заявился ко мне домой.

– Извините, что зашёл, но я хочу поговорить с вами...

Мы прошли в мою комнату. Он осмотрелся, подошёл к книжным полкам.

– Много тут у вас всего. Философия, история. Да... Стало быть, много чего знаете.

Я молчал, поглядывая на его тщедушную птичью фигуру. События, трепавшие его полгода, казалось, никак на нём не отразились.

– Я, собственно, по одному вопросу к вам, – Женька присел в кресло. – Вы, писатели, народ бойкий. Так вот, прошу, не пишите обо мне.

– Это о ком не писать? – поразился я. – О тебе?

– Ну да, обо мне... Обо всём этом, что тут со мной случилось. Я не боюсь, что вы напишите, но, знаете, стыдно будет читать какую-нибудь ерунду. У вас ведь уже определённо какой-нибудь фельетон насчёт меня наклёвывается или занозистый рассказ.

– И не думал даже об этом, – улыбнулся я. – Честно, не думал...

– Да Бог с ним, не думали. Однако я посерьёзнее, чем фельетон буду! Вы конца дождитесь, конца! Потом уж и пишите на здоровье...

– Какого конца?

– Обыкновенного... Думаете, всё это просто так со мной случается? Нет! Вот ещё чуть-чуть, и ещё что-нибудь случится. А вы напишите, а конца-то не будет!..

– Да ничего с тобой больше не случится, – горячо возразил я. – Всё образуется, уляжется.

– Нет, нет! Будет что-то ещё. Но вы не пишите, пока последнее не случится...

– Слушай, Евгений! – разозлился я. – Да на кой чёрт ты мне нужен. Я вообще о тебе не собирался и не собираюсь писать!.. Давай лучше чаю выпьем...

– А я не говорю, чтобы вообще не писать... Я даже хочу, чтобы вы написали, но после, понимаете, после. А чаю я не хочу...

– Вот ещё один кандидат в Наполеоны, – подумал я. – Одурел от миллиона.

А через неделю прозвучал выстрел. Последний, предупредительный, как я понял впоследствии.

Женька по знакомству пошёл покупать ружьё к соседу. Вертел его и так, и этак, спорил о цене, рядился. И вдруг то ли от сотрясения, то ли от случайного нажатия курка ружьё выстрелило, да так метко, что зарядом дроби отшибло у Женьки большой палец на правой ноге. Опять больница, опять милиция, опять суд, где пострадавший требовал несуразно большую сумму за причинённый ущерб. Опять загомонил наш родной околоток, обсуждая со смаком, выгорит ли у Женьки дело.

Горело, горело, да не выгорело. Суд отказал в иске. И месяца два я о Женьке ничего не слышал.

Уже и январь прошёл, и февраль почти отбуранил, когда Женька опять заявил о себе. Уже в последний раз. Нашли его в сарае висящим на бельевой верёвке. Оплакивали беднягу немногие, мать да сестра, приехавшие из деревни.

С той поры год прошёл, а я никак не могу понять, чему я был свидетелем и даже невольным соучастником. И что это такое? Серая проза унылого бытия? Издевательское баловство судьбы над человеком? Кто знает? Но и отмахнуться от того, что случилось, тоже нельзя – ведь был человек...

Светлана КОМРАКОВА

Светлана Семёновна Комракова – родилась в Ленинграде в семье военнослужащего. Детство прошло на Севере, в Мурманской области. Окончила МВТУ им. Баумана. Замужем, имеет сына и дочь. Кандидат педагогических наук, доцент, преподаёт информатику в московском вузе. Первую книгу стихов выпустила в 2001 г. На сегодня является автором трёх стихотворных сборников. На её стихи написаны песни и романсы, выпущено три диска. Член Союза писателей России, лауреат конкурса им. М.И. Цветаевой.

Живёт в Москве.

Отдохну, отосплюсь, отогреюсь…

***

Открыт балкон, чтоб было попрохладнее,
И тишина, лишь слышно пенье птиц.
Но вот сегодня в утро очень раннее
Я услыхала зов из небылиц.

Призывно, чуть печальною тональностью
С рассветом муэдзин заголосил,
Всех мусульман любых национальностей
Он Богу помолиться пригласил.

А Турция ответила молчанием.
Кто совершил положенный намаз?
Но муэдзин всё продолжал с отчаяньем,
Что пробудится кто-нибудь из нас.

И замерев в постели пятизвёздочной,
С почтением к религии чужой,
Я Господу единому, всеобщему,
Молилась православною душой.

***

Да, это волшебство – гончарный круг.
Вот закружился – и комочек глины
Под натиском проворных ловких рук
Стал изменяться, вроде бы, незримо.

Слегка присел, и даже шире стал,
Потом подрос, и форму изменяя,
К себе все взоры просто приковал,
Кружась пред нами, от воды сверкая.

Какая стать и грация, и шарм,
В предмете том, что раньше было глиной,
Пройдя все формы: конус, эллипс, шар,
Предстал пред нами сказочным кувшином.

Так лепят душу каждого из нас
Старательные жизненные руки.
Комочки глины, мы летим, кружась,
На шарике земном – гончарном круге.

***

Морозец лёгкий, неба синева,
И воздух чист в лучах сплошного солнца,
И на ветвях зелёная листва,
Прихваченная утренним морозцем.
И листопад, стремителен и скор,
Стал раздевать деревья без стесненья,
Мороз подкрался как полночный вор,
Оставив на листве своё тисненье.

Был лист живой, а нынче как стальной,
Слегка звеня, на землю опадает,
И под ногой осколками хрустя,
Со снегом вместе под лучами тает.

***

Какая радость – солнце в ноябре!
Когда темно и вечером, и утром.
Когда б деревья были в серебре,
И темнота бы веяла уютом.

Но снега нет, а с неба серый дождь
Нас сыростью обвил, как паутиной.
И снега в ноябре, как сказки ждёшь,
Что закружит над сумрачной рутиной.

А нынче солнце засияло вдруг,
И осветив столицу ярким светом,
Преобразило сразу всё вокруг,
И в ноябре пахнуло нежным летом.

И без листвы берёзки хороши,
И облака пышны и розоваты,
И воздух чист, пожалуйста, дыши,
И унывать нам, братцы, рановато!

***

Отдохну, отосплюсь, отогреюсь,
В Петербурге душой отойду.
От Москвы никуда я не денусь,
А пока по проспектам пройду.

Погляжу на мосты и фонтаны,
Полюбуюсь надменной Невой.
Только как ленинградцы не стану
Проводить я сравненья с Москвой.

И на Невский в волнении глядя,
Я не выдам семейный секрет:
Родилась я, друзья, в Ленинграде,
А живу я в Москве много лет.
Две столицы как сёстры родные,
Не соперницы и не враги.
И года их, и судьбы иные,
Где сухарики, где пироги.

Только для хлебосольной России
Важны все: Петербург ли, Москва,
Лишь от горя бы не голосили,
Вот и будет Россия жива.

***

День Надежды Веры и Любви
И святой их матери Софии –
Православный праздник в наши дни,
Словно возрождение России.

Красота осенняя вокруг,
Жёлтый лист, багряный и зелёный,
Упадёт на них вдруг солнца луч –
Словно зайчик вспыхнет удивлённый.

И сверкают в небе купола
Позолотой яркой свежей кровли,
И легко идти по жизни нам
С Верою, Надеждой и Любовью.

***

Как тот силён, кто нежности не просит,
Внимания не требует к себе.
Нервозности излишней не приносит,
И не проводит день за днём в борьбе.

Как тот силён, кто может равнодушьем
На неземные ласки отвечать,
И в ком обида не кипит удушьем,
И не мешает спорить иль молчать.

Да, тот силён, в котором нет желанья,
До одури кипящего в крови,
В котором нет томленья, пониманья,
В котором, в самом деле, нет любви.

ПРОЗА

Сергей ТРАХИМЁНОК

Сергей Александрович Трахимёнок – родился 7 февраля 1950 г. в городе Карасук, Новосибирской области. Окончил факультет правоведения Свердловского юридического института. Доктор юридических наук, профессор. С 2007 г. – директор НИИ теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Член союзов писателей России и Беларуси. Секретарь Правления Союза писателей Беларуси. Автор книг: «Игры капризной дамы» (1995), «Детектив на исходе века» (1996), «Эхо забытой войны» (2004) и др. Живёт в Минске.

Дело лейтенанта Приблагина

Я ехал в поезде. Был конец сентября. Стояла на удивление сухая погода, и обычные в это время дожди и ветер ещё не сорвали листву с деревьев. За окном проносились берёзы, сплошь покрытые мелким золотом. Большелистые тополя пожелтели наполовину, и там, где они росли, посадки напоминали строй солдат в жёлто-зелёных маскхалатах, именующихся у военных камуфляжами.

В купе я был один, и это меня устраивало: командировка закончилась неудачно и настроение не располагало к общению с кем-либо.

Сев в поезд, я представил себе завтрашний разговор с шефом. Он непременно меня отчитает, вспомнит молодость, когда он «вот так же работал военным следователем, так же мотался по командировкам, но всё успевал делать и ни один подследственный от него не скрылся»,– затем подведёт итог: скажет, что только так в жизни можно чего-нибудь добиться. Как ещё может закончить разговор прокурор военного гарнизона, который давно должен был быть «на заслуженном» и живёт не столько настоящим, сколько прошлым.

Мысленно поспорив с шефом, я решил отвлечься от неприятных ощущений, достал из портфеля том Бунина, открыл наугад и вскоре забыл и о своих неудачах, и о шефе.

На следующей станции менялся локомотив, и наш скорый остановился на целых пятнадцать минут. Отстояв положенное, он мягко тронулся, и я обрадовался, что судьба не подарила мне попутчика или попутчицу, впрочем, против попутчицы я бы не возражал...

И только я так подумал, как зеркальная дверь отодвинулась, и в купе протиснулся человек с двумя огромными чемоданами, какие в шутку зовутся «мечтой оккупанта».

На вид ему было за шестьдесят. Он был мокр от пота, лыс, толст, но ещё крепок и энергичен, так как свои чемоданы разместил очень лихо: один забросил наверх, и тот занял всё пространство ниши; второй – сунул под лавку. Расправившись с багажом, он опустился на сиденье, жалобно под ним застонавшее, вытер носовым платком лысину и протянул руку:

– Керзин... Виталий Давидович...

– Малых,– ответил я, пожимая мокрую ладонь и мысленно прощаясь с Буниным: энергия этого человека, разумеется, не даст мне возможности читать.

– В аэропорт еду,– продолжил Керзин,– а оттуда самолётом домой, на Урал…

Тут я почувствовал, что от него пахнет водкой, а глаза блестят так, как в его возрасте блестеть не должны. Этим и объяснялась его излишняя общительность.

– Какая осень стоит, а? – сказал он. – Каждый день для уборки нужно использовать, а они не чешутся… Такая осень раз в полвека бывает. Я это знаю, сам из этих мест… На Урал я уже после войны попал, работал там, на инженера выучился… Щас на пенсии, в гости к шуряку приезжал.

Я слушал его без интереса: он оторвал меня от книги, и мне в отместку хотелось чем-нибудь его уесть, спросить, к примеру, чем он набил свои чемоданы. Обычно тряпки и продукты везут к нам, а не наоборот.

– Клюква,– сказал он, будто услышав мои мысли,– на севере в этом году урожай… вот шуряк и ссудил мне… не бесплатно, конечно, но по-божески… А ты чё такой кислый, а? Не заболел? А то я тебя вмиг вылечу…

Он стал тереть кончиком указательного пальца лоб, припоминая, где у него находится лекарство. Закончив раздумья, поднял сиденье, вытащил чемодан-мечту и открыл крышку. Клюква была в чистом холщовом мешке, поверх которого лежали полиэтиленовый пакет, эмалированная кружка и начатая бутылка водки, горлышко которой было заткнуто пластмассовой пробкой. Возвратив чемодан на место, Керзин поставил бутылку и кружку на стол и принялся доставать из пакета продукты. Разложив на салфетке на столике кусок солёного сала, две луковицы, пузатый перезрелый огурец-семенник, полбуханки серого хлеба и соль в спичечном коробке, Виталий Давыдович извлёк из кармана нож, зацепив ногтем большого пальца вырез на лезвии, открыл его и не спеша стал резать сало, огурец, хлеб. Приготовив закуску, зубами выдернул пробку из бутылки и щедро плеснул в кружку.

– Давай,– сказал он,– это от всех болезней.

– Не могу,– ответил я и, чтобы как-то объяснить отказ, пояснил: – В форме не пью…

– Да ну? – удивился Керзин. – Что стало с армией, хотя какая ты армия – юстиция, белая кость… Ну, ты не очень зазнавайся, я тоже офицер, ещё с сорок третьего. Нас младшими из училища выпускали, а уж лейтенантами и старшими мы потом становились, если доживали до следующей звёздочки…

Керзин вылил предназначенную мне себе в рот, но к еде не притронулся: подождал пока проймёт водка, и только тогда начал её. Закусив, спросил:

– Родом откуда?

– Здешний,– ответил я. – Из Красновки.

– Из Красновки? Приблагиных знаешь?

Фамилия показалась мне знакомой, но я объяснил это ассоциацией с корнетом Елагиным, о злоключениях которого только что читал, и ответил:

– Нет.

– А он, как мне помнится, из ваших мест… Лёшка Приблагин. А? – Керзин помолчал, промокнул платком снова взмокший лоб и сказал: – С Лёшкой Приблагиным мы, коллега, призывались вместе…

Обращение «коллега» заставило меня улыбнуться, и это обидело собеседника.

– Ты не улыбайся, не улыбайся… Я на фронте дознавателем был, а на гражданке народным заседателем всю жизнь… Я такое видел, что тебе и не снилось, ну да ладно…

Мне стало неловко, и, чтобы как-то загладить свою вину, я спросил:

– Так что же с Приблагиным?

– С Приблагиным что?.. А ничего… Попали мы с ним после училища в одну гаубичную бригаду ваньками-взводными. В разные батареи, правда, но дивизион один… Служим, как все, как Пушкин писал: на службу не напрашиваемся, от службы не отказываемся… до одного времени…

Керзин налил себе ещё полкружки, выпил, заткнул горлышко пробкой, нанизал на лезвие ножа несколько пластиков сала, пожевал, убрал снедь в пакет, а бутылку под стол, сказав при этом:

– Керзин меру знает, знает, не думай… И опять мне стало стыдно, потому что я и подумал, и я снова напомнил ему о Приблагине.

– Приблагин, Приблагин, – сказал он, – Прогнулся твой Приблагин. Знаешь, что значит прогнуться?

– Да.

– Да-а, – передразнил он меня пьяно, – был парень не дурак, с головой… Богатырь-красавец, а не дурак, потому что с иного хоть картину пиши, а в голове – пусто: природа всё на красоту израсходовала… Ты когда-нибудь гаубицу видел? И-эх, юстиция, гаубица – орудие тяжёлое, в походном состоянии ее «ХТЗ» таскал… Скорость – пять километров в час, ствол и лафет транспортировались отдельно… Чтобы все это хозяйство привести в боевое состояние, весь расчёт по нормативу не один час упираться должен: сперва площадку выровнять, а это лопатами, потом её утрамбовать, потом на тросах ствол к лафету медленно подводить… Мороки много, а производительность почти нулевая… Это я тебе как инженер говорю… И вот Лёшка задумался и начал разные варианты пробовать. Ему говорили: «Брось… не ты первый, не ты последний, всё равно скорей не получится, как ни крути; тот же хрен получается, только вид сбоку». А Лёшка свою линию гнёт… Покурим?

– Не курю.

Он же понял это совсем иначе, стал говорить, что от дыма еще никто не умирал, потом полез открывать окно. Окно не открывалось.

– На зиму замуровали, – сказал, – ну ничего, не задохнёшься…

– Дак вот,– продолжил Керзин после нескольких затяжек, – придумал Лешка такую штуку. Вместо ровной площадки выбирает бугорок или уклончик небольшой, выставляет лафет, а ствол аккуратненько на тросах в люльку опускает, есть такое место на лафете. И всё это занимает у него чуть больше получаса. Вот так. Доложили об этом комбригу. Он у нас здоровяк был вроде Приблагина. Услышал Скворцовский о Лёшкином новшестве, взъярился: «Кто позволил, – кричал, – нарушение инструкции… авантюристы… Был у меня такой умник в сорок втором, скорость движения решил увеличить и во время ночного марша гусеницу на лафете потерял… Не позволю боевую технику гробить и в своей бригаде вредительства не допущу…» И конец бы пришёл Лёшкиной «рацухе», если бы об этом не узнало корпусное начальство. Приехало, посмотрело, сказало: «Молодец, взводный», – а комбригу: «Опыт распространить»… Вот тогда наши пути с ним и разошлись: зазнался Лёшка – батарею получил, лейтенантом стал, друзей поругивал, да и с остальным начальством стал вольно держаться, а так, сам понимаешь, нельзя…

– А дальше?

– Дальше – больше. Подругу завёл, Соню-фельдшерицу. Девка была – прелесть: хохлушечка, брови сросшиеся, широкие, глаза большие, чёрные, и взгляд какой-то колдовской. Многие вокруг неё увивались… Сам комбриг ей знаки внимания оказывал. Но появился Приблагин, и засохла Соня. А парой они были хорошей – это все признавали… Ну, конечно, разговоры вокруг них, какая у них жизнь будет после войны…

Керзин замолк.

– Может, выпьешь? – спросил.

– Нет,– ответил я,– а что было потом?

– Потом… Потом плохо было… Пришла к нам как-то старушка и принесла две головые шашки. Если бы ты был настоящим военным, то знал бы, что они по форме и цвету напоминают куски хозяйственного мыла… Так вот, старушка говорит, что один наш офицер на это «мыло» выменял у неё дамские часики. Комбриг рассвирепел, дознание назначил, и часики нашлись… у Лёшки в землянке… Короче, материалы уже через день в трибунал направили. Тогда такие дела скоро делались, и попал Лешка в штрафную. Месяц-другой проходит, другая беда приключилась. Комбриг в «стударе» ночевал, в фургоне. Ночью его в корпус вызвали. Он – в «эмку» и поехал, а тут артобстрел и прямое попадание… От «стударя» одна кабина осталась. Комбригу повезло, а Соня, которая в фургоне была, погибла… Хоронили с почестями, кто жалел её, кто плевался, правда, тихо плевался…

– А что стало с Приблагиным? – спросил я.

Но Керзин не торопился с ответом. Достал сигарету, закурил, повесил над столиком несколько седых колец.

– А ещё через месяц началось наступление, и мы оказались на одном направлении с Лёшкиным штрафбатом. Мы, ясное дело, во втором эшелоне, – с нашими гаубицами на передке делать нечего, не сорокапятки… На второй день наступления идёт через наши позиции лейтенант – грязный, оборванный, правая рука на перевязи… Лёшка это был, он, значит, вину свою кровью искупил и в тыл к медикам своим ходом эвакуировался. Ребята к нему, закурить дали. И тут, на беду, возле соседнего расчёта комбриг со свитой замаячил. Лёшка схватил чей-то автомат и стал целиться, да, видно, с одной рукой у него это не очень разворотливо получилось – помедлил он, ребята автомат выбили, его за лафет затащили, собой прикрыли, пока начальство с глаз не скрылось… А потом дали махры на дорогу, самогоночки хлебнуть и за позиции проводили от греха подальше… С тех пор я его и не видел… Говорили, что до конца войны дослужил, на Востоке воевал, а после войны вроде умер…

– А где часики в землянке лежали? – спросил я.

– Прямо под нарами,– ответил Керзин.– А тебе зачем это, да и какая разница, где… Тут хоть круть-верть, хоть верть-круть, кругом Приблагин виноват, часики небось для своей крали выменял…

Помолчали. Мне очень хотелось спросить Керзина, кто проводил дознание, но я не спросил, а только поинтересовался:

– А откуда известно, что Приблагин умер?

– Да, собственно, ниоткуда, слышал краем уха.

– Ну вот, а говорите: «Умер»… Не умер он. Мне поначалу фамилия незнакомой показалась, но потом я вдруг вспомнил, где её встречал. Комбриг у вас не Скворцовский был?

Керзин выпучил глаза и ответил:

– Скворцовский…

– Ну, тогда всё ясно… Это комбриг умер в пятьдесят шестом, точнее, не умер, а погиб…

– Как погиб?

– Как? Как обычно погибают.

– А ты откуда знаешь? Сам небось с пятьдесят шестого.

– Дело архивное я читал – по факту гибели некоего Скворцовского, бывшего военного, в отставке. Он с друзьями на охоте был, и кто-то выстрелил в темноте ему в голову.

– А при чем здесь Приблагин? – спросил Керзин и, вытирая лысину в очередной раз, хитро на меня посмотрел.

– Да поначалу вроде ни при чём: дело прекратили – ночь, народу полно, а дробь, сами понимаете, плохо идентифицируется… Экспертиза ничего не дала, да и какая тогда экспертиза была, сами знаете, раз на фронте дознавателем были… Но через год получили данные, что незадолго до той злополучной охоты какой-то человек разыскивал Скворцовского, справки наводил: где живёт, чем занимается, по каким дням в баню ходит, а по каким – на охоту.

– А чё это Скворцовский к охоте пристрастился? – ехидно спросил Керзин. – Раньше он охоту терпеть не мог.

– Пристрастился, пристрастился, – успокоил его я, – вышел на пенсию и пристрастился, это было видно из дела.

– Удивительно, – будто не слыша меня, а может, и в самом деле не слыша, пробормотал Керзин, – а говорили, что он живёт и здравствует, с пионерами встречается.

– Нет, – уверенно сказал я, – это, наверное, другой, тот – мертвей мёртвого.

– Вот как… – протянул Керзин. – А Лёшку, выходит, расстреляли?

– Лёшку? Нет, не расстреляли… Разыскал его следователь, свидетелей нашёл, те Приблагина опознали.

– И его посадили? – с какой-то надеждой спросил Керзин.

– Нет, в убийстве он не признался, а косвенных доказательств для обвинения не хватило.

– Как не хватило?

– А так, как обычно не хватает.

– Обычно всего хватает, – безапелляционно заявил Керзин. – И что же, ему ничего не было?

– Разумеется. Нельзя же наказывать человека, если его вина не доказана.

– Ну порядочки,– произнёс Керзин каким-то фальцетом, – человека застрелил, и ему ничего – где же справедливость?

– Справедливость? А нет в жизни справедливости,– сказал я тоном учителя.– Хотя как посмотреть, может, убийство Скворцовского и есть справедливость? Компенсация несправедливости.

– Всё равно неправильно,– замотал головой мой собеседник.– Так не должно быть. Это каждый так начнёт компенсировать, что будет? Да и не бывает так… Я в заседателях двадцать лет и знаю, что и как бывает… Да и врёшь ты всё, кто бы тебе дело стал показывать, с какой стати, оно секретное небось…

– Его не только мне показывали, его не одна сотня студентов смотрела. Тогда оно уже чем-то вроде учебного пособия было. Учатся не только на раскрытых делах, но и наоборот. Мне только непонятно ваше волнение. Я думал, вы обрадуетесь за земляка, ан – нет…

– Какая уж тут радость, – ответил он.– Человека убил – зверь…

Он потерял интерес к разговору, несколько раз выходил курить в тамбур, возвращался, сопя, укладывал остатки продуктов в чемодан, время от времени повторяя: «Порядочки…». А я так и не вернулся к чтению: земной Приблагин вытеснил книжного Елагина…

Незаметно приехали. Когда поезд остановился, Керзина ни в купе, ни в коридоре не было видно…

Сгущались сумерки, но фонари ещё не горели. Прохлада осеннего вечера быстро остудила меня, и я, остыв, устыдился того, что придумал конец истории с Приблагиным…

Я шёл к остановке автобуса и видел перед собой пожелтевшую довоенную фотографию шестого класса Красновской семилетки. На ней с напряжёнными лицами стояли, сидели и лежали, приподнявшись на локтях, одноклассники моего отца. Согласно списку на обороте, третьим во втором ряду был большеглазый и ушастый мальчишка – Лёшка Приблагин, будущий богатырь-красавец. Он прошёл две войны, вернулся на родину, где спился и замёрз в одну из холодных ночей сорок шестого, не дойдя до избушки своей матери нескольких шагов.

Марина НОВИКОВА

Марина Владимировна Новикова – родилась 24 июня 1984 г. в Москве. Окончила Государственный университет управления по специальностям «национальная экономика» в 2006 г., «юриспруденция» – в 2012 г. Автор книг «Волны ржи» (2007), «Малиновый звон» (2012). С 2009 г. – член Союза писателей-переводчиков, член Московской городской организации Союза писателей России. Печаталась в альманахе «Протуберанцы», журнале «Российский колокол», газетах «Сокол» и «Московский литератор». Лауреат литературного конкурса «Лучшая книга 2008–2011 гг.», имеет литературные награды.

Живёт в Москве.

Льётся память рекой полноводной…

Калина

За полями долины,
За лугами луга,
И лишь гроздья калины
Заалели слегка.

Ты шуми над калиткой,
Ты звени над рекой,
Над её рябью зыбкой,
Под дождя пеленой.

Ты алей за лугами,
И шепчи ты луне,
Как своими шагами
Август клонит к земле

Колос, солнцем залитый,
Яблок гроздья вокруг
И росою умытый
И нескошенный луг.

Пусть алеет калина,
Затмевая закат,
Ну а жизни кручины
Искрой ввысь улетят.

***

Вспоминаю великую даль –
Льётся память рекой полноводной,
Паутина времён, словно шаль,
Снова ветер, лихой и свободный.

И умолкли леса, впереди
Снова тропка петляет по полю,
И повсюду, куда ни гляди,
Расплескалось ромашек раздолье.

И утих позабытый наш дом,
Словно книги другая страница,
И другим стало вдруг всё кругом,
Да иные в округе все лица.

И утихли с зарёю чертоги,
И умолк яблонь сад за окном,
Только память, минуя пороги,
По ступенькам бежит в тихий дом.

Вот скатёрка с шитьём и крестами,
Вот картины, что дед написал,
Печь-буржуйка, и где-то над нами
Вечерами закат догорал.

И звенели просторы за лесом,
Но вдогонку ушедшим годам
Не смотрю, и в просторе небесном
За мной ангел идёт по пятам…

Бабушке

Помню тихую музыку слов,
Тех, что ты мне всегда говорила,
Опускался вечерний покров,
И луна все поля осветила.

Помню, как накрывала гроза
Тишь можайских лугов и просторов,
По стеклу дождевая слеза,
Эхо дальних раскатистых громов.

Помню, как осветила во мгле
Мне дорогу луна и едва ли,
Чтоб по всей среднерусской земле
Так поля перезвоном шептали.

Мне звенели луга, помню я,
Как летели они мне навстречу,
Улыбалась святая земля,
Убегали дороги все в вечность.

Возвращаюсь, за мною закат,
Он ложится почти мне на плечи,
Луг вечерним покровом объят,
Небо вновь зажигает все свечи.

И рассказ твой вновь слушаю я,
И ты скажешь, что Пётр и Павел
Час забрал, и что скоро Илья
Унесёт, что апостол оставил.

***

Двускатные крыши, звенели капели
Весна обратила в поля
Свой взор и под солнцем апреля
Развеялся сумрак метели
И в солнца лучах заалели
Цветы, что дарила земля.

Во все рубежи ветры вновь разбежались,
Несут они лето с собой,
И солнце в реке отражалось,
В зелёный поля наряжались,
И нехотя в ночь собиралась
Зима уходить на покой.

И нивы бескрайние вновь размахнулись,
И в дивном наряде луга
Июню опять улыбнулись,
И будто круги разомкнулись –
И к жизни просторы вернулись
Чуть только исчезли снега.

Малиновый звон

Разливался малиновый звон,
Золотился малиновый день,
И закат был весной опьянён,
От берёз шла далёкая тень.

Дивный край мой! Далёкие дали!
Снова вижу я вас в своих снах,
Где-то птицы высоко взлетали,
Где-то ветер терялся в лесах.

Гром звенел – будто посохом Божьим
Ударял он небесный простор,
И раскаты аккордом тревожным
Начинали с ним свой разговор.

Май мой дивный! Июнь благодатный!
Вспоминаю я юность твою,
И тогда полосой необъятной
Представляла свою колею.

Мне казалось, что дивные дали
Всё историю пишут свою,
Встретят радость, проводят печали,
Поменяют закат на зарю.

И хочу я, пусть мне улыбнётся
В дивном золоте дальняя даль,
Песней в сердце она отзовётся,
И уйдёт из души вся печаль.

Звон малиновый! Праздничным светом
Наполняешь ты души людей,
Кто живёт по библейским заветам –
Эти судьбы вновь станут светлей.

Если я вдруг однажды полями
Вновь пройду – пусть и даже как сон, –
И услышу под небесами,
Как играют ветра тополями, –
То – я верю – искрится над нами
Колокольный малиновый звон.

Тамара КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО

Без вести пропавший

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налёте.
Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, –
Точно в пропасть с обрыва –
И – ни дна, ни покрышки.
И во всём этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастёрки моей.
Я – где корни слепые
Ищут корма во тьме,
Я – где облачком пыли
Ходит рожь на холме…

А.Т. Твардовский

У боли за Отчизну нет конца,
Она и жизнь моя, и приговор.
Её я получила от отца.
И мой с ним не закончен разговор.
Земля напьётся талою водой,
Трава дождями жажду утолит.
Зерном нальётся колос золотой.
И лишь моя душа
не отболит…

Тамара Краснова-Гусаченко

Тамара Краснова-Гусаченко (Тамара Ивановна Гусаченко) – родилась 1 апреля 1948 г. в д. Щепятино, Брянской области, Брасовского района в учительской семье. Русская. Окончила филологический факультет Брянского государственного педагогического института и факультет логопедии и дефектологии Минского государственного педагогического института. Поэт, прозаик, публицист. Автор пятнадцати книг стихотворений, прозы и произведений для детей. Имеет государственную награду Беларуси – медаль имени Франциска Скорины. Член Правления Союза писателей Союзного государства и Президиума Союза писателей Беларуси. Председатель Витебского областного отделения Союза писателей Беларуси.

Живёт в Витебске.

Александрия – место особое. Я всегда понимала, что таким оно и должно быть, удивительным, пронизанным светлой, мощной энергетикой, место, где рос, учился и мужал первый Президент Беларуси. А то, что личность Александра Григорьевича неординарна, это уже бесспорно и для его сторонников и последователей, и для оппонентов.

Моё отношение постоянно возрастающего уважения к удивительно преданному своему народу, необычайно мужественному государственному деятелю сформировано на протяжении наблюдения за его работой на протяжении всех лет, в которые он возглавляет государство белорусское.

Жаль, что нынче стало не модно, да в какой-то мере и небезопасно вставать во весь рост, открыто отстаивая государственные позиции, человеческое достоинство, талант, перед обвалом клеветы и инсинуаций кликуш

из «пятой колонны», которых немало развелось и в Беларуси. В этом я не раз убедилась.

Село Александрия, Беларусь.

Стоит только открыто выступить против титулованных званиями, причём людей с весьма известными фамилиями, прикрывающими свою внутреннюю враждебность и собственнические интересы фальшивыми улыбками, декларативными лозунгами, корочками дутых заслуг, стоит только слово сказать «против шерсти» этим «господам», как правило, имеющим большое влияние во всевозможных советах, комитетах, годами решающим судьбы людей, как в ответ развёртывается война, не имеющая не только элементарной этики, но вообще не знающая никаких границ. Используются самые грубые формы: от шантажа до прямых оскорблений.

Причём, «бойцы» этих грязных кампаний, в которых слились воедино и откровенно не скрывающие свои позиции, и всегда готовые поменять шапки, вывернув их наизнанку, выступают дружно, особенно в Интернете, анонимно – против говорящих с ними открыто.

Характерно, что главной причиной агрессии для них является объединение «мы» против «они», «наших» против «чужих» по принципу, чаще надуманной этнической принадлежности, ни в историческом, ни в геополитическом, ни в культурном аспекте до конца корректно так и не обоснованной. Всё это группировки по исключительным интересам влияния и распределения благ любыми доступными средствами. Они у них для достижения цели все хороши.

Скажу откровенно: каких только «приветствий» не получала в сети и я в свой адрес за эти годы: *«…расейская имперская шовинистка»*, и *«…хто яна такая???»*, *«чемадан – вакзал – …»*, *«убирайся, москалька, в Москву…»*, *«хто гэта паэтка из Витебска»* и другие «братские» слова.

Как будто поэт должен быть обязательно из Минска? Будто, действительно, какое-то значение имеет – где живёт автор: в деревне, или в городе: в Рязани, или Михайловском, Минске, или Ясной Поляне, Орше, или Вязынке, Смоленске, или Ушачах...

Что характерно: все вышеперечисленные изречения принадлежат, как правило, всегда известным людям, большая часть которых, как выясняется при более глубоком изучении, к добрейшим и светлейшим на свете простым белорусским людям не имеет никакого отношения.

Слава Богу, у меня хороший иммунитет: прежде всего потому, что передо мной всегда есть пример мужества и стойкости: ведь та толика оскорблений, «высыпанных», в частности, в мой адрес, такой мизер по сравнению с тем, что незаслуженно выплёскивается разнузданным электронным разносчиком зла в адрес нашего Президента. Человека, который всю свою жизнь, всю силу, всю душу отдаёт служению своей стране, своему народу. Президента молодого независимого государства, давшего истинную свободу и равные права всем без исключения мирным и добропорядочным гражданам Беларуси. И особенно ценно священное право – на законных основаниях говорить на том языке, на котором мы думаем. Одно только это нам всем: и, в процентном отношении нынче реально являющихся большинством – говорящим на русском, так и, любящим и сохраняющим, развивающим свой язык, на белорусском трудно переоценить.

Распространённая ошибка – ставить в зависимость вопрос о языке с вопросом о независимости страны – сегодня уже признаётся большинством. Достаточно взглянуть на независимую Ирландию, например, в которой по-ирландски говорят ещё меньше народа, чем в Беларуси на белорусском, а говорящие на фламандском фламандцы

прекрасно и независимо живут в государстве, которое называется – Бельгия. А есть ещё и суверенное и независимое государство Австрия, австрийцы есть, а языка австрийского – нет.

Совершать оскорбительные выпады в адрес пишущих на русском языке, стало нормой. Это делается сегодня даже на уровне Комитета по Государственным премиям Республики Беларусь, когда номинируемый поэт, написавший на русском языке широко востребованную книгу поэзии или прозы с православной духовной тематикой даже не рассматривается.

Зато Министерством культуры РБ выдвигается и лоббируется литератор, с полным игнорированием единогласного Решения Президиума Союза писателей Беларуси, пишущий на белорусском, причём даже не художественную литературу, а серию книг, в библиотечной системе квалифицированную по 60 индексу – исторической литературы, представляющей собой обычный учебный материал для школьников, но главным уклоном его тем является преклонение перед Западными ценностями, культурой и историей шляхты времён ВКЛ и т.д.

Есть такой художественный фильм «Воспитание жесткости у женщин и собак» – с известным сюжетом, в точности соответствующим своему названию. Фильм о том, как нанесённая другому обида, причинённое зло в умноженном виде возвращается к обидчику. Рано или поздно. И тогда, что ж обижаться. Посеял ветер, пожни бурю, так в народе говорят...

Таким образом, далеко небезопасно демонстрировать по отношению к своим современникам, ничем необоснованное превосходство, постоянно подчёркивая, и, что гораздо хуже, делами подкрепляя, что они – «не такие», «они чужие», потому – «маргиналы», и другого места им нет ни в этом времени, ни в этом обществе. Тогда неизбежен протест. Это закономерно. И он, протест, выльется рано или поздно в естественное стояние за свою честь и достоинство.

Народные восстания сопротивления всех веков и народов, в том числе и в Беларуси (борьба противоположных менталитетов: белорусского крестьянского мужика и полонизированного шляхетства, в т.ч.) самое выразительное тому подтверждение.

Нынче стало особенно модно увлечение восхищением истории с некоторым явно выраженным креном в сторону дорогостоящих проектов восстановления тех или иных памятников архитектуры. Время ли? Буквально «швыряются» огромные государственные средства на удовлетворение скорее чьих-то конкретных амбиций, чем на поистине нужное нынче белорусскому народу дело.

А ведь воспеваемое нынче золотое прошлое ВКЛ, отнюдь не повсеместно было «золотым» для крестьянина – белоруса. Об этом замечательно сказала внучка Василя Витки Юлия Чернявская в одной из своих монографий: «Пять парадоксов национального самосознания белорусов», в которой она убедительно подводит к очень важной и жизненно верной мысли: истинные патриоты своей страны, представители интеллигенции Беларуси, давно уже пришли к пониманию выхода к миру и спокойствию в белорусском обществе, так желанному и свойственному белорусской нации, через отказ от разделения культуры на «белорусскоязычную» и «русскоязычную», и они недвусмысленно призывают объединить их в единое целое – «белорусская полиэтническая культура». Это – во-первых.

И, во-вторых, для того, чтобы обществу вернуть, совсем недавно царившие те же мир и спокойствие, жизненно необходим сегодня Закон, призванный регулировать потоки лживой информации, особенно увеличиваемые посредством СМИ, остановить разнузданность, превратившую такое важное достижение человечества, как Интернет, в «помойку», насыщенную потоком анонимных «упражнений» в адрес лучших представителей народа.

Уже вполне очевидно, что эта «дикая охота» ведётся обученными, управляемыми, политизированными и ангажированными силами, не заинтересованными в укреплении мира и благополучия в стране, теми, кто буквально живёт по принципу: «Чем хуже, тем лучше...», и делает всё для того, чтобы этот принцип работал. Для них, этих мастеров «дикой охоты», чтобы ни делалось в стране для улучшения жизни народа, для

преодоления тех или иных естественно возникающих проблем, касающихся и Беларуси, общемирового кризиса, всё – плохо. При этом сами они, как правило, ведут исключительно подрывную, направленную на срыв любой позитивной деятельности работу.

Я – советский по своему менталитету, человек, живу в стране сорок лет, и горжусь своей Беларусью. Да и есть чем! Государство наше создано для народа. Нет у нас олигархов, скупивших общие народные богатства, нет вопиющего социального неравенства среди людей.

В какой ещё стране на постсоветском пространстве не была свёрнута ни одна социальная программа? Несмотря на экономические трудности, в республике решаются жилищные вопросы, а на приобретение жилья выдаётся кредит. Если в семье пятеро и больше детей, то жильё предоставляется бесплатно!

А где, в какой из стран СНГ сегодня сохранён так называемый социальный лифт, когда люди из самых простых слоёв – от рабочих до крестьян, могут прийти на высокие руководящие посты!? Тому есть масса реальных подтверждений. Все руководители областей, губернаторы, как и сам Президент Беларуси, вышли не из шляхетских, не из дворянских, или бывших партийных высокопоставленных, а именно из рабочих и крестьянских белорусских семей.

Недаром истинные патриции духа всегда умели и умеют ценить и уважать таких, как Александр Григорьевич. Известный наш Витебский публицист Николай Астаневич, бывший в 80-х годах редактором журнала «Политический собеседник», объединявшего тогда самые светлые интеллектуальные силы Беларуси, говорил: «Александр Лукашенко – великий человек Совести и Чести. Какое счастье, что именно такого человека народила наша земля! Он не даст в обиду народ, потому что народ для него – начало всех начал».

Сегодня меня в моих убеждениях не сбивает с толку возрождающаяся то здесь, то там паразитарная «идеология» – поменьше работать, а денег иметь больше. Ставшее модным поигрывание в «шляхетство», осуждение недавнего нашего прошлого, переиначивание на свой лад истории, всё это не дело истинных патриотов многострадальной Беларуси, а удел «Иванов, родства не помнящих».

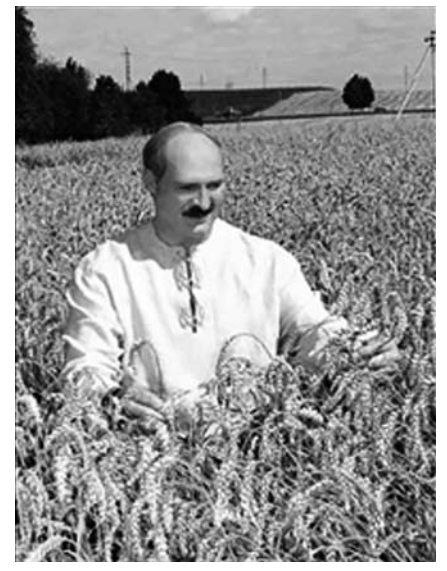
Ведь никому из сегодняшних летописцев не приходит даже в голову мысль, а тем более попытка при написании истории своего рода упрекнуть за прошлое кого бы то ни было из членов своей семьи, обвинить их. Напротив, все написанные мемуары, как правило, сделаны с большой любовью, со святым уважением к прошлому своего рода, его истории.

И это понятно, это вызывает почитание и восхищение. Хотя, наверняка, что-то в них носит субъективный характер. Может присутствовать и желание приукрасить, присочинить детали, не всегда известной истины. Но никто не очерняет (да и не должен!!!) своих родных.

Почему же историю страны, историю жизни целого народа, как давнюю, так и новую, стремятся сегодня некоторые ангажированные лжепатриоты перевернуть, «подогнать» под собственное мировоззрение?

А ведь истинные хозяева страны, как правило, люди совестливые, ответственные, скромные, трудолюбивые, по-граждански мужественные, какими и является большинство белорусов.

Вот они то – всегда, и в трудные времена особенно, понимают и поддерживают своего Президента, ими же избранного, даже испытывая сложности, не ноют, не склочничают, не стремятся выдвигать амбициозные



Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко.

требования по удовлетворению всё возрастающих своих потребностей, а терпеливо и упорно преодолевают проблемы, стараясь при этом не обременять других.

Совсем недавно на одной из улиц Витебска я стала случайным наблюдателем такой сцены. Две холеные особы – одна лет сорока, вторая совсем юная, одетые в шикарные шубки, остановили идущую с небольшой продуктовой сумкой из универсама, пожилую женщину. Решительно подойдя, как к старой знакомой, положив свою руку на её ладонь, очевидно, пытаясь воздействовать не только вербально, словом, но и известным психологам тактильным способом, бесцеремонно залепетали:

– Дорого-то всё ужасно! Да?! Цены растут, кошмар просто! Как вот вы думаете, кто виноват в этом? Кто за это должен ответить?

Умница женщина, по всему видно, что труженица, никакой не «политически подкованный» идеолог, спокойно, так же положив свою руку сверху, тем самым чётко перекрывая попытку «психологической помощи», ответила:

– Мы сами! Трудиться лучше надо! Вот вы-то, бесплатно, небось, выучились и не перетрудились, а теперь виноватых ищете? «Заботливые» вы наши! Не лезьте в душу. Она крепче, чем вы думаете.

Да, здоровая душа у нашего народа. Люди труда и чести никогда не торговали и не станут торговать своей Родиной. Они знают, что обвинять и поучать – гораздо проще, чем дело делать. Потому что духовная сила народа рождается вместе с ним, даётся даром с рождением отчим краем. И она, эта сила, возрастает в наших малых родинах, с их белыми берёзовыми рощицами, золотыми полями, небольшими речушками, зелёными лугами, с особой, необъяснимой, какой-то высшей силой охраняющей нас, её детей. В таких, милых сердцу, удивительных уголках земли, как и этот, так радушно и по-домашнему, уютно и светло принявшей нас, писателей, завершающих четырёхдневную ознакомительную поездку по стране...

Александрия встретила погожим, сухим вечером, в котором морозный ноябрьский воздух был так чист и свеж, что, казалось, его можно было пить! Пить сладко, как хрустальную родниковую воду...

Здесь, как и в посещённых нами других агропромышленных комплексах страны, живут трудолюбивые, радушные и очень жизнерадостные люди... Мы встречали их повсюду: в библиотеках, спортивных и тренировочных залах, в Домах культуры и в уютных современных бассейнах...

Всё это прекрасно работает в сёлах и деревнях, районных городах и посёлках, по всей Беларуси. Но почему-то именно здесь, в Александрии, мне показалось, всё каким-то особенно светлым, излучающим тепло и радушие.

Я впервые была здесь, и мне просто по-человечески интересно было всё в этом неповторимом своей исконной красотой уголке белорусской природы, его леса и поля, улицы и дома, школа, где учился руководитель государства, класс, парта...

Мне довелось дважды встречаться с Президентом, говорить с ним. Это удивительно простой в общении, преданный всей своею жизнью служению белорусскому народу, мудрый человек, с проницательным, глубоким, всё понимающим взглядом, умеющий слушать и слышать, искренне и душевно реагирующий на каждое, сказанное собеседником слово. Моё сердце сохранит тепло от встречи с ним на всю жизнь.

Я всегда внимательно слушаю все выступления, обращения к народу и беседы Главы государства с представителями СМИ, его глубокие, обоснованные, острые ответы, особенно запомнила такие слова:

«Что бы мне хотелось больше всего сделать?» – сказал он во время четырёхчасового разговора с журналистами из более чем 70-ти изданий различных российских регионов нынешней осенью. – «Если бы у меня были ресурсы, я прежде всего, направил бы их на повышение благосостояния людей. Хотелось бы больше дать людям».

В Александрии, за несколько часов до посещения Буйничского поля, со мною произошло настоящее чудо. Именно здесь, во время этого незабываемого путешествия по светлейшим своей первозданной красотой, охраняемой и лелеемой её народом, красивейшим местам Беларуси.

Мемориал «Буйничское поле».

На рассвете приснился мне дед по отцу – Рудаков Антон Никанорович, умерший более полувека назад. Человек я глубоко верующий, православный, потому в приметы и сны не верю. Тем паче, именно дедушка Антон был первым человеком в этом мире, который научил меня жить, мыслить, писать и читать по Библии. По самой настоящей Библии изданной в 1801 году, чудом уцелевшей.

Родилась я в послевоенные годы, 1 апреля, в землянке, по стенам которой текла вешняя вода, куда было деться-то весной от половодья... Не было ещё отстроено ни одного дома в сожженной фашистами деревне Щепятино, что на Брянщине. При свете керосиновой лампы в долгие зимние вечера дед Антон обучал меня грамоте, приобщал к изучению жизни по Великой Книге Книг. Других учебников тогда в сожженной деревне просто и не было...

«В начале было Слово... И Слово было у Бога. И Слово было Бог...» Он читал, а я слушала и всё представляла в своём детском, абсолютно не отягощённом знаниями, воображении...

И видела, именно видела открывающимся во мне мироощущением – как трудился Бог шесть дней. А седьмой день – святой – день отдыха. Вот появилась твердь земная, вот она отделена от тверди небесной, потом были сотворены травы и цветы, деревья и птицы, животный мир, люди...

Я узнавала, как грех нарушения Божьего завета изгнал из рая первых людей Адама и Еву. И... как Адам потом пытался оправдать себя, упрекая самого Бога, говоря, *«Вот женщина, Господи, которую Ты мне дал, соблазнила меня…»*

Самое странное было в том, что я всё понимала! Всё, что неторопливо говорил мне мой мудрый и удивительно тихий, кроткий дед Антон.

А за окном завывали метели, глубокие сугробы окружали зимой деревню, и сказочно прекрасными были те дни, до сих пор ярко освещающие всю мою жизнь своей первозданной чистотой, светом, добром, радостью от встречи с новым, неизвестным, огромным и таинственным миром.

Бабушка Алёна топила печь и пекла такие пироги с яблоками, грибами, капустой, рыбой, черёмухой, каких я больше никогда и нигде не видывала, и не вкушала. А ещё блины...

Вся бабушкина жизнь – была ожидание... Вслушивание, вглядывание в окно на дорогу, на улицу... Тревожное вскидывание на любой неожиданный стук, скрип калитки.

Она ждала с фронта своего сына Андриана, на которого, единственного из пяти погибших в семье братьев и сыновей, не была получена похоронка. Не было получено от него и ни одного письма с фронта. Как ушёл в июне сорок первого, попрощавшись с женой и детьми, так и пропал. А на все вопросы, куда только не писали, получали один ответ. «Пропал без вести...»

Но и для деда Антона, и для моей бабули Алёны, а для неё-то особенно, Андриан был жив.

– Девки, девки! – кликала нас бабуля, всматриваясь подслеповатыми, выплаканными глазами в даль уходящего по полю большака, – Гляньте-ка, гляньте! Идёт кто-то! Во-о-он, возле Разделка. Сбегайте, поглядите! Может, то Андриаша наш...

И мы бежали на большак, мелькая босыми пятками, взбивая чёрную, мягкую как пух пыль... Обгоняя друг друга, мчались навстречу незнакомцу туда, к лесу по имени Разделок... Конечно, мы не знали никакого дяди Андриана и узнать его вряд ли смогли

бы даже и по виденной пожелтевшей старенькой фотографии, висевший в нашей хате у божницы, рядом с иконой Николая Чудотворца. Но нам так хотелось встретить его и бегом принести бабушке Алёне самую благую и долгожданную для неё весть...

И таких встреч всех идущих в нашу деревню по самым разным делам путников было немало... А бабушка потом долго плакала.

Она ждала сына всю жизнь, и говорила: «Ведь не было ж похоронки. Значит, жив Андриаша, жив, чует моё сердце... Придёт».

Только теперь, когда я потеряла своего первенца, умницу, молодого и красивого, кровинушку свою, сына Колюшку, погибшего в автомобильной аварии белой июньской ночью 1999 года, только теперь узнала я, как оно разрывалось всю жизнь – бабушкино сердечко, как оно трепетало в надежде всякий раз, когда на горизонте появлялась незнакомая фигура пешего странника...

Мой отец Иван, вернувшийся с фронта с тяжёлой контузией, сразу же по возвращении с фронта, возглавил колхоз, восстанавливал его из руин. Контуженная правая рука никак не поддавалась, и он научился писать и делать всю крестьянскую работу левой. По просьбе бабушки отец писал письма и в Серпуховский Музей Великой Отечественной войны, и в военкоматы, но ответы снова и снова были те же: «Пропал без вести», или: « Сведений о гибели Рудакова Андриана Антоновича нет».

Много лет прошло с тех пор, как нет уже ни моего отца, ни деда Антона с бабушкой. И только один раз за всю жизнь приснился мне дед. Это было за семь дней до трагической гибели сына. В том горьком сне, потрясшем меня, дедушка был ранен, кровь буквально лилась из раны... И он чётко повторял горькие, пронизывающие моё сердце даже во сне жестокой болью, слова: «Больно мне, больно! Больно мне...»

Но я не верила в сны, наученная им же, моим любимым дедушкой, верующим в Бога, как и положено православному человеку: «К гадалкам и чародеям не ходи.... Толкованиям не верь... Только Господу Богу одному поклоняйся, Ему верь, за Него держись...»

Колюшка мой погиб ровно через семь дней после того сна. Думала я тогда, что не выживу. Я просто не могла жить. Не умела видеть, слышать... Дышать не могла.

Через силу читала акафисты, поминальные молитвы. Падала в церкви, вжимаясь всем своим существом в безответные холодные плиты пола, молилась, молилась, и... ничего не понимала...

Двенадцать лет прошло, а всё, как вчера.

Потому нынешний случай «явления» деда Антона просто подкинул меня в кровати, там, в уютном и тихом гостиничном номере, в Александрии:

– Нина! – разбудила я Чайку Нину Тимофеевну, свою коллегу и соседку по номеру:

– Нина! Какой страшный приснился мне сон! Очень тревожный! Я не верю, конечно, никаким снам. Но у меня уже был такой, похожий: видела я деда Антона во сне один раз... Правда, не так... Сегодня – он был спокоен. Тих. И была забинтована его грудь, и рука – правая... Весь седой и белый как снег мой дед ничего не говорил, не жаловался. Он молчал. Но каким был его взгляд! Будто что-то очень важное, важное и главное хотел он сказать...

– К перемене погоды, – отозвалась Чайка, – успокойся...

И мы стали собираться в дорогу. Начинался новый, плотно насыщенный мероприятиями, четвёртый день нашей поездки. Первым таким мероприятием было посещение Буйничского поля.

В автобусе руководство Могилёвского облисполкома предусмотрительно организовало для нас просмотр документального фильма по материалам книг и расследований группы Могилёвской группы «Поиск» под руководством писателя Николая Борисенко.

«За первые 4 дня войны призывные пункты Могилёва, – говорил голос за кадром, – направили в Красную Армию около 25 тысяч человек.

За семь дней вокруг города были созданы две линии обороны. В народное ополчение вливались жители всей области. Они трудились без устали на строительстве оборонительных сооружений, в городе улицы превращались в баррикады, дома – в крепости.

3 июля в междуречье Березины и Днепра уже шли жестокие бои с передовыми подразделениями немецкого 46-го танкового корпуса Второй танковой группы генерала Гудериана.

На Западном берегу Днепра, перекрыв шоссе Могилёв – Бобруйск и Могилёв – Минск, оборону держал 388-й и 514-й полки регулярной армии, на восточном – 747-й стрелковый полк.

Но уже 6 июля под натиском превосходящих сил противника отряды отошли вглубь обороны дивизии. С каждым днём противник всё усиливал натиск. Город подвергался многочисленным бомбардировкам. Наши воины стояли не просто храбро. Это было героическое, до смерти, стояние Советского народа против мощной силы зла – фашизма.

Наиболее тяжёлые и жестокие бои развернулись в районе Буйничского поля. У деревни Буйничи проходил передний край обороны, где противотанковый ров, смыкаясь с оврагами, упирался в Днепр. С 10 июля противник подвергал практически несмолкающему артобстрелу и массированной бомбардировке позиции 388-го полка. Тем не менее, 12 июля, упредив атаку, советская артиллерия огнём по скоплению немецких танков нанесла врагу значительные потери.

Перейдя в наступление, противник направил на советские позиции через Буйничское поле семьдесят танков. Бой продолжался четырнадцать часов. Наши храбрые воины подбили и сожгли, используя бутылки с горючей смесью, тридцать девять вражеских танков и отбили несколько атак противника!

13 июля воины полка контратаковали противника и отстояли рубеж обороны. Несмотря на то, что бои носили неимоверно ожесточённый характер во все последующие дни, свои позиции советские воины удерживали до 22 июля, героическим стоянием, практически полностью окружённые врагом, обеспечивали укрепление обороны Армии на Смоленском и Московском направлении».

13 и 14 июля на Буйничском поле находились корреспондент газеты «Известия» писатель Константин Симонов и фотокорреспондент той же газеты П. Трошкин, который сфотографировал скопище подбитых немецких танков на Буйничском поле. Снимок этот в «Известиях» увидела вся страна.

События той героической обороны в своё время нашли отражение в романе К. Симонова «Живые и мёртвые», а прообразом героя романа генерала Фёдора Серпилина стал образ полковника Семёна Фёдоровича Кутепова.

О глубине тех переживаний Константин Симонов потом не раз писал и в своих публицистических материалах, и в дневнике «Разные дни войны», и во многих статьях и книгах вспоминал он Могилёв наряду с Москвой, Ленинградом, Одессой, Севастополем, Сталинградом:

«Я не был солдатом, был всего только корреспондентом, однако у меня есть кусочек земли, который мне вовек не забыть, – поле под Могилёвом».

«Тот самый длинный день в году,
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех на все четыре года.
Она такой вдавила след,
И стольких наземь положила,
Что через двадцать лет, и тридцать лет
Живым не верится, что живы…»

Константин Симонов вспоминал и такой эпизод:

«…Середина поля. Могилёв. С восточного берега на западный перекинут единственный деревянный мост. На нём ни одной пушки, ни одного зенитного пулемёта. Мы переехали на западный берег Днепра, в полк, оборонявший Могилёв.

В этот день был тяжёлый, кровопролитный бой. Полк разбил сорок немецких танков, но и сам истёк кровью. Вечером мы говорили с командиром полка полковником Кутеповым… На его обросшем, небритом и усталом, смертельно усталом лице в самые тяжёлые мгновения вдруг проявлялась неожиданно мягкая, детская улыбка.

Мы сказали ему про мост. Там нет ни одного зенитного пулемёта, если немцы разбомбят мост, то он с полком будет отрезан здесь, за Днепром.

– Ну и что ж, – Кутепов вдруг улыбнулся своей детской улыбкой. – Ну и что ж, – повторил он мягко и тихо, как будто говоря о чём-то самом обычном. – Пусть бомбят. Если другие отступят, мы решили тут остаться и умереть, всем полком решили. Мы уж говорили об этом…»

Читаю, как Евангелие, как Святцы. Особенно, по буквам, слово – КРОВОПРОЛИТНЫЙ. Кровь лилась, не водица. Человеческая кровь лилась рекой здесь, за нашу землю. И мы, живые, которым завещано самое дорогое... Не всё мы сберегли.

Ах, своя ли , чужая,
Вся в цветах иль снегу…
Я вам жить завещаю, -
Что я больше могу.
……
И у мёртвых безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но – она – спасена …

А.Т. Твардовский «Я убит подо Ржевом…»

Нет той Великой и мощной державы под названием Союз Советских Социалистических Республик, в котором мы родились и беззаботно росли. Враг вновь готов обнажить клыки над многострадальной Россией и бывшими Союзными Республиками, ныне независимыми государствами, так кровно связанными между собой, что и до сих пор эта боль не прошла, пульсируя в разорванных по живому жилах.

В послевоенные годы разрухи невыносимую боль солдат Победы, пришедший с войны калекой, запивал горькой стопкой. Пытался залить солдат огонь своей неизбывной боли, но она не становился меньше....

Снова пьяный дядя Ваня…
– Ну, зачем ты столько пьёшь?
– Выпью, меньше ноют раны.
Впрочем, вряд ли ты поймёшь.
Что тебе до нашей части?
Снова в город убежишь.
Вся держава в одночасье
Пала, видишь, и лежит.

И плюют, и яды мечут,
Кто?! Да раньше на порог
Не пускали эту нечисть!
Я пришёл с войны без ног,
Ну и что я мог поделать?
Где вот ты была тогда?
Научились ловко бегать
Из деревни в города.
Дяде Ване что отвечу?
Тут словами не помочь.
Нужно что-нибудь покрепче,
Чтобы выжить в эту ночь.
Сердце рвётся. Память плачет.
– Выпьем, что ли, дядя Вань!
– Так-то…. А пришла, судачить…
Пьёшь зачем…
Ну, наливай…

Стихотворение автора «День Победы»

Потому строки Александра Твардовского из стихотворения «Я погиб подо Ржевом...», датированные 1945-1946 годом, снова вспоминаю, как укор, как назидание:

Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мёртвых проклятье –
Эта кара страшна…
……
Летом в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила…

А это разве не обращение к нам, сегодня живущим на родной земле, освобождённой от фашистской чумы ценою МИЛЛИОНОВ жизней...

Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мёртвые, павшие
Хоть бы плакать могли!
Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг, –
О, товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.
В нём, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.
……
Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть,
И родимой отчизне
С честью дольше служить.
……..
И беречь её свято,
Братья, счастье своё –
В память воина – брата,
Что погиб за неё.

А.Т. Твардовский «Я убит подо Ржевом»

Слава Богу, здравый смысл сегодня вновь собирает под свои знамёна молодые независимые государства для того, чтобы сохранить, укрепить, выжить в этом бою за лучшую жизнь.

И снова миссия Александра Григорьевича Лукашенко проявилась в том, что он в изнурительных, часто невыносимых условиях сберёг Беларусь и Союзное государство.

И теперь ведёт нас в новый Евразийский Союз, где не будет ни доминирования более сильного, старшего над младшим, ни превосходства одних над другими, ни по языковым принципам, ни по национальным.

Союз, где будет у каждого народа своя, неповторимая, ему одному исторически предназначенная миссия.

Ведь земля принадлежит именно своему народу, а не отщепенцам, призывающим ввести на свою же землю войска НАТО для «наведения порядка», продавшим давно уже и честь свою и совесть за денежные гранты, готовым на любую ложь, любую грязь ради одной только цели – завоевания власти. И это стремление отнюдь не обусловлено заботой о народе. Кроме себя, они заботиться ни о ком не привыкли. Сегодня на любом их сайте в интернете обвал ненависти, злобы, угроз, лжи...

Любым путём – власть!

А Евразийский Союз, только что рождающийся, уже заявляет о себе, даёт надежду, как единственная возможность слить воедино не только богатство пространств, а и могущество верований, культур, неповторимости индивидуальных особенностей каждого народа.

И вот уже появляются новые возможности. Рынок становится единым в странах Евразийского Союза, и это привлекает инвестиции государств, раньше не рисковавших, в силу невеликого рынка реализации в Беларуси. А нынче, при изменившейся ситуации, они уже готовы вкладывать свои средства в автомобилестроение, например. Тему так давно актуальную для белорусского потребителя. А это новые рабочие места, это – новые возможности автомобильного рынка в стране. Это, наконец, дополнительные налоги в бюджет государства! Это и расширение культурного взаимодействия, взаимопроникновения разных народов...

Культура нации... Именно наличие в обществе истинных ценителей и почитателей настоящего таланта, смелого, отважного, как рождающего высокохудожественные произведения искусства, так и являющегося крепким руководителем на своём месте, говорит о его, народа, духовном и нравственном здоровье.

И, наоборот, общество, которое преклоняется перед «золотым тельцом», которое в погоне за лёгкой добычей переходит все границы нравственности, увлекаясь низменными, приводящими к погибели, собственническими интересами, неизбежно обречено.

Где популярными и не осуждаемыми становятся трусость, политиканство, приспособленчество, ложь, зависть, стяжательство, там наступает неизбежный коллапс. Особенно наглядно это проявляется в творческой среде. Кто нынче не любит талантливого писателя больше всех? Известно, другой, менее талантливый писатель...

И если он ещё имеет иные идеологические взгляды, убеждения, конфликт неизбежен.

Сложнейший это Союз – литераторов. Художник говорит красками. Музыкант – звуками. А писатель – словами. Здесь всё предельно открыто, не скроешься ни за мелодией, ни за цветом.

Да и ещё есть проблема: там, где, говоря словами А.С. Пушкина, царит «невежества убийственный позор», не может быть победы Света над тьмой.

Духовное возрождение общества – эта ответственная миссия, самим Богом возложенная на инженеров человеческого духа – писателей, призванных быть на определённом этапе жизни ещё и пророками. Всё это – писателям, по сути, являющимся цехом любителей, пишущим в свободное от добычи хлеба насущного время, по велению сердца – по плечу ли...

Может быть, участие, которое принимает нынче в судьбе литературы государство, это и есть часть той мудрости, прозорливости, совершающей свою, самой жизнью рождённую, миссию.

А, может быть, именно сегодня, как никогда, настала пора – не спорить о том, есть ли в Беларуси белорусская литература, и какая она, а делать всё возможное и даже невозможное для её бережного сохранения и укрепления, пропаганды, и – особенно – развития? А писателям не обвинять своих собратьев во всех немыслимых грехах, ведь все мы не боги и не ангелы, а создавать новые яркие и смелые творческие произведения, соответствующие духу времени!

Иначе, мы просто упустим свой исторический шанс войти в современное мировое культурное сообщество полноправными представителями созидателей СОВРЕМЕННЫХ литературных произведений, в суете и разногласиях став на путь своеобразного отрицания современного интеллектуального слоя общества в Беларуси.

А если общество находится в стадии сомнений или неуверенности? Безусловно, его необходимо духовно формировать и укреплять. Регулировать этот процесс на государственном уровне с привлечением как учёных-словесников, так и наиболее уважаемых, думающих, не равнодушных, имеющих стойкую гражданскую и государственную позицию представителей такой авторитетнейшей общественной организации, как Союз писателей.

Мне напоминает возникающая то тут, то там травля сильной талантливой личности, и, в силу таких профессиональных особенностей, как публичные высказывания, громко проявляемая в литературной среде, известную уже истории ситуацию: когда в 1972 году на Ленинскую премию выдвигались писатели из Союзных республик СССР, на представленную Армянской республикой кандидатуру Мариэтты Шагинян были получены не просто положительные характеристики творчества, а целые «оды», прославляющие её, как «вещий голос народа», «лучшую из лучших дочерей Армении»...

В то же время, представляемому к высокой награде – Ленинской государственной премии – нашему земляку, выдающемуся писателю Беларуси, рождённому в простой крестьянской семье на Гомельщине, воевавшему, раненному на фронте, Ивану Мележу за его известные сегодня во всём мире романы «Люди на болоте» и «Дыхание грозы», пришлось преодолевать немалые несправедливые наветы со стороны некоторых «братьев-писателей». Это уже история... Правда, говорят, «Кто старое помянет, – тому глаз вон..». Но на это есть и другая поговорка в ответ: «А кто забудет, тому – два..»!

Агрессия по сути своей не свойственная белорусскому народу, разве не «дикая охота», пришедшая не сама по себе, а за уши притянутая в нашу миролюбивую независимую страну? Известны её особенности: агрессия присуща, как правило, лицам, не реализовавшим себя в силу разных причин, чаще – обусловленных индивидуальными качествами, потому обозлённым и направляющим разрушительную энергию, часто, под политическим или «патриотическим» флагом на борьбу со всем позитивным и созидательным. И тут уже – что ни делай – всё плохо! Сами же оппоненты, потеряв всяческую способность сеять, строить, растить, создавать, всю силу направляют на противостояние и разрушение...

Чтобы не быть голословной, делаю ссылку на сайт «Поэты Беларуси», не «Белорусские поэты», а именно с первоначально указанным названием, предполагающим объективную информацию обо всех поэтах Беларуси. Вы найдёте там фамилии Натальи Арсеневой, Владимира Орлова, Геннадия Буравкина, Владимира Некляева, Людмилы Рублевской... Но на сайте нет имён известных поэтов, не менее и не бесталаннее пишущих о своей родной и для своей любимой страны из состава членов «Союза писателей Беларуси». Ни одного!

Кто и что за всем этим стоит? За наполнением таких информационных сайтов?

Откуда же при таком подходе быть известной умалчиваемой, не пропагандируемой литературе Беларуси и работающим на её ниве литераторам?

К Буйничскому полю мы подъехали незаметно скоро. Я, впервые ступив на святую, политую кровью землю, осенив себя крестом, готова была заплакать. Внимание привлёк огромный камень, на нём мраморная доска со словами: *«...Всю жизнь он помнил это поле боя 1941 года и завещал развеять здесь свой прах»*.

Здесь же выгравирована подпись: *К Симонов*.

Судьба писателя теперь навек связана с Буйничским полем, которое он так и не смог забыть.

Мемориальный комплекс на Буйничском поле был открыт 9 мая 1995 года. В центре его 27-метровая каплица – символ величия воинского духа славян, здесь же Военная техника времён Великой Отечественной Войны... Стены часовни расписаны фресками, в нишах размещены мраморные доски с именами погибших, а в самом центре установлен маятник Фуко, символ вечной жизни, вечного движения в память обо всех, кто погиб на этом поле в 1941. Над каплицей – крест.

Экскурсовод рассказывает о том, как поисковики до сих пор ведут раскопки в местах бывших боёв, находят полуистлевшие документы, залитые кровью и как часто сложно восстановить истинное имя погибшего...

О том, что расшифрованные имена найденных погибших здесь солдат до сих пор вносятся в мемориальную память...

О том, что именно здесь погибли многие призванные в первые дни войны. Особенно запомнились слова: «Все погибшие здесь, на Буйничском поле, для России до сих пор – без вести пропавшие...»

Разве думали, могли думать, солдаты, отдавшие в боях Священной Великой Войны самое дорогое, что есть у человека, жизнь свою, за ещё более – несоизмеримо дорогое для него – Отечество своё, о «парадоксах национального самосознания»...

И о том, какие «битвы» развернутся в освобождённой ими от фашизма родной стране между родными братьями – славянами.

Другой моя дядя, мамин брат родной
Лёг в землю возле города Варшавы.
В конверте треугольном: «…как герой
Погиб, мол» – на Луньки письмо прислали.
Так и хранится тот, с войны «привет»
(До Дня Победы – месяц был всего-то)
Трём сыновьям, и (он не знал) на свет
Дочушке народившейся – четвёртой.
Мой дядя точно допустить не мог,
Чтобы взорвали польский город древний,
Он жизнь отдал свою, но уберёг
Варшаву… Без него теперь деревня
На Брянщине… Нет сына, плачет мать.
Дом опустел за лесом Вин-да-Вином.
Кто и когда стал странно называть
Родной лесок? В том дядя неповинен.
Вдове одной как деток поднимать?
Как уходить, вспахать, засеять ниву?
Подбитой насмерть, где ей силы брать
Для жизни с горькой долей сиротливой –
Не думал дядя мой, да разве мог
Он думать среди боя под Варшавой?
Горела, уходила из-под ног
Земля… Он шёл на пулю – не за славу,
Не за богатство шёл, а за страну,
Не думая, что за страну – чужую…
Он был солдатом. В огненном бою
Он шел вперёд – за Родину родную.
И не забудет Родина его.
Не зря он шёл в огонь, на бой кровавый.
Мой дядя – и посмертно – не «герой».
Но он и те, кто с ним, спасли Варшаву.

Стихотворение автора «Дядя Ваня»

Разве мы, русские , белорусы, украинцы – славяне – не единый народ?

Хотя враждебною чужбиной,
И были мы разлучены,
Но, всё же, мы народ единый,
Единой матери сыны;
Вот, вот что ненавидят в нас!
Вам не прощается Россия,
России не прощают в вас!

Ф.И. Тютчев «Славянам»

Я читала имена погибших на мраморных досках. Сколько их... Чьих-то отцов, братьев, сыновей...

И вдруг как молнией обожгло: в самое сердце вонзилась боль.

На противоположной стене, в середине огромного скорбного списка фамилий – огнём полыхнуло родное имя – Рудаков! А дальше – инициалы – А.С. Да это мой дядя! Андриан!

Ах, дед, как же ты мне неспроста приснился! Вот же какое чудо. Дед мой Антон через пятьдесят лет из своего забвения послал весть. Здесь особая аура... Эти поля, река, лес, и такое чистое не по осеннему небо – поистине, необыкновенны.

Высшей волей и высшим могуществом всё предопределено в этом мире? Здесь место с мощным космическим биополем, в котором воплощаются энергетические посылы вечности... И сюда прилетают – и могут прилетать – ангелы, как сказала бы моя бабушка Алёна...

Это здесь – сила Священной Земли, политой кровью погибших её сыновей, отдавших жизни свои за Великую Родину, страну, созданную для равноправной и спокойной жизни многонационального народа.

А сегодня таким государством на всём постсоветском пространстве осталась только Беларусь! Но ведь она могла тоже пойти по другому пути развития. И в том, что этого не произошло – заслуга нашего Президента.

И я вдруг так ясно поняла, ощутила: как она переполнена, чаша моей боли! Она тяжела от того, что есть, и они – рядом, живут в одном со мною времени, те, кто упорно не только способен погубить, но, самое обидное, кто и не хочет видеть, понимать, ценить и беречь то, что завоёвано такой ценой... То, что у нас есть...

И уже слёзы, которые стояли у порога с самого начала приезда на Буйничское поле, неудержимо хлынули из глаз. Я не могла и не хотела их сдерживать, потому что это были слёзы моего стояния в этой жизни. И это были слёзы человека, нашедшего того, кого всю жизнь ожидали в родном доме, где до самой смерти, до последнего вдоха верили, в то, что он вернётся... Именно мне выпала честь найти через столько лет, «пропавшего без вести» брата моего отца, сына моего деда Антона, и бабушки Алены. Защитника Отечества!

А ведь искали столько лет все родные... Но даже в списках самых авторитетных мемориалов не было его имени среди погибших. Да и не могло быть! Ведь здесь же написано: А.С.! А у дяди инициалы другие: он – Андриан Антонович...

Но экскурсовод и подошедший член отряда поисковиков искренне убеждают меня, что таких ошибок было уже множество, что из Франции даже приезжала семья, и у них тоже инициалы не совпадали... По останкам погибших, медальонам, найденным поисковиками часто с очень большим трудом удавалось разобрать даже фамилию... А потом долгие упорные поиски подтвердили, что это был всё-таки их отец....

По возвращению из поездки я связалась со своими сёстрами и дочерью погибшего. Рассказала обо всём. Пообещала дойти до конца истины.

Вот уже месяц – звоню, пишу в Могилёв, возобновила поиски и в Интернете... А сегодня, в канун праздника Николая Чудотворца, Николы зимнего, особого Предстателя за всех без вести пропавших, ясно так вдруг мне стало: Это он! Наш Андриан!

И самое верное тому указание – дозволенное свыше явление моего деда Антона во сне, в ту ночь, в Александрии... Он, такой родной и незабвенный, напомнил: только сердцем можно всё увидеть.

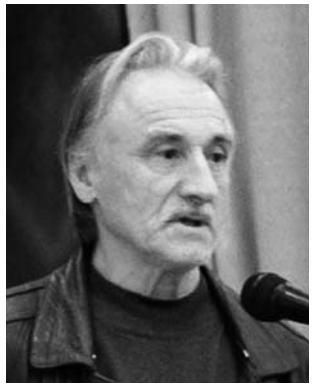
Здесь он, Андриан Антонович Рудаков! Не без вести пропавший, а погибший – Солдат Победы, найденный чудом: ведь могло и не быть меня в этом путешествии...

А теперь я знаю: наш Андриан в Могилёве, на Буйничском поле, в самом начале войны, защищая Родину, сложил свою голову. Потому и не было ни одного письма с момента его призыва в июне 1941 года.

Даст Бог, на Троицу поедем, поклониться...

ПОЭЗИЯ

Всеволод КУЗНЕЦОВ



Всеволод Михайлович Кузнецов – поэт, прозаик, переводчик, журналист. Родился в Москве, в семье потомственных художников. Окончил МГУ. Автор поэтических сборников и переводов болгарских поэтов. Член Союза писателей и Союза журналистов России, независимого литературного агентства «Московский Парнас», академии Российской литературы, Славянской литературной и художественной академии (г. Варна), академик Болгарской академии наук и искусств (г. София). В 80-е годы организовал и руководил подмосковным литературным объединением «Луговая». В настоящее время руководит ЛИТО «Ладога» (г. Лобня). Имеет многочисленные награды.

Живёт в Москве.

Есть в том Божественная тайна…

* * *

Тихо. Ночь. Моя семья уснула,
И сопят дровишки в унисон.
Наша киска лапки потянула
И, зевнув, продолжила свой сон…

Ну а мне – ещё успеть бы надо
До утра хоть что-то «накропать», –
Коль пора такая, – стихопада, –
Грех бы был – лукошка не набрать…
…За окном, гляжу, – мерцают звёзды,
Сколько в этом мудрости, огня!
Жаль, что строчки – те, что ночью создал,
Станут меркнуть в серых буднях дня…

Какой ценой нам творчество даётся!

Душа болит. Слова наружу рвутся,
Стараясь вытеснить сплошное безрассудство…
Да на исходе отшумевших дней, –
Себя, любимого, ударить побольней…
Какой ценой – шедевры нам даются!

В себе самом, с самим собою бродим,
О свежести мечтая, о восходе…
Но самоедство, самобичеванье, –
Даются всякий раз, – как наказанье…
Какой ценой – спокойствие приходит!

Всё существо – в тартарары несётся,
Из самого себя наружу рвётся…
У пропасти, случайно, задержалось, –
Что позади? – Разгул, кураж и хаос…
Какой ценой – гармония даётся!

Стихи – отдушина моя…

Ну как мне не писать стихов, –
Когда страстей девятый вал.
В душе – мятежный ураган,
Эмоций – буйный океан.
Прямое средство от оков, –
Чтоб холод сердце не сковал…
Ну, как мне не писать стихов?

Стихи – отдушина моя, –
Когда спускаются пары,
Как манна, – падают с небес,
И, отказавшись наотрез
От треволнений бытия,
Ты создаёшь свои миры.
Стихи – отдушина моя!

Где ты себе – и Царь, и Бог,
И, сердцем Истину познав,
Умом прочувствуешь Её,
Где оживает и поёт
Твоя душа, и каждый вздох
Ты превращаешь в некий знак…
И ты себе – и Царь, и Бог!
Так, подсознание включив,
Пером, как проклятый, ведёшь,
И слов цветных калейдоскоп –
От тел космических – отскок…
Ещё чуть-чуть, и свой мотив
В великом хаосе найдёшь,
Вдруг подсознание включив.

Слово

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города…

Н.С. Гумилёв

Как отзвук трепетной души,
Как грань величья Духа,
Оно рождается в тиши,
Чтобы дойти до слуха,
И прошептать: «Пиши, пиши!..»

Есть в том Божественная тайна…

Владимиру Ивановичу Фирсову

Сидишь, обложенный котами,
Мой дорогой, душевный друг.
Обильно вскормлены стихами, –
Коты – кругом, коты – вокруг…

Они ложатся, словно строки,
В завал былинного стола,
В их песнопениях – истоки
Священнодействия пера.

У них – особенные ритмы
И колорит волшебных глаз,
Они оттачивают рифмы
Для нас, поэтов, про запас…

И, как известно, не случайно
В монастырях живут они, –
Есть в том Божественная тайна,
Их бархатистое мурчанье
Молитве царственной сродни.

Стихи, стихи…

Сижу и жду, – когда наступит утро…
Мне душу согревает кофеёк.
Вторую кружку заливаю внутрь,
Чтобы зажечь желанный огонёк.

Ещё чуть-чуть, – пройдут по телу токи,
И всколыхнут запал очередной.
И замелькают перед взором строки,
И побегут привычной чередой…

Стихи, стихи… Возвышенно и мудро, –
Вы нам даны, – как Божья благодать…
Не торопись ко мне сегодня, утро, –
Мне вдохновенье ночь готова дать!

* * *

Александру Викторовичу Никишину,
директору Дома «Русская водка»

… А там, где водка русская, –
Там русское искусство…
Бутылок горло – узкое,
Зато – безмерно чувство.
Замешано на радости,
Настояно на страсти,

Чем крепче, – тем и сладостней, –
Напиток – от напасти…
Что ни бутылка – модница, –
Красуются на полочках…
И всё же грусть, как водится –
Поводырём у водочки…
Но там, где водка русская, –
Там русское искусство!…

Романс

Ирине Горностаевой, художнику

Я не художник, я – поэт,
Хотя почти одно и то же…
В твоих глазах – эмоций свет,
В моих глазах – озноб по коже…

Я вижу, как твоей рукой
Под сводом храма Ангел водит,
И дух небесный, не земной,
От дивных рук твоих исходит…

И что-то вдруг во мне самом,
Давно забытое, воскресло,
И озарило зимний дом,
Мой стол и бархатное кресло…

…Плевать на возраст, – если хватит сил…

Вот и ещё на год я постарел,
И трудно отвертеться от сознанья, –
Что, – то и это сделать не успел,
И находился часто в прозябанье…

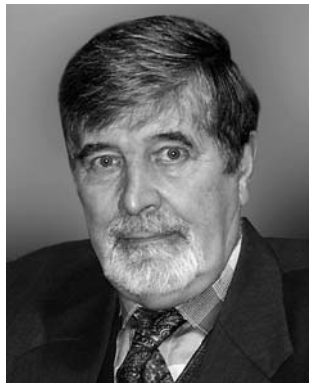
Не знаем мы, – какой отпущен срок,
Но аппетиты стали непомерны.
Пора бы, братец, подводить итог
В осуществленье планов сокровенных:

Вот, не закончен книги перевод,
И собственная рукопись желтеет,
И папок, – бесконечный хоровод…
Но тут же вот ещё идея зреет…

Порой бываю сам себе не мил,
Хотя способен вовремя собраться…
Плевать на возраст, – если хватит сил, –
И, как художник слова, состояться!

Матвей ТУКАЛЕВСКИЙ

Китайский фонарик



Матвей Игоревич Тукалевский – родился в 1941 г. Окончил три курса Бакинского высшего общевойскового командного училища. Учился на факультете журналистики. Ещё в армии стал сотрудничать с редакцией газеты Закавказского военного округа «Красное знамя». С тех пор – внештатный сотрудник ряда газет разного уровня от районной газеты, до газеты «Правда». Окончил Ленинградский финансовый техникум, потом Сыктывкарский университет… В 1992 г. в Москве тиражом в 10 000 экземпляров вышел первый сборник стихов и песен «Вуктыльские кедры». С 2007 г. пишет прозу. Готовится к изданию сборник прозы.

Живёт в Санкт-Петербурге.

…Война не только уносит жизни. Она уносит из обихода доброту и приносит в общество жестокость. Дети, как наиболее восприимчивая часть человеческой общности, ожесточаются первыми. Это талантливо показано в кинокартине «Уроки французского»…

…В военные и послевоенные 40-е годы, на Украине бытовало жестокое и безжалостное слово «байстрюк». В литературном переводе это слово означает «незаконнорожденный», «безотцовщина», «беспризорник». Но все эти переводы приблизительны и очень смягчены. Канва моей новеллы требует, отступив от правил хорошего тона, перевести это слово дословно – «ублюдок».

Вообще-то, этим словом называли тех детишек, которые нарождались от оккупантов или вообще неизвестно от кого. Боготворя своих защитников – воинов, сражавшихся на фронте, народ презрительным своим фольклором клеймил всех, кто не фронтовик. «Тыловая крыса» – тех, кто служил не на передовой, «немецкая овчарка» – тех женщин, что позволили себе гулять с захватчиками.

Но даже в этом чёрном ряду «байстрюк» было самым оскорбительным, самым злобным и самым жестоким, ибо оно предназначалось ребёнку, который не был никак виноват в своём рождении. Это слово ранило детское сердце так, что куда там Незнамову с его переживаниями!..

После войны, со временем, это слово стало употребляться гораздо шире своего первоначального значения. Просто, как матерщина…

…Меня этим словом впервые обозвала родная тётка, мамина сестра. То ли всю жизнь она завидовала чёрной завистью горячей и красивой любви моей мамы и моего отца, то ли просто такая уж уродилась злобная и черноротая, но когда отец с войны в семью не вернулся, женившись на подручной фронтовичке, которая была ровесница моей старшей сестры, у тётки не то что это не вызвало сочувствия к родной сестре, моей матери, а, напротив, вызвало прилив непонятного злобного торжества.

Надо сказать, что в своей непомерной любви и благодарности к воину-защитнику и освободителю, народ всячески реабилитировал и обелял пришедшего с войны. Ему прощались и разгульность, и пьянки. Он назначался, как правило, на руководящие должности. Почти все «командиры производства» были демобилизованные воины, которые командовали основной «тягловой силой» того времени – бабами.

В свете этого отношения очень редко обвинялся фронтовик, не вернувшийся с войны в свою старую семью, к рано постаревшей от невзгод военного времени жене. И будь она трижды святая, перенёсшая страшные непомерные не женские тяготы военных лет: эвакуацию, болезни свои и детей, нищету, голод, нечеловеческий труд. И пусть она непонятно каким образом спасла и выходила детей, его детей, всё равно, люди были склонны обвинять в первую очередь её, и так убитую горем предательства, подталкивая, порой, к суициду…

«Значит, было за что её бросить!» – шипела ей в спину людская молва.

…Много лет спустя, когда я спросил свою святую мать, как она всё это вынесла, она коротко сказала, вздохнув: «Не могла же я вас осиротить…»

Не легче приходилось и брошенным и преданным отцом детям, обречённым слышать жестокое оскорбление «байстрюк». Самое горькое заключалось в том, что все споры и доказательства ничего не стоили. Можно было вытащить на улицу свои документы и фотографии и размахивать ими сколь угодно и кричать до хрипоты в кривящиеся злой усмешкой рты, что ты законнорожденный, что у тебя есть законный отец, что он – полковник, что он служит в Порт-Артуре, это в Китае, поэтому он писать писем не может. Но всё было зря. Всё убивалось одной фразой:

– А чого ж він с вами не жеве?! Даже твоя рідна тітка каже, що ты – байстрюк!

И не было ни доводов, ни моральных сил противостоять этой кинжальной атаке! Можно было только удрать от этих несправедливых и жестоких обвинений, забраться в какое-нибудь своё потайное убежище и бессильно плакать… плакать… плакать…

В таком случае нельзя было даже воспользоваться обычным «обезболивающим» – ласками и утешениями матери, зная по опыту, что она утешить-то утешит, да потом сама будет ночью страшно стонать, кусая подушку и пытаясь заглушить ею, разрывающие грудь рыдания…

…Почти всё моё детство это жестокое слово хлестало мою детскую израненную душу. Но однажды мои горькие слёзы, видимо, растрогали Всевышнего и Он решил прислать мне избавление…

…В тот день я гонял по улице по своим важнючим пацанским делам, когда до меня долетел зов матери. Я удивился и насторожился. Зов был неурочным. Значит, случилось что-то необычное. Сообразив это, я вприпрыжку кинулся домой…

…Дома за столом сидел солдат. У его ног стоял видавший виды солдатский вещмешок. У мамы были слёзы на глазах, которые она пыталась скрыть. Я набычился и готов был вцепиться в маминого обидчика. Но тут она попросила гостя прерывающимся голосом:

– Пожалуйста, повторите всё для моего сына…

Солдат помялся:

– Да, собственно, я всё сказал… Значит, служил я в Порт-Артуре… Под начальством вашего отца – полковника Тукалевского. Когда он узнал, что я демобилизуюсь в город Белая-Церковь, то попросил меня зайти и проведать сына… То есть, вас проведать… Вот. И ещё сыну подарок передать – китайский фонарик…

Солдат наклонился к своему вещмешку, неспешно развязал его и достал оттуда… О, Боже! Красивый, блестящий, круглый с цветной кнопочкой и большим отражателем фонарик!

Я таких ещё не видел! У Валерки – соседского мальчишки – отец работал железнодорожником и он иногда показывал нам, пацанам, свой удивительный многоцветный фонарик, в котором можно было менять линзы: красная, зелёная, желтая. Сам фонарик был квадратным чёрным и, конечно, ни в какое сравнение не шёл с подарком отца!

Я пришёл в восторг! Я представил, как будут мне завидовать пацаны и даже Валерка с его отцовским квадратным фонариком. Потому как квадратных фонариков было вокруг много, а вот круглых – он один! Мой! Китайский! От отца!

…Внезапно я осознал, что этот солдат принёс мне не игрушку, а спасение, и я с загоревшимся взглядом, попросил его:

– Дядя! Я вас очень прошу! Пойдёмте на улицу! Вы нашим пацанам скажите про подарок… про отца… Дядя! Я очень вас прошу!

Я тянул его за руку до той поры, пока он не встал и не пошёл за мной во двор. Выйдя на улицу и крепко сжимая одной рукой солдатскую руку, как будто боясь, что солдат может исчезнуть, второй рукой я высоко над головой поднял, как знамя, этот замечательный отцовский подарок, так много значивший для меня и заорал на всю улицу:

– Ну, що?! Бачили?! Цей кітайскій фонарик мені батька з Порт-Артуру прислав! А вы казали, що в мене батьки нема, що я – байстрюк! Ну, що, е в мене батько?! Ось цей солдат у мого батьки служив!.. И батько йому дав для мене подарунок!.. Мій батько – полковник!.. Спытайте цого дядьку... Він скаже...

Я ещё чего-то кричал и всё гордо помахивал своим подарком. Вокруг меня собрались все пацаны с нашей улицы. Они завистливо посматривали на фонарик в моей руке, который сиял своими боками на солнце. Косились на солдата, который стоял рядом со мной и ладонь которого я всё не выпускал, намертво вцепившись в неё своей ладошкой. И молчали. Впервые мои доводы победили их...

Потом пацаны попросили меня включить фонарик и по очереди заглядывали в его отражатель, складывая трубочкой руки. Они робко гладили пальцами его гладкую ребристую блестящую поверхность.

Потом просили по очереди «трохі подержать». Потом по очереди включали фонарик...

Я всем разрешал и подержать, и включить. Я забыл все прошлые обиды. Я был сегодня великодушным триумфатором...

...Позже жизнь меня баловала весьма торжественными триумфальными минутами. Но эти минуты первого настоящего детского триумфа и освобождения от горьких и невыносимых оков изгоя я не забуду никогда!

...Больше я никогда не слышал в свой адрес обидного – «байстрюк». Даже моя тётка, с жестокой руки которой и была присобачена ко мне эта подлая кличка, вдруг перестала меня так обзывать. Я всё приписывал волшебному китайскому фонарику. И только спустя много лет я узнал, что моя добрая, отзывчивая и ласковая мать зашла как-то во двор к своей злобной сестре, зажгла приготовленный факел и поднеся его к соломенной крыше тёткиной избы, звенящим от напряжения голосом сказала ей:

– Ещё раз обзовёшь сына байстрюком – спалю! – и отбросив факел в сторону, не глядя на метнувшуюся к нему запричитавшую сестру, повернулась и вышла со двора...

...Прошли долгие десятилетия. Я принимал у себя в маленьком таёжном северном городке приехавшего в гости своего постаревшего отца. Принимал по маминой просьбе. Понимал, что она, гордясь мной и моим положением в обществе, этим рапортовала отцу, что она сумела нас воспитать и без него достойными людьми. Рапортовала, потому что... до сих пор любила!

...Я не устаю поражаться великой силе материнской любви к отцу! Она не только простила его жестокую подлость, но и удержала нас, его детей, от озлобленности по отношению к отцу, внушив нам на всю нашу жизнь, если не любовь, то уважение к нему.

Уважение, но и только! Я постарался ради матери показать отцу свою жизнь «фасадом». Его приняли первые люди района, которые рассказали ему много лестного про меня. Он узнал, что я – ветеран стройки. Что имею награды. Что являюсь бардом этого маленького городка – нашей всесоюзной ударной стройки, что песня моя стала гимном горожан, а позывные местного радио – первая строчка этого гимна...

Вечером по случаю приезда отца я собрал у себя друзей, среди которых были знаменитые люди города. Тамадил за столом мой друг, армянин, заведующий юрконсультацией. Он вёл застолье по-кавказски умело, с цветистыми тостами.

И когда он мне предложил вспомнить самый памятный день, связанный с отцом, я растерялся. Начал я говорить спокойно, но неожиданно воспоминания детства так нахлынули на меня, так овладели мной, что меня начали душить спазмы, из глаз покатились слёзы, которых я, сорокалетний мужчина и не чаял уже ощутить когда-либо на своих щеках, и я только и мог выдавить из себя:

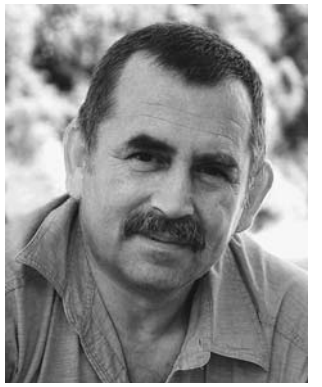
– Спасибо тебе, отец... Тот китайский фонарик... Он... Мне... Всю жизнь... Если б ты знал!..

Тамада, почувствовав неладное, выручая, за меня докончил тост:

– Так выпьем же за дорогой подарок отца! За китайский фонарик!..

ПОЭЗИЯ

Виталий СЕРКОВ



Виталий Геннадьевич Серков – член Союза писателей России. Родился в 1956 г. в деревне Острецово Вологодской области. Автор поэтических сборников «Свет памяти», «Соборные звоны», «Звёзды и листья», «Шиворот-навыворот» (пародии, эпиграммы), «Круг сомнений завершив», «Шёпот созвездий», «Нам не дано предугадать...» (пародии и статьи о русской поэзии), «Душа моя скорбит», «За други своя», изданных в Краснодаре, Сочи, Таганроге и Вологде, а также многих публикаций в центральных и региональных журналах. Дипломант Всероссийской православной литературной премии имени Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского (2007) за верное служение русской поэзии.

Живёт в Сочи.

Грустны любви моей аккорды...

* * *

В Светлом Храме я под образами
В полном одиночестве стою.
Женщина с печальными глазами
Вновь не поняла печаль мою.

Сердится и морщит лоб Угодник,
Смотрит с осужденьем сверху вниз,
Зная, что отпетый греховодник
Вряд ли заберётся на карниз.

Медленно курится синий ладан,
Страшно угодить не в рай, а в ад.
Если я тобою не разгадан,
Значит, перед Богом виноват...

* * *

Быть может, потому, что наглецом я не был
И трепетно держал твою ладонь своей,
Несмелая любовь порхнула мимо в небыль,
Лишь жаром обдала, как ветер-суховей.

Несла меня судьба, а я, её стегая,
Спешил поверить в то, что всё уже забыл;
Доверчивой душой суть жизни постигая,
Наказан был не раз за искренность, за пыл.

Но высветит порой негаснущая память
Под звёздами тебя, бегущую овсом,
А ночи, тишину стригущие серпами,
Напомнят обо всём, напомнят обо всём...

* * *

Возгласы дневные улеглись.
Шорохи ночные покачнулись.
Ах, зачем мы жизнью увлеклись?
Ах, зачем не вовремя очнулись?

Долгие недели и года,
Разные нас ждут с тобой пороги,
И ведёт дорога в «никуда»,
А оттуда нет уже дороги.

Вздрогну и от мыслей ужаснусь.
Всё идёт не кубарем, а прахом.
И уже к любимой прикоснусь
С юношеским трепетом и страхом.

* * *

Зачем я разомкнул
Застывшие уста,
Когда Вам намекнул,
Что Вы уже не та,
И я уже не тот,
И жизни ход иной,
И всё сильней гнетёт
Груз мысли неземной,
Что время утекло,
Как тень через забор,
А месяц сквозь стекло
Заносит свой топор?

Вы молвили: «Заря
Восходит над горой.
Ты жалуешься зря,
Мой сказочный герой.
Над нами встал туман
И поднялся с низин.
Как сладок был обман
Ночами долгих зим...»

* * *

И молодость давно отликовала,
И скрыл туман забытые мечты,
Но глянешь из окошка: подковала
Луна Стрельца – и радуешься ты.

И, вроде, всё уж намертво забыто.
«Да всё ли было?» – думается вскользь.
Одно крыло любовью перебито,
Другим крылом взмахнуть не довелось.

Печали нет. Растерянность едва ли
Врасплох застанет на исходе дня.
И в тишине покажется: позвали...
Подумаю: «Наверно, не меня...»

* * *

Грустны любви моей аккорды.
Курю, страдаю и молчу.
Я только днём, как рыцарь, гордый,
А ночью на крик я кричу.

Луны осколок золочёный
Полночи скалится в окне
На то, как я, от горя чёрный,
Сгораю в жертвенном огне.

О, Боже милостив, сошла бы
Луна ущербная со скал,
И я б воспрянул, я не слабый,
И дальше б выходы искал...

* * *

Хлещет ливень, и ты, молодая,
У меня задержалась в гостях.
Кодекс чести с трудом соблюдая,
Я скрываю ломоту в костях.

Для тебя так мучительно длится
Каждый миг и рассчитанный вздох.
Я молю, чтобы дождику длиться,
Но и ты повидала пройдох...

Для тебя я, увы, не избранник,
Только нервы свои щекочу.
«Я тобой очарованный странник», –
В светло-матовый локон шепчу.

Видно, счастья пора не настала...
«Провожу», – говорю, как в бреду.
Ты мне шепчешь: «Уже опоздала
И теперь никуда не уйду...»

* * *

Ах, какая пора на дворе золотая!
За окошком шуршит листопад.
Ты проститься зашла, в край родной улетая, –
Отвечаю тебе невпопад.

Встрепенулось опять неуёмное сердце,
Словно лет стало меньше на треть.
Захотелось мне выдать лихое коленце
И в глаза твои смело смотреть.

Улетай поскорей! Я живу по наитью.
Разорви этот призрачный круг!
Мы с тобой всё равно еле видимой нитью
Не удержим сцепившихся рук...

* * *

Сгорю в огне случайной страсти,
Рассеюсь дымкой в небесах –
Такие страшные напасти
Бывают только в чудесах.

Я пронесу огонь свой тайно,
Да пусть Вас Бог убережёт!
Но Вашу душу не случайно
Мой пепел после обожжёт.

Вы не сгорите, но ожоги
Вас будут медленно терзать.
Душа – не руки и не ноги,
Её нельзя перевязать.

ПРОЗА

Антон ЛУКИН

Антон Евгеньевич Лукин – родился в 1985 г. в селе Дивеево Нижегородской области. Окончил школу, техникум, отслужил в армии. Пишет сказки, рассказы, стихи. Живёт в Дивеево.

Жених из райцентра

Галина Царёва возвращалась из сельмага. Ходила за мукой, собиралась поставить тесто и напечь пирогов. Женщина была полноватой, с узенькими поросячьими глазами и большой родинкой на щеке ближе к носу. Всегда ходила медленной походкой, глядя себе под ноги, и потому её все в селе узнавали за версту – по походке. Проходя мимо, она решила зайти к Марье Полокиной, испить с ней чаю и узнать последние новости из её скучной жизни. Любопытная была, страх. Всюду совала свой нос и этим многих раздражала. Но в отличие от других Марья всегда была тихой и спокойной. Одинокая женщина, никогда ни с кем не ругалась и плохо ни о ком не говорила. Всю свою жизнь, можно сказать, прожила одна. В девятнадцать лет вышла замуж за Ваньку Полокина. Хороший мужик был, тихий, башковитый, работящий, далеко мог пойти бы. Пожили год, и надо же было такому случиться, зимой в лесу на шатуна с Гринькой Володиным наткнулись, обоих задрал. Марья тогда на четвёртом месяце ходила, от ужасной новости и горя ребёнка и потеряла. Замужем так больше и не была. Мать её тоже всю жизнь прожила одна. Отец погиб на фронте в сорок четвёртом. Всю себя посвятила дочери и колхозу. Кроме работы ничегошеньки и не видела. «Некогда отдыхать, – улыбалась бывало она, – на том свете отдохну». И вот уже как седьмой год отдыхает. Мужики всегда дивились ее прыткости. И в колхозе трудилась, и скотину держала – всё везде успевала. И Марья вся в мать пошла. Работа, работа, работа, а годы идут, идут, идут, – старость не за горами.

Зайдя во двор, Галина сразу же заприметила у сарая мужчину. Тот ловко и умело колол дрова, только щепки разлетались из-под колуна. Женщина остановилась и от удивления даже не смогла открыть рта. Откуда он взялся-то? Может, родственник какой? Вряд ли.

– Ты чей будешь? – собравшись с мыслями, всё же спросила она.

– День добрый, – обернулся мужчина и вежливо улыбнулся.

– Добрый, – кивнула Галина. – А что ты тут делаешь? На вора вроде бы не похож.

Мужчина снова улыбнулся и, смахнув ладонью со лба пот, воткнул колун в чурбак.

– Дровишки колю.

– Вижу, что колешь. А хозяйка где?

– В избе.

Галина, ничего не ответив, чуть ли ни бегом забежала в дом. Марья накрывала на стол. Белоснежная скатерть красовалась под расписными тарелками, наполненными едой. И сама хозяйка тоже была очень нарядной и выглядела счастливой. Никогда Галина не видела такой подругу. Зато разноцветная шаль на её плечах тут же бросилась ей в глаза.

– Здравствуй, Галинушка, – вежливо поприветствовала та. – Проходи.

Царёва подошла к окну, глянула во двор и присела всей огромной массой на табурет. Марья смотрела на неё и улыбалась. Рассказывать о работнике сама не спешила, да и если не спроси, и не скажет. Скромность – всегда была её сестрой. На столе у самовара стояла полная чаша шоколадных конфет. На это тоже Галина обратила внимание – в их сельмаг таких сроду не завозили.

– Там кто у тебя, подруга, во дворе так красиво работает? Аль родственник какой нагрянул?

Марья скромно убрала взгляд в сторону и тихо ответила, что не родственник.

– А кто же тогда?

Марья снова немного помолчала, не решаясь сразу ответить.

– Геннадий Андреевич это, стоматолог из райцентра.

– Как же ты чужого мужика к себе во двор пустила? – подивилась Царёва, а у самой глаза от хитрости заблестели.

– Не чужого, – ответила Марья и, немного подумав, призналась: – жить вот вместе собираемся.

– Как жить? – Галина заёрзала на табурете. – Ну-ка рассказывай, подруга, рассказывай, давай, что ты тут надумала и утаила от меня, а?

Марья доверчиво посмотрела на Царёву. Конечно же, ей хотелось рассказать всё и сразу, поделиться своим женским счастьем, которого она так долго ждала, но рамки приличия, которые она всегда соблюдала, не позволяли ей сломя голову веселиться от радости.

– Ну что тут скажешь, – скромно ответила та. – По зиме у меня ещё зубы разболелись-то, страх как. Вот и поехала я в нашу районную больницу, где и познакомилась с Геннадием Андреевичем. До того душевный человек, что разговариваю с ним, и на сердце сразу такая радость, так хорошо. Всё тепло его чувствую, всю доброту его душевную, – по щеке Марии скатилась маленькая слеза, та неловко улыбнулась и стряхнула её пальцем. – Ведь всю жизнь одна прожила и не верила уже, что встречу кого, а тут... с такой богатой и нежной душой, даже и не верится.

– Так что же мне-то ничего об этом не говорила, батюшки мой, – развела Галина руками, – такую новость утаивала. Вот тебе раз, вот тебе и подруга.

– Не сердись, пожалуйста, я и сама своему счастью не верю, – хозяйка разлила из самовара по чашкам чай. – Бывало, приеду в райцентр, посидим с ним в столовой, чаю попьем, побеседуем, и так хорошо мне сразу на душе, так легко, что большего и не надобно. Родной он мне уже. Родной. Вот чувствую его сердцем всего и все тут...

– Так ведь женат, небось, неужто такие мужики на дороге валяются?

Марья покачала головой:

– Вдовец он. Сын уже взрослый в городе живёт.

– И что делать собираетесь? – Галина снова глянула в окно, во дворе по-прежнему крепкий подтянутый мужчина колол дрова.

– К себе зовёт.

– А ты?

– Поеду, – тихо ответила Марья.

Галина скривила нос. Вся эта история ей очень не нравилась. Зависть, какую она сейчас испытывала, не давала ей покоя и душила крепкими руками. Как же так, Марья, и вдруг мужика себе нашла. Да ещё какого! Врача из райцентра. Квартира, небось, хорошая, деньги и работа уважаемая. А её Степан – пьянь на пьяни, кроме бутылки ни черта не любит. И поговорить-то с ним не о чем, не то чтобы уж... Но Галина как-то не расстраивалась по этому поводу уже давно, все они тут деревенские мужики с бутылкой дружат и всегда в мазуте ходят. Но ведь Геннадий Андреевич не такой будет. Наверняка не пьёт, здоровый образ жизни – по фигуре видно, интеллигент. «Да

как же так? Да где же она справедливость-то?» – злилась Галка про себя вовсю. Зависть поедала изнутри и огромной жабой душила. Раньше, коль поругаешься со Стёпкой, придёшь к Марье, посмотришь на неё одинокую, измученную работой, полюбуешься её скучной однообразной жизнью, и на душе сразу как-то хорошо и спокойно становилось. Какой бы ни был Степан, а он всё же есть и рядом. А с Марьей и чувствовала себя как-то Галина счастливой. Ведь судьба у той не заладилась, у неё же всё получше будет. А теперь? Что же теперь? «Ух, самой хитрой оказалась», – бесилась она.

– Это ты зря, подруга, не спеши, не спеши, – залепетала Галина.

– Ну, почему же зря?

– Да потому же! – чуть ли не прикрикнула та. – Глаза хочу тебе открыть. Ты же сейчас в облаках вся летаешь и ни черта не видишь. А кто кроме меня тебе поможет? Ты посмотри на него, – отвернулась к окну. – Глянь, как старается, ух как старается. Авантюрист. Ага, видали мы таких.

– Зачем же ты так, Галя?

– Всем им, мужикам, одно и то же надо, знаем мы их, – махнула рукой. – А ты, дурочка, и клюнула. Ничего, со всеми бывает. Главное вовремя опомниться.

Огонек радости в глазах Марии быстро погас. Она посмотрела на Геннадия Андреевича, как он работает, и снова перевела взгляд на Галину.

– Он не такой, и на работе его все расхваливают: и коллеги, и пациенты, – заступилась она.

– Знаем мы, как их расхваливают, – отмахнулась Галина. – Гляжу, и шаль тебе уже купил?

– Подарил.

– Авантюрист.

– Никакой он не авантюрист, Галина, прекрати так говорить, – у Марии на глазах появились слёзы.

– Уедешь с ним, избу продашь, а потом выгонит, как собачонку.

– Не собираемся мы ничего продавать.

– Это пока не собираетесь. Ты прислушайся ко мне, подруга, ведь плохого тебе не пожелаю. Гони его на все стороны, мол, без тебя жилось хорошо, и проживу ещё лучше. А ты не плачь, – подсела поближе к Марье и стала гладить её светлую голову, – ну чего расплакалась, дурёха. Да они все такие мужики. Господи. Думаешь, мне мой шибко нужен. Просто привыкла к нему уже, ведь по молодости сошлись. Сейчас бы он мне и даром не нужен был. А ты, милая, не плачь, не плачь, а все же прислушайся. Не нужен он тебе, не нужен. Жила и без него, ведь как хорошо. Ну, зачем он тебе? Авантюристы они все, авантюристы!

Марья, облокотившись на стол, плакала. Плакала за свою горемычную судьбу, за счастье, которым все же Господь её не обделил, и за то, что люди, которым никогда не желала зла, к ней так плохо относятся.

Открылась дверь, и в избу зашел разрумянившийся Геннадий Андреевич.

– Что случилось? – спросил с порога тот и тут же подошёл и обнял Марью.

– Колоть каждый умеет, – буркнула под нос Галина и быстро покинула избу.

Быстрым шагом она неслась по селу. Как же так? Марья, и нашла себе врача. Зависть не давала покоя, змеёй хотелось кого-нибудь ужалить и укусить.

– Галка, неужто пожар где, – остановила её Прасковья. – Чего несёшься сломя голову?!

– Понесёшься тут, – отдышавшись немного, произнесла та.

– А что случилось?

– Ой, Прасковьюшка, сейчас тебе такую новость поведаю, такую новость, – залепетала Галина. – Машка Полокина себе мужика нашла.

– Да иди ты!

– Вот тебе крест, – перекрестилась. – Вот только что от неё. Сам с района, а по лицу бандит бандитом.

– У-у-у, ты глянь, что делается-то, – застонала Прасковья.

– Ага, – мотнула головой Галина. – Сама к нему всю зиму с весной бегала в район.

– Батюшки! Марья? А ведь сразу и не скажешь. Не зря говорят: в тихом омуте черти водятся.

– Водятся, ещё какие водятся. Не знаю, беременна али нет, врать не буду, ну ведь чай не девка семнадцатилетняя, верно ведь?

Прасковья мотнула головой.

– Избу, говорит, продам, и к нему перееду. А сам бандит бандитом.

– Ну и дура, это ведь надо, на старости лет отчудить.

– Верно-верно. Ну, давай, Прасковья, а то некогда мне, ещё к Клавке и к Зинке забежать надо. Видишь, что творится, видишь... Галина, раскачивая огромной массой, побрела по деревне. Зависть огромной чёрной жабой улеглась на грудь и душила вовсю...

Алёша хороший!..

Алексею Симакову, или просто Алёше, как все его называли, было тридцать семь лет. Он был не от мира сего, слабым на ум. Слов знал немного, говорил плохо, с задержкой, чаще объяснялся жестами, когда хотел что-то сказать. Был безобидным, наивным и добрым, как ребёнок. Всегда всем пытался чем-то помочь, предложить свою помощь, очень хотел быть нужным обществу. В деревне его все жалели и любили за его спокойный характер. Зимой с утреца выйдет с ломом, и к магазину лёд отбивать, или снег кому где почистит, хоть никто и не просит.

– Алёша хороший! – утирал он перчаткой лоб.

– Хороший Алёша, молодец Алёша, умница, – хвалили его бабы.

– Хороший, – кивал он головой.

Каждый день он захаживал в гости к старику Кондрату. Тот вот уже как второй год схоронил жену Агафью. Хорошей души человек была. Тоже, как и Алексей, всех любила и жалела. Скучно старику одному, совсем раскис, ослеп ещё на один глаз. Тяжело. Поговорить не с кем. Выйдет, бывало, во двор, сядет на завалинку и сидит весь день, на небо посматривая. Молчит. О чём-то думает. Алёша зайдёт, воды натаскает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умел. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забьёт Кондрат табаку, закурит, прослезится. Правый глаз его почти ослеп и всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка, вздохнёт тяжело и давай рассказывать какую-нибудь историю из жизни. Алёша сидит, слушает. А Кондрат мог часами рассказывать о своей долгой работящей жизни. Поговорит, и на душе легко старику сразу. Пускай Алёша и плохой собеседник, больше молчит, но всё же приятно, когда тебя слушают. А слушать Алёша умел.

Жили они с матерью вдвоем. Отец погиб на фронте в сорок четвертом году. Алексею тогда одиннадцать лет было. Есть у него еще брат Макар, что на пять лет младше, но тот уже женат и давно живёт в городе. Детьми обзавёлся. Лизка и Нюрка. Славные девчата, смешные. Лизка на маму больше похожа, и глазами, и характером, тихая, скромная, а вот Нюра, та копия Макара, заводная, любопытная, ни секунды на месте не просидит. Давненько Алексей брата не видел, соскучился по нему и с племяшками давно не играл. Любил он детей, и они его любили, и животные тоже, никакая собака сроду не гавкнет. Всё-таки умеют звери распознавать добрых людей. Умеют.

В том году, уже по осени, к ним в деревню заглянул цыган. Мужчина лет сорока пяти, с маленьким мальчиком на руках. Сам босой. Ребёнку годков пять было. По смуглому и худому лицу его можно было понять, что он голоден. Глаза большие, пугливые. Они заходили в каждый двор, просили помочь, кто, чем может, но многие отказывали. Многие недолюбливают попрошаек, да ещё и цыган. Почему-то этот народ всегда вызывал плохое отношение к себе. Хотя никому не стоит забывать, что они такие же люди и имеют такие же права на жизнь.

Алексей сидел за столом и хлебал щи, когда в дверь постучали и на пороге показался цыган.

– Добрый вечер, – любезно произнёс тот и даже немного поклонился. – Помогите, люди добрые, ради Христа, чем можете, любой помощи будем рады.

Мать протянула тому кусок хлеба с салом и угостила мальчика молоком, гости вежливо поблагодарили и отправились дальше. За окном уже темнело.

– Ма, – посмотрел Алексей на мать.

– И не проси даже, – ответила женщина, – на ночь не пущу. Обворует ещё.

Алексей догнал цыгана уже на конце деревни, дал ему ещё немного еды и снял с себя сапоги. Тот надел их на мозолистые сбитые ноги и поблагодарил от всего человеческого сердца. Цыган очень был тронут такой заботой.

– Алёша хороший! – только и ответил ему Алексей.

Долго потом мать бранила его за сапоги. Неприятно было. Алёша никогда не любил, когда его ругали. И всегда, будь он виноват или нет, уводил глаза в сторону и молча кивал. Но поделать с собой он ничего не мог. Жалко ему было цыгана и кроху на его плечах тоже было жалко. Смотреть на них и то было больно. Нищих всегда жалко.

Как-то летом, когда Алексей растапливал баню, мать получила от Макара письмо, в котором сообщалось, что тот через пару дней приедет с Лизкой, сам на ночь, но дочь собирался оставить на месяц.

– ...Сам бы задержался подольше, но не могу, работа не отпускает. Даст Бог, вырвусь на неделькy ближе к осени. Лизка пока погостит у вас, с месяцок, потом заберу. Нюра едет отдыхать в пионерский лагерь. Вот так вот.., – прочитала Алексею мать письмецо. – Может, Лёшенька, в город поедешь?

– В город?

– В город. С братом. Поживёшь месяцок у него. На город хоть посмотришь. В кино сходишь, в музей какой, на троллейбусе прокатишься.., а за Лизкой поедет, и ты с ним обратно.

Алексей призадумался, взглядом уставился на потолок. Он всегда так, когда о чём-нибудь размышлял, думал подолгу и смотрел вверх. В городе он и правда ни разу не был, а хочет или нет он в город, никогда не задумывался. Наверное, там всё-таки интересно, в городе, и брата давно не видел, соскучился ужасно. Хоть с ним поживёт.

– Алёша хочет покататься на тро... тро...

– На троллейбусе, – помогла мать.

Алёша кивнул головой.

– С Макаркой я поговорю. Город хоть увидишь, – и женщина обняла сына со всей материнской нежностью и заботой. – Город увидишь.

...Алексей стоял на остановке и ждал автобуса. Нервничал. Никак не мог дождаться встречи с братом. Мать осталась дома. Наконец автобус подъехал, и из него вышел Макар с Лизкой, и Стёпка Селезнёв, тот в райцентр катался.

– Алёшка! Алёшка! – бросилась ему на шею Лизка. Тот поднял её на руки и несколько раз подбросил к небу. Подошёл Макар, обнялись. У Алексея выступили слёзы. Он поцеловал брата и грубыми пальцами протёр глаза. Самое тяжёлое было для него прощанье и долгожданная встреча. Алексей всегда нервничал, но потом быстро приходил в себя.

– Ну, здравствуй, брат, вот и снова увиделись, – улыбнулся Макар. – Как с матерью поживаете? Не хулиганишь тут?

– Ну, – замотал головой. – Алёша хороший!

Макар засмеялся.

– Хороший, хороший.

– И Макарушка хороший!

– Ну, – улыбнулся, – стараюсь.

Лизка держалась за дядину широкую ладонь и покачивала его руку. Тот закинул её к себе на спину и, слушая Макара, который всегда любил поговорить, отправились в деревню.

Мать к тому времени уже накрыла стол. Долго обнимала и целовала сына с внучкой. Есть она всё же – радость в жизни. Есть. Живёшь обычной тихой жизнью, вроде бы и всё хорошо, спокойно. А приедут погостить, пусть даже на ночь, до боли родные тебе люди, и такая радость на душе сразу, плакать и смеяться хочется, и понимаешь,

ради чего живёшь, ради вот этих мгновений. Женщина плакала, но то были добрые слёзы, слёзы радости. Потом сидели за столом, пили чай и слушали Макара, который интересно рассказывал про городскую жизнь, про цирк, в который он недавно ходил с семьёй. Лизка перебивала его, говорила, что видела тигров и медведей. Алёша смотрел на брата и представлял себе тигров, полосатых, огромных и никак не мог понять, как это медведь может кататься на велосипеде. Переспрашивал брата, но тот лишь улыбался и говорил, что может, в жизни, мол, всё бывает.

Потом с братом отправились на пруд, порыбачить. Лизка тоже с ними пошла. Эх, и любил Макар рыбалку, всё детство провёл на пруду с удочкой. Алёша сам никогда не ловил, но любил подолгу сидеть на берегу с рыбаками и молча смотреть на поплавки, словно сам ловит. А с первым уловом кружился подолгу у ведра и, вытащив рыбу, поглаживал ладонью серебристую чешую.

– Хорошая рыба!

Мужики смеялись.

Макар медленно осмотрел пруд, задумался, вспомнились далёкие деньки. В небе проплывали пушистые облака и отражались в воде.

– Овечки плывут, – улыбнулся Макар. Он всегда их так называл. Алёша помотал головой. И, размотав удочку, он закинул её в воду. Сидели молча, посматривали на поплавок. Алексей мог сидеть так подолгу, но Лизка не привыкла так, и ей стало скучно. И, оставив брата, они отправились ловить с ней кузнечиков.

Макар поймал несколько окуньков. Слабо клевало. Поутру нужно идти. День пролетел незаметно. Вечером поужинали, поговорили немного. Легли спать. Утром Алексей с Лизкой ушли к старому дубу, что рос возле Воробьёвых. На нём висели качели. Воробьёв старший ещё по весне смастерил их для своих проказников. Алёша раскачивал племянницу, которая весело смеялась, взлетая вверх. Лёгкий тёплый ветерок играл с её косами, и маленькие мурашки пробегали по спине.

Пройдясь немного по деревне и заглянув на луг, где паслось стадо, они отправились к дому. Лизка остановилась у плетня и стала срывать ромашки, хотела папе нарвать букет в дорогу. Алёша зашёл в сени, из избы доносились голоса. Мать беседовала с Макаром по поводу города.

– ...Да пойми ты, не могу я его взять с собою, не могу, – слышался голос Макара.

– Ишь ты, не могу, а ты через не могу, – наседала мать.

– Да куда я его повезу? Ты посмотри на него, люди потом говорить начнут...

– А ты уже брата стесняешься?! – закричала мать. Немного помолчали. – Пускай город немного посмотрит. Ведь дальше Осиновки нашей никуда не ездил. Чай ему тоже хочется, интересно всё же. А за Лизкой поедешь и обратно привезёшь.

– Да не могу я, мам, не могу...

– Вот заладил своё, не могу, не могу!

– Ну, куда я его возьму? Он же дитё. В город одного не отпустишь, мы с Варькой с утра до вечера на работе, нянчиться с ним у меня времени нет. Ну чего он в квартире один сидеть будет? Нет. Ближе к отпуску спишемся, посмотрим. Сейчас нет...

Алёша вышел во двор и уселся на скамейку, обхватив голову руками. По щеке прокатилась слеза. Слова брата не выходили из головы. Он тихонько замычал. Внутри всё плакало, душа рвалась на куски. Было больно. Подошла Лизка и показала букет.

– Красивый?

Алексей поднял голову, посмотрел на племяшку.

– Это я его папе нарвала. Красивый, правда?

Алёша кивнул головой, обнял Лизу и заплакал. Он крепко прижимал её к себе и вытирал слёзы, чтобы та их не видела.

Ближе к обеду Макар попрощался с матерью и отправился к остановке. Алексей с Лизкой отправились его провожать. Всю дорогу тот что-то рассказывал и над чем-то посмеивался, но Алексей его не слушал. Он шёл молча и думал совсем о другом.

– О чём задумался? – поинтересовался брат.

– Алёша плохой.

– Почему плохой-то? – улыбнулся Макар. – Натворил, что ли, чего?

Алёша промолчал. Подъехал автобус. Быстренько попрощались, и Макар уехал. Алексей взял Лизу за маленькую ладошку, посмотрел немного на пыльную дорогу, на удаляющийся транспорт и отправился с ней в деревню. Тяжело было на душе. Больно. Он печально вздохнул и опустил голову вниз:

– Алёша плохой. Плохой Алёша.

Елена ТКАЧЕВСКАЯ

Елена Петровна Ткачевская – родилась 3 декабря 1958 г. Доцент кафедры химии и технологии биологически активных соединений Московского государственного университета тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова, кандидат химических наук. Написание научных трудов сочетает с трудами литературными (чаще – поэтическими, иногда – прозаическими). С 2010 г. – участник ЛИТО ЦДУ РАН. Первая публикация стихотворений была в коллективном сборнике ЛИТО ЦДУ РАН под редакцией Л.И. Колодяжной «Мы рождены для вдохновенья». (М.: Изд-во «Линор», 2011).

Живёт в Москве.

Взаимосвязь небесного с земным…

* * *

Размываются очертания
В предрассветном предчувствии.
И туманные касания
Стволы деревьев чувствуют.
Ни одною не дрогнут веткою
В ожидании просветления,
Даже крыши избушек ветхие
Как ковчеги плывут во спасение.

* * *

Так тихо уходил из дома,
Как будто мы едва знакомы,
Как будто вор, как будто ветер.
И мне теперь на этом свете
Нет поцелуя на прощанье
И возвращенья обещанья,
Лишь двери скрип давно знакомый.
Так тихо уходил из дома…

***

Ты почему-то не почувствовал,
Что я – из твоего ребра.
И сам себе не посочувствовал,
Когда я встала и ушла
В такую даль, такие веси,
Где судьбы наши не сложить.
И ты с тех пор уже не весел,
И бок болит, и трудно жить.

***

Взаимосвязь небесного с земным,
Наверное, лучом проложена прямым,
Иль ожидаемым Звезды паденьем,
А может белокрылым вдохновеньем?
Служа иль внемля вечной Лире,
Бесследности искать не стоит в мире
Ни в том, ни в этом, где душа
Всегда и всюду Вечность вороша,
Из закоулков все сомнения выметая
Вновь возрожда – другая!
В Иерусалим пройдя тернистый путь,
Ни позабыть нельзя, ни отвернуть
От прожитого. И немы уста,
Ни разу в жизни не позвавшие Христа.

***

Стало небо поглядывать в зеркало талых вод.
И совсем не осталось сомнения, что придёт
Ощущенье весны и свежести без забот,
Верба шапкой пушистой нежности зацветёт.
И напыжится гулом, скрежетом ледоход,
И свершится дождя весеннего с неба сход.

* * *

Когда входили в реку дважды,
Саднили раны в исступленьи,
Уже испытанном однажды.
Свет ослеплял в одно мгновение,
Напоминал поступок каждый
Про страх и ужас повторения.
Когда входили в реку дважды,
Не выдержав разъединенья.

***

Остановка шага и дыхания
Под взглядом Дионисиевым.
Вот она – вековая
Сила немыслимая.
Приникнуть и не отпрянуть!
Поддержка или преграда?
Но Спас на меня глянул
Прямо твоим взглядом.
Ужели найдёт день грядущий
С прошедшим связь?
Всё приму, что отпущено
Не умоляя, молясь.

***

Творец решил, что осени палитра
Уже скучна от грязноватых красок,
Что серым цветом многое покрыто,
Оттенки белого нужны для зимних сказок.
И чтобы это обеспечить обеленье,
Рванулся с неба первый снег отважно,
Собой заполнил каждое мгновенье
И окружил собой прохожих важных.
Всем в лица он заглядывал поспешно,
Спешил растаять. Что ж ему бояться?
Ведь первый снег, доверчивый, безгрешный,
Зимой нас обучает улыбаться,
Всё превращая в белые холмы,
Чтобы никто не вздумал сомневаться.
Пришло, пришло предчувствие зимы.
И надобно теплее одеваться.

***

Приглашение к чаепитию
Ох неласковое, ох натужное,
Будто треснула чашка чайная,
Звякнув звонко о блюдце ненужное.
А ведь может быть светлой сказкою
Чаепитие с теплословием,
Если с нежностью, если с ласкою
Да с любовию...

Юрий ПЕТРАКОВ

Юрий Алексеевич Петраков – родился в 1948 г. в Донбассе. Работал музыкальным мастером, сотрудником горисполкома. Трудился в оборонпроме, в аппарате Государственной Думы РФ. Государственный советник Российской Федерации. Входит в состав Высшего творческого совета МГО Союза писателей России. Первая публикация появилась в мае 1975 г. Автор ряда сборников стихов и рассказов. Печатался в России, Украине, США, Израиле и Германии. Имеет государственные, ведомственные и общественные награда СССР, России и Украины. Член правления «Землячества Донбассовцев Москвы».

Живёт в Москве.

Версия «Зеро»

Хмурым февральским днем 1994 года в крохотной лаборатории одного из московских вузов на Каширском шоссе сидели два человека. На столе остывали нетронутыми чашки с кофе. Размышляли о политике. Разговор был серьёзным – о судьбе страны.

Это была их вторая встреча. Первая случилась в октябре 93 года, в канун расстрела «Белого дома» в Москве. Тогда, находясь среди защитников Советской конституции, в районе 20-го подъезда здания Верховного Совета РСФСР, они оказались рядом и подружились. Обоим к тому времени было за сорок. Оба жили в одном районе, работали над созданием систем вооружения. Один в оборонном НИИ, другой – в вузе. Первого звали Александром, второго – Павлом. В ту роковую ночь перед обстрелом они обменялись телефонами и пообещали друг другу, сообщить родным в «случае чего».

К счастью для них тогда всё обошлось всего лишь увесистыми подзатыльниками ОМОНа. И хотя бурные перемены, последовавшие после «известных событий», развели их на какое-то время, они не могли не встретиться вновь. Слишком чужды они были новой власти, хотя и при той, прежней, высоких постов не занимали. Главным, что их объединяло тогда, было стойкое неприятие Горбачёва. Александр давно уже пришёл к мнению, что «горби» на самом деле был лишь пешкой, проведённой в генсеки по чужой воле и стечению обстоятельств. По всему выходило, что двигала его наверх команда «аджубеевцев». Тех самых, которые во времена Хрущёва были связаны с его зятем – Алексеем Аджубеем по учёбе в театральном училище, как Олег Ефремов, по работе в парткоме МГУ, как большинство «прорабов» перестройки, по «Комсомолке», «Известиям» и АПН и так далее. Именно эти люди остались в сухом остатке новой власти, выдавив из ближайшего окружения Михаила Сергеевича тех, кто был связан с ним по работе в Ставрополе, трудился в сельском хозяйстве, которое Горбачёв курировал после смерти его «крёстного» по партийной работе Фёдора Кулакова.

Умудрённые горьким опытом брежневского реванша, «аджубеевцы» создали под Горбачёва новый институт власти – президентский, понимая, что оправившаяся от шока Компартия, рано или поздно уберёт с поста генерального зарвавшегося реформатора.

Серым кардиналом Горбачёва Александр считал Анатолия Черняева, помощника Михаила Сергеевича. Он хорошо помнил, как после августовских событий

91-го демократическая тусовка разбиралась с теми, кто вольно или невольно поддержал ГКЧП. Именно тогда, во время одной из прямых телепередач руководитель «ИТАР-ТАСС» Виталий Игнатенко, стоявший слишком вальяжно в присутствии вернувшегося из форосского «заточения» Горбачёва, вдруг, словно по команде, стал во фрунт при появлении Анатолия Николаевича Черняева.

«Вот он – подлинный архитектор и прораб перестройки», – ухмыльнувшись, подумал Александр.

После августовского путча часть «аджубеевцев» во главе с Гавриилом Поповым поспешили перебраться под крыло Бориса Ельцина. Перебежал к нему и давний знакомец четы Горбачёвых по работе в Ставрополе Анатолий Собчак. Вместе с Ельциным они активно включились в работу по слому социалистической системы. В результате всё кончилось кровавым противостоянием в самом центре Москвы.

На этот раз разговор между Александром и Павлом начался с обсуждения книги Солоневича «Народная монархия». По мнению первого, она появилась не случайно, была написана по заказу «Фонда Владимира», созданного бывшим владельцем Бакинских и Грозненских нефтепромыслов Детердингом, вложившим все свои сбережения в борьбу с Советской властью. О самом Солоневиче – человеке с весьма тёмным прошлым, вспомнили как-то кстати и ко времени. И это настораживало. На тот момент коммунистическая идеология была изрядно подпорчена людьми из ведомства А.Н. Яковлева. В этих условиях книги подобного рода отвлекали людей от главного – ускоренной реставрации власти капитала. Вместе с тем они невольно способствовали объединению патриотических сил, не смирившихся с результатами развала СССР, вокруг провокаторов из бывшего пятого управления КГБ, умело раскрученных в ходе перестройки и гласности.

Обменявшись мнениями по поводу книги, довольные друг другом, Александр и Павел как-то незаметно перешли к обсуждению текущих событий.

Павел доказывал, что оппозиции нет. Что всё подмяли под себя младореформаторы. Что их лидер Егор Гайдар, хоть и вынужден отойти на время от власти, но Ельцин в любой момент может вернуть его на самый высокий пост. Да и тот же Шахрай имеет не меньшие шансы на властный рост. Ведь Ельцин ему доверяет, как никому другому.

– Коммунисты в Думе слабы. Зюганов, похоже, парень наш, но ни на что покуда не влияет. Запад ведёт себя в России как хозяин. И вообще…

Александр возражал:

– Несмотря ни на что коммунистическая фракция в Думе существует. Сохранён институт государственных чиновников, плохих или хороших, не в этом дело. Ведь без государства им хана. А все они хотят жить. И у всех у них есть дети, которые тоже стремятся стать чиновниками и получить свою выгоду от этого. А кроме того, – в стране была и, по всей вероятности, никуда не делась советская контрразведка. Были и есть люди, способные действовать в час «Х». И если хорошенько подумать, избавиться от «демократов» не так уж и сложно.

При этих словах, Павел как-то приутих. Затем, помолчав, заметил:

– Что ты имеешь в виду? У тебя есть конкретные предложения?

На что, Александр, сбиваясь, начал развивать затронутую тему.

– Согласись, Ельцин боится, можно сказать, самого себя. Да, он вполне законно опасается коммунистов. Но одинаково боится и своих – реформаторов. Разве только что Хасбулатов с Руцким делом не доказали способность каждого из них на измену?! Разве Запад, использовавший Ельцина как таран против партии, не стремится заменить последнего на более лояльного и предсказуемого политика? Такого, как тот же Яковлев. Ведь его действия в августе 91-го неслучайны. Тогда он в московской мэрии, под крылом Гавриила Попова, готовил плацдарм новой, проамериканской власти. Не случайно именно он предупредил посла США в СССР о готовящемся смещении Горбачёва.

– Согласен, – немного подумав ответил Павел.

– Ельцину нужно только «помочь» убедиться в подготовке нового заговора, – горячился Александр, – подсказать ему, что возможный заговор исходит именно от Гайдара.

– Но как это сделать? – спросил Павел – Ты думаешь, он такой глупый и поверит?

– Надо подсказать так, чтобы поверил, – настаивал Александр.

На том и порешили. Александр пообещал подумать над сценарием. Павел обязался поискать возможность довести его до серьезных людей.

В эту ночь Александр долго не мог уснуть. В поисках возможного сценария долго ворочался с боку на бок. Перебирал десятки имён – тех, кому Ельцин мог бы поверить:

«Это, безусловно, должен быть человек не только знакомый Ельцину, но и обиженный Горбачёвым. Ведь Ельцин должен поверить, что за Гайдаром стоят серьёзные силы. А именно, связанные напрямую с Горбачёвым или с его командой. Иначе это будет смахивать на детскую страшилку».

Александр хорошо помнил, как на IX съезде народных депутатов РСФСР Алексей Емельянов и Павел Бунич буквально дирижировали Хасбулатовым при рассмотрении вопроса об отрешении Ельцина от власти. И Бунич, и Хасбулатов, и Емельянов бесспорно принадлежали к клану «аджубеевцев». Емельянов стал профессором МГУ. Бунич окончил аспирантуру МГУ во времена Аджубея. Руслан Хасбулатов сменял Гавриила Попова на посту секретаря комитета комсомола МГУ.

Александр хорошо понимал, что Ельцин был не лучшим, а вынужденным вариантом для Запада. Гораздо удобнее для них было бы пришествие на российский престол Александра Яковлева. Когда-то тот стажировался в Колумбийском университете. Жил в Вашингтоне в одной комнате университетского общежития с будущим генералом КГБ Олегом Калугиным и с нынешним послом США в СССР и России Джоном Мэтлоком. В ту пору Колумбийским университетом руководил Збигнев Бжезинский. И хотя, вернувшись из США, Яковлев примкнул к команде «железного Шурика» – Александра Шелепина, стал яростным приверженцем Сталина и его методов управления, американцы прекрасно понимали разницу между публичными симпатиями этого политика и его тайными устремлениями.

Ельцин шестым чувством понимал, что надо опасаться «архитектора развала». Видел в нём конкретного человека, способного при содействии американцев помочь Гайдару прийти к власти после Ельцина.

Уже засыпая, Александр вдруг понял, что нашёл нужную ему кандидатуру:

«Разумовский! Ну, конечно, это мог быть только он! Бывший секретарь ЦК КПСС по оргработе, соратник Медунова, сосед Горбачёва по Северному Кавказу, человек, сделавший немало для упрочения позиций Горбачёва в ЦК, и преданный им так бессовестно и подло».

И, успокоенный пригрезившемся ему решением, уснул.

Через два дня встреча Александра и Павла повторилась. На этот раз они встретились в «Грачёвке», что в Ховрине. Именно там, на пустынной алее парка, недоступной для посторонних взглядов, Александр передал Павлу четвертушку тетрадного листа, на которой был изложен план предстоящей операции.

Павел молча сунул его в карман. На этом и разбежались.

На следующий день Павел позвонил на работу Александру.

– Надо срочно встретиться! Приезжай на «Динамо». Буду ждать у последнего вагона.

От метро «Аэропорт», вблизи которого работал Александр, до станции «Динамо» была всего одна остановка. Через 20 минут друзья встретились.

– Тебя хочет видеть один человек, – сказал Павел, – он читал твою записку. Есть необходимость прояснить отдельные моменты.

С этими словами Павел увлёк Александра в троллейбус, идущий по Ленинградскому проспекту в сторону Центрального аэровокзала. Через две остановки сошли. Перейдя Ленинградку, двинулись к спорткомплексу ЦСКА, где размещался «челночный» рынок. Чтобы не затеряться в толпе покупателей Александр и Павел шли буквально след в след друг другу.

Миновав снующую во все концы толпу, заскочили в один из дальних подъездов комплекса и поднялись на второй этаж. Там, у столика с телефоном, дежурил охранник. Павел подошел к нему и что-то тихо шепнул ему на ухо. Тот позвонил по внутреннему телефону и сообщил об их приходе. Получив добро, он разрешил друзьям пройти в офис.

Пройдя по небольшому коридору, Александр и Павел вошли в глухую, без окон комнатку, в которой за дешёвеньким письменным столом сидел мужчина средних лет, в добротном тмносинем костюме. Увидев посетителей, мужчина поднялся и протянул руку для приветствия.

– Николай, – тихо представился он и пригласил друзей присесть.

– Я посмотрел вашу бумагу, – обратился он к Александру, сразу беря быка за рога, – Почему именно Разумовский?

В ответ Александр привел ему свою аргументацию.

– Допустим, – сказал Николай, – он вполне мог получить такую информацию. Но кто передаст самому об этом?

На это Александр, слегка замявшись, ответил:

– Я уверен, что Гайдара и компанию, мягко говоря, не любит охрана Е.Б. Думаю, если он получит такую информацию от Коржакова, будет хорошо всем и нам – и Коржакову, и России. На мой взгляд, первым звеном в передачи этой информации мог бы стать Александр Невзоров.

Услышав эту фамилию, Николай слегка усмехнулся.

– Нет, ему-то уж он точно не поверит!

– Ну, тогда таким человеком вполне мог бы стать нынешний губернатор Краснодарского края. Ведь Разумовский оттуда. Хотя, возможно, я и ошибаюсь.

– Хорошо, – закрыл эту тему Николай, – подумаем. И, побеседовав с пришедшими еще минут десять, попрощался на этом.

Расставаясь, Павел сказал Александру, чтобы тот постарался забыть и об этой встрече, и о месте её проведения.

23 февраля Павел неожиданно пригласил Александра к себе домой. Собралось человек восемь. Пили разбавленный водой спирт «Рояль» польского происхождения, закусывали солёной капустой с мочёными яблоками. Спорили главным образом о том, кого из политиков поддерживать. Сошлись на Зюганове. Размышляя об этом событии, Александр решил, что его записка пошла в дело. По всему было видно – ждать оставалось недолго.

Второго марта из Парижа в Москву возвратился Борис Ельцин и сразу же отправился на отдых в Сочи. В тот же день с ним встретился краевой голова Николай Егоров. И, хотя по телевидению об этом говорилось как-то вскользь, такого, чтобы Ельцин, не заезжая домой из зарубежной поездки, сразу же отправлялся в новую, пусть даже на отдых, до этого ещё не бывало. Тогда в Москве впервые заговорили о плохом здоровье российского президента.

Четвёртого марта Центризбирком России неожиданно для всех зарегистрировал инициативную группу по выдвижению Егора Гайдара на пост президента России. А, начиная с 17 марта, в кабинетах влиятельных российских журналистов начали трезвонить телефоны. Москва стала наполняться слухами о новом путче.

Первой поспешила обнародовать громкую политическую сенсацию «Общая газета». 18 марта она опубликовала информацию о так называемой «версии один», согласно которой отстранить Ельцина от власти собирались первый вице-премьер Олег Сосковец, начальник генерального штаба Михаил Колесников и мэр Москвы Юрий Лужков. В группу заговорщиков, якобы, входили: Владимир Шумейко, Михаил Полторанин, Юрий Скоков, Павел Грачёв, Виктор Ерин и Сергей Степашин. Через день эту «версию» подхватила телепрограмма «Итоги». Ещё через два дня комментарии по поводу «версии один» появились во всех газетах.

Разумеется, Александр не мог не обратить внимания на то, что эта «версия» была сделана, как бы, шиворот-навыворот, говоря словами математиков – от противного. Ведь в ней, в качестве «заговорщиков» фигурировали самые близкие и самые преданные Ельцину, после Коржакова с Барсуковым, люди. В глубине души он понимал, что подобный ход лишь способствовал тому, чтобы Борис Николаевич, получив «правдивую» информацию от Егорова, лишний раз уверился в её правоте.

Либералы оказались совершенно не готовыми к такому ходу событий. Министр по делам национальностей Сергей Шахрай считал, что «это – хорошо организованная дезинформация». А заместитель секретаря Совета безопасности Владимир Рубанов,

бывший комитетский советник Владимира Бакатина, предполагал, что составители этого документа – «люди, не работающие на государственном уровне, но крутящиеся где-то поблизости от власти». Вслед за этими публикациями, стали сгущаться тучи над ФСК и Сергеем Степашиным, которого «демократы» обвиняли в том, что он не смог обнаружить источник создания «версии». Дальше – больше: 19 марта в ночь была внезапно отключена телефонная связь в Доме правительства. Затем последовал срочный вызов Виктора Черномырдина в Сочи к президенту.

Уже тогда Александр отметил одну странность, ставшую ему понятной впоследствии – впервые рупором противников либеральной прессы выступила «Независимая газета» Бориса Березовского. Именно она защищала службу государственной безопасности. Это лишний раз указывало на тесное сближение Березовского с Коржаковым. А псевдоним «Максим Исаев», под которым выступал в «независиське» автор статьи, лишний раз подчёркивал, что советская контрразведка всё ещё жива и действует. В статьеё явно не случайно подчёркивалось, что в большом здании на Лубянке хорошо помнят истинную цену тем, кто не так давно мечтал попасть в КГБ в качестве сексотов, чтобы делать дальше свою карьеру. Теперь многие из них – нынешних государственных чиновников, политических деятелей и известных журналистов резко критикуют свою бывшую «контору».

Политики патриотического толка, озабоченные положением вокруг «версии один», тоже не сидели сложа руки. Николай Рыжков, Аркадий Вольский и Геннадий Зюганов провели в «Домжуре» пресс-конференцию, на которой сообщили, что корни заговора следует искать в другом месте и среди других людей.

Все эти дни Александр был ни жив, ни мёртв. Павел на звонки не отвечал. На ЦСКА Александр ехать тем более не собирался. Он хорошо понимал, что в игрищах такого толка свидетелей, посвящённых во все тонкости и детали, быть не должно.

Разрядка наступила 25 марта. Именно тогда стало известно имя «автора» пресловутой «версии». Им оказался главный редактор журнала «Век XX и мир» Глеб Павловский, в прошлом диссидент, по всему видно ещё при советской власти попавший на крючок КГБ.

Александр понимал, что организаторы нулевой версии, следуя законам жанра, подсунули возбуждённому общественному мнению козла отпущения. Сам того не подозревая, Павловский собственными руками подготовил компромат на самого себя. На этом всё и улеглось.

Оргвыводы остались незамеченными прессой – 16 мая Сергей Шахрай вынужден был уйти с поста министра национальностей Российской Федерации, а Николай Егоров вначале стал первым лицом этого ведомства, а затем и главой президентской администрации. Резко пошёл в гору и Борис Березовский. Гайдар же с тех пор навсегда впал в немилость у Бориса Ельцина.

Где-то через полгода Павел опять позвонил Александру.

– Слушай, тебя хочет видеть наш общий знакомый, – сказал он в трубку.

– Всегда готов, – радостно ответил Александр.

На этот раз добирались до места на 27-м трамвае.

В знакомой комнатке их встретил радушно улыбающийся Николай.

– Ну, что! Загнали мосек за Можай, – весело сказал он и подмигнул Александру. – Кого теперь гнать будем?

Александр, готовый к такому вопросу, тут же выпалил, – Юрия Лужкова!

И стал подробно рассказывать о том, что группа «Мост», созданная Владимиром Гусинским на самом деле является мозговым центром московского градоначальника в борьбе за проамериканскую власть в России.

2 декабря 1994 года сотрудники Главного управления охраны президента России в московской мэрии, расположенной в здании бывшего СЭВа, произвели операцию «мордой в снег». Проводили её, как выяснилось позже, по указанию самого Коржакова.

В это же время, московские журналисты получили из конфиденциальных источников «справку по уголовному делу №50464 по обвинению В.А. Гусинского», относящуюся к декабрю 1986 года. В результате Гусинский на полгода уехал из России.

На этом контакты Александра с Николаем прервались так же внезапно, как и начались. На вопросы Александра о нем Павел отвечал, что тот бросил политику, находится где-то за границей, занимается бизнесом. Однако иногда просил готовить для себя разного рода материалы – то по событиям в Чечне, то по проекту приватизации российской госсобственности, то по отдельным персоналиям.

По правде, Александр не верил в россказни Павла, и не ошибся.

В январе 1995 года в квартире Александра раздался ранний телефонный звонок.

– Александр Алексеевич? С вами говорит депутат Госдумы Борис Игнатьевич Божков. Вы не могли бы приехать для разговора в Думу?

«Выходит “Версия зеро” будет продолжена», – подумал Александр, кладя трубку на рычаг телефона.

ПОЭЗИЯ

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. В 1987 г. окончила МГПИ им. В.И. Ленина по специальности «учитель английского и немецкого языков». В 2000 г. ей было присвоено звание учитель высшей категории. С 2001 г. Юлия Александрова работает старшим преподавателем кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. Автор четырёх сборников лирических стихотворений – «Имя моё …» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009) и «Жизнь – река» (2010) и двух сборников прозы – «Букет ландышей» (2009), «Окно в сад» (2011). Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Путешествие по большим и малым городам России

Ода Петербургу

Каменград, Каменград!..
Площадь в пурпурных листьях,
На Дворцовой – янтарные желуди
В жухлой траве …

Анастасия Дубова

Посвящается моим родителям

Вас нет уже давно на этом свете,
Но город, что любили вы, живёт.
В нём в мае ночь всегда бывает светлой-
С закатом здесь сливается восход.

Адмиралтейства шпиль, как солнца лучик,
Пронзив собою небо, он горит
И гонит прочь сгустившиеся тучи ...
Вода в Неве закована в гранит.

На Аничковом бешеные кони
Летят – их вряд ли смогут обуздать.
Вот Мойка. Пушкин. Тот январь. Агония –
Сжимает сердце боль таких утрат.

И воздух я вдыхаю грудью полной,
А он сырой из-за количества воды –
Каналы, реки, да залив просторный,
Не раз спасавший город от беды.

Скопление различных аллегорий,
От глаз чужих укрылся Летний сад.
О, Питер! Я сверну любые горы,
Когда вернусь в свою Москву назад.

Запомню я дворцы твои и храмы
И величавый образ Спаса на крови.
Упряма я, а Пётр любил упрямых,
И ощущаю часть его большой любви.

Хоть город называют Каменградом,
Имеют камни здесь историю свою.
Сюда я возвратиться буду рада,
И Петербургу снова оду пропою.

Музей-усадьба Репина «Пенаты»

Шла я к дому по лесу заснеженной тропкой,
Лапы елей склонялись ко мне очень робко,
Обнажённые ветви берёз обнимали –
Их объятья легки, как Посадские шали.

Из колодца вода вниз струилась потоком.
Холодна, обжигала как будто бы током.
А к кормушкам немало слетелось пернатых,
И скрипели ступени у входа в «Пенаты».

В доме пахло уютом, картины повсюду,
Сохранилась старинная мебель, посуда.
В мастерской запылились заветные кисти,
А в фарфоровой вазе осенние листья.

Киноплёнка тех лет чудом здесь уцелела:
Знаменитый художник стоит на аллее,
Побывавших в усадьбе тепло провожает...
С обновлённой душой каждый гость уезжает.

Сестрорецк

Ветви деревьев, как брови вразлёт,
А на заливе потрескался лёд.
Северный ветер надежду принёс
В город, где во́ды солёны от слёз.

Ветер в макушку целует дубы,
Ставшие частью военной судьбы.
К во́дам большим устремилась река –
Рябь на Сестре, как пушинка, легка.

Серый в заплатках над ней небосвод.
Красный кирпич – оружейный завод –
Память о славе России хранит...
Тянет к себе Сестрорецк, как магнит.

Воспоминание о Ростове

Поддетый ветром лист проделывает сальто,
В печной трубе поют тихонько голоса.
И осени хмельной высокое контральто
Взлетает резко вверх, пронзая небеса.

Укутанный в туман, спит на рассвете город,
Озёрною водой умыться не спешит.
Он любит только тех, кто сердцем вечно молод,
Им ставни распахнул своей большой души.

Ворота у Кремля ещё закрыты плотно,
Молчат в столь ранний час его колокола.
Господь благословил навек все те полотна,
Где в дымке серой спят Ростова купола.

Город Мышкин

На Волжском берегу вдали от суеты
Есть русский городок неброской красоты:
Приземисты дома и улочки кривы,
Но сердцем и душой в нём отдохнёте вы.
Луч солнца как смычок касается едва
Наличников резных. Они как кружева.
Пропитана давно здесь древностью земля,
Вокруг одни леса, равнины и поля.

А если тучи вдруг появятся шутя,
То окунётесь вы в купели из дождя.
Очиститесь душой, познаете Любовь,
Захочется и вам вернуться в Мышкин вновь.

Торжок

Есть на земле исконно русский уголок –
Старинный город под названием Торжок.
И в нём по лестнице (простим мы ей каприз –
Хранить всё в памяти) спускался Пушкин вниз,
В уме слагая для бездарнейших потомков
Панно стихов из разноцветных фраз – обломков

Тех впечатлений от людей и от реки
Тверцы, где омуты на редкость глубоки.
И от часовни, что ротондою зовут,
Где собирался и простой, и знатный люд.
И от расшитых нитью золота уборов,
Что красотой своей притягивали взоры.

И от того, как встарь блестели купола,
А жизнь в провинции неспешно так текла.
И от ажурных паутинок – фонарей,
Что освещали вход у каждой из дверей.
Да и сегодня ждёт Торжок лишь тех туристов,
Кто в старину влюблён и помыслами чистый.

Карелия

На серых скалах сосны выстроились в ряд.
Стройны. Похожи на натянутые струны.
Остановитесь и послушайте! Гудят?! –
То ветер, гладя их, слагает свои руны.

Не удивительно, что здесь стоят скиты,
Ведь многих путников деревья поразили –
Верхушки елей так похожи на кресты,
А кроны сосен в купола преобразились.

Вода в озёрах так прозрачна и чиста –
Совсем как слёзы мирроточащей иконы.
А чтобы стала ваша жизнь как береста,
Живите вы по десяти простым законам.

Моя Москва

Какая же Москва моя красивая
Весной, когда умыта вся дождём.
И церкви, будто кони златогривые,
Зовут, как мать зовёт ребёнка в дом.

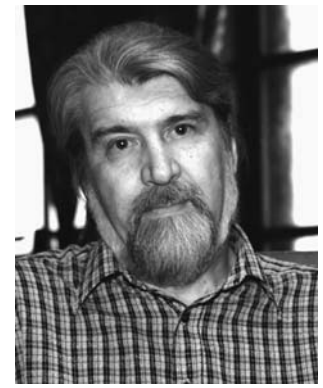
А летом, когда зной испепеляющий,
Пройдёшься по бульварам не спеша.
И солнышком в листве дерев играющим
От счастья замирает вдруг душа.

И в платья Воробьёвы горы осенью
Оденутся. Готовы к дефиле.
И небо кружевное с яркой просинью
Подарит на показ тебе билет.

И набережных грусть на радость сменится
Зимой. От снега кругом голова...
Я стала навсегда твоею пленницей,
Мой город и судьба. Моя Москва!

Сергей ДУБЯНСКИЙ

Египтянка



Сергей Дубянский (Сергей Николаевич Васильев) – родился в 1955 г. в Воронеже. Окончил Воронежский политехнический институт. Работал на заводе, начав с инженера-наладчика и закончив начальником отдела, занимался предпринимательской деятельностью. Один из создателей и председатель Воронежского городского литературного объединения «Орион» в середине 1970-х гг. Автор одиннадцати книг прозы, печатался в журналах «Подъём», «Север», «Странник», «Сура».

Живёт в Воронеже.

Андрей уже отвык созерцать окрестности с высоты КамАЗовской кабины. Его «пятёрка» позволяла усмотреть трещины в асфальте, отдельные листочки, составляющие блёклое панно увядающей лесополосы, и даже порой угадывать содержимое кучек мусора, оставленного отдыхавшими водителями. Зато сейчас вернулось знакомое состояние настороженности и тревоги, когда недопустимо отвлекаться на такие мелочи, как природа. Дорога стала казаться ровной и гладкой, без единого изъяна; деревья, вроде, сделались меньше, а не успевшая окончательно пожухнуть и почернеть трава стелилась вдоль шоссе ровным полотном цвета хаки. Андрея возбуждало давно канувшее в прошлое состояние опасности, непроизвольно рождавшее галерею навязчивых картин, которые преследовали его с садистской методичностью на протяжении всех прошедших с той поры лет. Причём, с каждым годом они, как ни странно, становились всё ближе и яснее...

...Со стороны такого мирного, лирически печального леса ударила автоматная очередь, срезавшая двух пацанов, возникших на обочине словно ниоткуда. Один из них упал и замер, обхватив руками живот, прижав чёрную курчавую голову так, что стал похож на большую запятую. Другой ещё бежал, но наконец тоже упал, отчаянно воя и катаясь по земле, пока очередные выстрелы не заставили его замолчать и успокоиться навсегда...

Андрей мотнул головой, отгоняя проклятое наваждение, и КамАЗ будто пронёсся мимо этого странного, совершенно немотивированного миража. Фигурки совсем других пацанов, весело смеющихся и абсолютно реальных, остались позади.

Андрей привык, что подобные сценки могут возникать в сознании совершенно неожиданно, без видимых ассоциаций и поводов, поэтому давно сжился с постоянным ожиданием очередного надвигающегося кошмара, противоестественного и ирреального. Но он-то знал, что это не бредовые фантазии, а кусок его собственной жизни. Отделял её от сегодняшнего дня какой-то несчастный десяток лет.

По сторонам замелькали однообразные в своей черноте поля, с жёлтыми мазками запаханной в землю соломы. Скучный и безликий пейзаж не вызывал желания вглядываться в него пристальнее и не рождал никаких мыслей. Только двигатель ревел так надсадно, что даже валявшийся на «спалке» магнитофон слышался еле-еле, добираясь до ушных раковин ритмичным стуком

ударника. Стало тоскливо от отупляющего рёва, поглотившего всё вокруг – вроде, мир за окном, потеряв способность звучать, умер безвозвратно.

Андрей закрыл глаза. Спать не хотелось, хотя и выехали они в пять утра, а сейчас время близилось к вечеру. Хотя нет, до вечера ещё далеко. Он даже успеет заехать в офис и переложить в сейф деньги, чтоб не таскать их в общественном транспорте.

В принципе, никому и в голову не могла бы прийти мысль, какая сумма скрыта за чёрными боками старенького потёртого кейса, но Андрей на собственном опыте знал, что в жизни бывает ровно столько случайностей, сколько ошибок мы допускаем, пытаясь предвидеть возможное развитие событий. Может быть, потому он и выжил в той дурацкой войне, что понял – пуля иногда попадает совсем не в того, в кого целится снайпер.

Водитель закурил – Андрей ощутил это по горьковатому дыму, поползшему по кабине. Когда-то он и сам курил достаточно много, но в один не слишком прекрасный день вдруг почувствовал, что взбегает к себе на пятый этаж без прежней лёгкости, а сердце бьётся как-то слишком натружено и дыхание неприятно учащается. Может быть, дело было в возрасте, всё-таки сорок пять – это уже не двадцать, но ему не хотелось так думать. Гораздо приятнее всё списать на пагубное действие никотина. Никто не верил, что он, привыкший прикуривать очередную сигарету, пока предыдущая испускала в пепельнице последний голубоватый вздох, сможет «завязать» в одночасье. Но он завязал, причём не прибегая, ни к кодированию, ни к всевозможным щадящим методикам. Просто взял и бросил, решив, что должно быть именно так. С того момента прошёл год, и сейчас он с недоумением вопрошал себя, зачем требовалось столько лет изображать огнедышащего дракона.

Водитель был гораздо моложе Андрея. Ещё выезжая в рейс, он пытался завязать беседу на животрепещущие для дальнобойщика темы запчастей, солярки и плечевых девочек, тоскливо стоящих на трассе в ожидании «любви». Андрей не поддержал разговора, отвечая односложно и без всяких эмоций. Беседа сама собой сошла на нет. Даже во время разгрузки они не разговаривали, стоя рядом и молча наблюдая, как грузчики не спеша сбрасывают на землю плоские белые тюки, а потом, словно муравьи, тащат их в чёрное чрево склада.

Теперь они ехали обратно. Ехали уже несколько часов в том же привычном молчании, снимавшем тяжкую задачу общения.

Андрей открыл глаза, почувствовав, что КАМАЗ сбавил скорость. После черноты полей, словно по мановению волшебной палочки, возникли добротные белые домики и вереница женщин, удобно устроившихся на складных стульчиках возле вёдер с картошкой, луком и ярко-красными яблоками. Машины, не останавливаясь, двигались дальше, но это не смущало торговок – они смеялись, что-то оживлённо обсуждая между собой.

…*Нормально,* – решил Андрей, – *через час будем в городе*…

Он снова закрыл глаза, мысленно подсчитывая в очередной раз, сколько им удалось заработать с этого рейса. На протяжении пути он делал это не единожды, неизменно получая один и тот же результат, но занять мозги всё равно больше было нечем. К тому же, довольно приятно ощущать, что это не просто абстрактная цифра, а выражается она в тугих плотных пачках, аккуратно уложенных в кейсе.

Куда употребить свою долю – этот вопрос возникал у него после каждой поездки, но почти всегда оставался без ответа, поэтому пухлые пачки рублей превращались в тонкие пачки долларов и намертво оседали в хранилище одного из банков, где он, опасаясь квартирных краж, уже почти год арендовал ячейку.

Андрей считал себя человеком непритязательным. Его устраивала однокомнатная квартира, деньги на которую он заработал на «той» войне; устраивала машина, приобретённая в весьма плачевном состоянии у незнакомого пожилого мужчины. Ещё на авторынке Андрей прочитал в его глазах, что авария, так изуродовавшая машину, произвела на него неизгладимое впечатление, и больше он вряд ли когда-нибудь сядет за руль.

Сам Андрей не боялся, ни смерти, ни искорежённого металла, и к тому же тогда ещё работал как раз на станции техобслуживания. Кажется, это было ужасно давно, в

какой-то другой жизни, а фактически прошёл всего год. Именно тогда он познакомился с Ириной. Само знакомство можно назвать мимолётным, как и все его отношения с женщинами, но оно, в отличие от остальных, сыграло большую роль. У Ирины оказалась подруга, у которой, в свою очередь, имелся муж Володя, пытавшийся начать свой бизнес и искавший достойного компаньона. «Достойный», в его понимании, означало, что компаньон не должен быть умнее и хитрее самого Володи, не должен стремиться обокрасть его, не должен лезть в хитросплетения контрактов и коммерческих переговоров, и за это получал бы строго оговоренный процент с заработанных денег. Ещё он должен быть твёрдым и решительным, чтоб принять на себя ответственность за определённые решения, в том случае, если сам Володя терялся и интеллигентно уходил в сторону. Сокращённый из армии боевой майор как нельзя лучше подходил на эту роль.

Андрей прекрасно понял своё место, свои задачи и вполне осмысленно согласился с новым положением. Тем более, этот род деятельности сулил такие деньги, о которых он не мечтал, ни в армии, ни в автомастерской. Только на «той» войне платили больше, но у него пропало желание стрелять по живым мишеням; видеть, как они умирают, и воспринимать это в качестве обычной рутинной работы. Иногда, правда, в нем вспыхивали искры беспричинного гнева, и тогда он чувствовал – окажись в его руках АКМ!.. Но он старался давить в себе подобные порывы и, как следствие, появлялись они всё реже и реже.

– Приехали, командир, – весело объявил водитель.

Андрей протёр глаза. Наверное, он всё-таки задремал, раз не почувствовал, как КамАЗ остановился и облегчённо выпустил воздух из пневмосистемы.

Они стояли в двух шагах от старого пятиэтажного дома, в котором Володя снял квартиру под офис. В сущности, назвать это помещение офисом было трудно, потому что всю обстановку составляли стол и три облезлых стула, оставшиеся от прошлых хозяев. Недвусмысленно вытертые обои чётко показывали, где раньше стоял диван, а где кресло, в котором кто-то когда-то подолгу смотрел телевизор, упираясь локтем в стенку.

Нежелание делать ремонт и покупать новую мебель Володя объяснял тем, что скоро они переберутся в один из утративших былую значимость проектных институтов, фасады которых последнее время запестрели вывесками всевозможных коммерческих структур и фондов. Вот, там всё будет серьёзно и по-настоящему.

Перспектива посидеть в мягком кресле за красивым столом Андрея не прельщала (он привык работать и в худших условиях) – его вполне устраивало то, что здесь имелся телефон, факс и компьютер, которые в комплексе полностью обеспечивали работоспособность фирмы, а живые посетители приходили к ним редко. Кто ж поедет из какого-нибудь захолустного райцентра, чтоб лично посмотреть на полипропиленовые мешки, одинаково белые, шуршащие и отличающиеся только ценой? Для всех этих сахарных заводов и мукомолок они лишь неприятная мелочь, без которой невозможно реализовывать собственную продукцию.

– Спасибо, – Андрей отсчитал необходимое количество купюр и легко выпрыгнул из кабины, – если что, позвоню.

– Мы завсегда, – улыбнулся водитель, пряча деньги.

Зайдя в подъезд, Андрей услышал пронзительный телефонный звонок – таким противным голосом обладал только их аппарат. Пока он шёл к двери, телефон ещё продолжал звонить, но трубку никто не снял. Что Володя уехал на поиски новых клиентов и вернётся лишь послезавтра, Андрей знал, но Вика должна была находиться на месте. Они, собственно, и взяли её, чтоб отвечать на звонки и записывать информацию в их отсутствие; причём, платили неплохую, по общегородским меркам, зарплату.

Ещё на фирме имелся бухгалтер-совместитель из одной солидной строительной компании, появлявшийся в офисе только в момент составления квартальных балансов. Даже подписывать платёжные документы Володя ездил к нему в просторный кабинет, отделанный светлыми панелями, с точечными светильниками на потолке и телевизором в углу. Андрей посетил его всего раз и сразу решил, что иметь такой кабинет можно от избытка либо средств, либо честолюбия.

Телефон смолк, так и не дождавшись ответа. Андрей на всякий случай пошарил по карманам, хотя прекрасно помнил, что не брал ключ от офиса, чтоб не рвать карман его острыми гранями. Да и зачем таскать его в другой город, если секретарь должна находиться на рабочем месте до пяти часов?

Для очистки совести, Андрей несколько раз нажал кнопку звонка и медленно спустился вниз. Уселся на лавочке у подъезда, поставил кейс на землю и плотно сжав его ногами, устремил взгляд в другой конец двора, где между домами то и дело возникали цветные пятна двигавшихся по улице автомобилей.

…Подожду – может, отошла за кофе или за сигаретами. По-моему, курить и пить кофе – её основное предназначенье в этой жизни… нет, ещё причёсываться и красить ногти… За другими занятиями Андрей Вику практически не видел, хотя, справедливости ради, следует заметить, что сам бывал в офисе не каждый день, да и надолго не задерживался.

Прошло десять минут.

…Это всё Володькина инициатива, – подумал Андрей неприязненно, – *взял смазливую соплячку. Наверняка, трахает её, но работа-то здесь при чём? Может, это звонил клиент, который хотел купить тысяч сто мешков, а сейчас найдёт их в другом месте. Я б посадил сюда аккуратную бабулю, которая, при своей скудной пенсии, пахала б и пахала!.. А Вика на панели больше заработает… так нет, Вовку бабуля не устраивает – ему нужны ноги из-под коренных зубов…*

Через двор прошёл мальчик с рюкзачком на плече, жующий жвачку так смачно, что изо рта вылезали блестящие розовые пузыри, а лицо у него было глупое и довольное. Мужчина с толстым, перекормленным ротвейлером на поводке скрылся в подъезде соседнего дома. Женщина лет тридцати вышла из их подъезда; остановилась, похоже, соображая, куда идти. Её лицо выглядело совершенно растерянным, словно она заблудилась среди пяти тополей, тесной кучкой сгрудившихся посреди двора. Она стояла так близко, что Андрей мог легко разглядеть каждую складку на её потертой кожаной куртке, но делать этого не хотелось – слишком невзрачным показалось ему это существо. Он перевёл взгляд в дальний конец двора – туда, где уже потемневшие окна скрывали чужую, недоступную жизнь. Пустые окна... хотя, нет – пустые окна выглядят совсем не так...

Андрей прикрыл глаза – сразу, будто из тумана, возникла площадь. Разграбленный магазин с разбитыми витринами; улица, перегороженная бронетранспортёром, и столик на углу, экспроприированный в ближайшем кафе с разбитой, нечитаемой вывеской. За столиком сидел человек в камуфляже и кроссовках; склонив голову на бок, он что-то писал. Рядом стояли люди, молча переминаясь с ноги на ногу, готовые в любую минуту покинуть совсем недлинную очередь и скрыться... но куда?

Справа зияло пробоинами и искорёженными окнами солидное, в прошлом административное, здание – видно, что его долго расстреливали в упор из танков и гранатомётов. У дверей «Скорая помощь», в которую грузят накрытые тряпкой носилки; рядом парень в джинсах и голубой штатской рубашке, но с автоматом на плече сует в машину сумку с буханкой хлеба и пучком зелёного лука. Скорее всего, сумка принадлежала лежавшему на носилках телу... Звуки почему-то отсутствовали, хотя Андрей прекрасно знал, что буквально в двух кварталах танки с сине-жёлто-красными флагами, корёжа асфальт, двигаются по улице, и их гул непременно должен быть слышен на площади. На броне сидят вооружённые люди с белыми повязками на рукавах; они бездумно палят из автоматов, поливая свинцом окрестные дома; дождём сыплются оконные стёкла. Все эти звуки тоже должны были быть слышны, но Андрей радовался, что «громкость выключили», ведь иначе в общий фон вплелись бы ещё женский плач, стоны и крики раненых...

Он с трудом, словно просыпаясь, открыл глаза. Наверное, прошло всего мгновение, потому что двор ничуть не изменился, и даже растерянная женщина стояла на том же самом месте, только теперь она смотрела на него испуганно и удивлёно. Андрей тяжело моргнул, и она облегченно вздохнула, убеждаясь, что с ним ничего не случилось, а потом быстро пошла прочь. Андрей смотрел вслед, и что-то знакомое почудилось в её удаляющемся облике. Хотя нет, он не мог её знать – скорее всего, просто видел

когда-нибудь, заходя в офис. Глубоко вдохнул сухой осенний воздух, принёсший из дворов запах листьев и дым костра. Это окончательно возвращало мир реальности. Андрей взглянул на часы – прошло уже полчаса, а Вика не появлялась.

…Действительно, чего приходить, если до конца работы осталось-то… Поднявшись, Андрей взял кейс; проверил замки (будет совсем глупо, если на остановке из него вдруг повалятся пачки денег) и не спеша направился навстречу автомобильному потоку пёстрой лентой вившемуся позади домов.

Нельзя сказать, чтоб он злился. Злость, в его понимании, подразумевала бурные эмоции, выражающиеся в криках, ударах кулаком по столу; может быть, даже мордобое, но обязательно это было что-то временное, уступающее место либо раскаянию, либо сладостному торжеству победы. В данном случае ему не хотелось никому набить морду. Он тихо ненавидел, понимая, что, скорее всего, ничего не сможет изменить в ситуации. Обязательно будет найдена причина Викиного отсутствия, и Володя сочтёт её достаточно веской, чтоб закрыть тему; потом они вдвоём с Викой будут объяснять ему, что ничего страшного не произошло, а то, что в это время кто-то звонил, ерунда – кому надо, перезвонит ещё раз. Он никогда не сможет убедить их в обратном, потому что слов для этого не найдёт – не учат в нашей армии красноречию. Там не требуется никого убеждать, а достаточно показать количество и величину звёзд на погонах, чтоб сразу оценить, чьи аргументы более весомы.

Кстати, возможно, поэтому Андрей не любил общаться с женщинами – они не могли оценить величины звёзд, а сыпали словами, причём, так быстро и бестолково, что угнаться за ними становилось просто невозможно. А ещё в их арсенале имелось такое изощрённое оружие, как слёзы. И что он мог противопоставить всему этому? Ничего. В этом он убедился ещё по окончанию училища, когда молодым лейтенантом получил предписание на юг Читинской области – в такую глухомань, куда армейские тягачи добирались зимой по речному льду, а летом в объезд, теряя в пути четыре дня.

Он уже забыл, как выглядела его первая любовь – помнил только, что звали её Нина. Она сумела убедить его, что жить в такой дыре не сможет, несмотря на всю трепетную любовь, и поэтому им лучше расстаться. Он уехал один в край, где, в основном, обитали суровые мужчины, так и не успев осознать, для чего же нужны в этой жизни женщины. Но уехал с лёгким сердцем, потому что всё казалось правильным и достаточно обоснованным. Потом ему встречалось много всяких женщин, которых он использовал, не только не запоминая имён, но порой даже не зная их... и ещё одна, стоявшая особняком в этой безликой шеренге, вспоминать о которой он себе запретил.

До дома Андрей добрался без приключений и ещё раз позвонил в офис, но как он и предполагал, никто не ответил.

* * *

Проснулся Андрей как всегда резко, будто и не спал вовсе. Было ещё темно, но тренированный организм подсказывал, что уже утро. Отдёрнул штору – сквозь забрызганное стекло проглядывали желтоватые окна таких же как он «жаворонков»; тяжёлые капли гулко стучали по металлическому подоконнику. Отопительный сезон ещё не начался, поэтому в квартире было сыро и зябко. По единому, чётко заведённому расписанию, он поставил чайник и направился в ванную. Тёплая вода зашумела в раковине; яркий свет отразился в белых кафельных плитках – казалось, этот уголок не подвластен силам природы и поэтому здесь царит одно-единственное время года, названия которому никто не удосужился придумать...

Обходя лужи, ставшие видимыми в рассветном полумраке, Андрей добрался до гаража. Пока он возился с замком, холодные капли противно падали на лицо и волосы, и это раздражало; он даже подумал, что, наверное, весь день сложится неудачно, но изменить уже было ничего нельзя – раз день начался, он должен быть прожит, так или иначе.

Выезжая из гаража, он привычно взглянул на часы. Восемь. Всё, как всегда. Андрей зачем-то каждый день приезжал на полчаса раньше остальных. Он и сам не мог

объяснить этого, так как не разрабатывал никаких стратегических планов, не составлял отчётов и бизнес-планов, требующих тишины и сосредоточенности. Его миссия заключалась в том, чтоб количество мешков в накладной соответствовало реально полученному на складе, чтоб машины грузились вовремя, но, тем не менее, он очень любил сидеть за столом, глядя на сонный телефон, и ждать, когда тот оживёт, внося своим звонком ежедневный, маленький смысл жизни. Потом, вечером при желании можно анализировать, являлось ли то, чем он занимался сегодня, этим самым «смыслом жизни», нужны ли ему очередные несколько сотен долларов и стоят ли они такого громкого и красивого названия.

…*Вечером… До вечера еще надо дожить,* – с этой мыслью Андрей привычно опустился на стул и уставился на телефон, бессмысленно гадая, зачем на кнопки наносят ещё и буквы, если, кроме цифр, всё равно никто ничем не пользуется…

Буквы вместе с цифрами поплыли, сливаясь в едкую, режущую глаза дымку, стелющуюся над рекой. На мосту, словно порубежный камень, стоял подбитый БТР. Мимо него, с той стороны, откуда стелился туман, брели люди, катя перед собой тележки, укутанные пёстрыми, такими несовместимыми с войной, тряпками. Сойдя с моста, люди ступают на изуродованный асфальт набережной, но на их лицах не видится облегчения. Они знают, что завтра война может следом за ними проделать тот же маршрут и тоже оказаться на этом берегу. А навстречу тонкой цепочке беженцев медленно движутся два грузовика с молчаливыми людьми в камуфляже. Андрей снова вспомнил ощущение высоты Камазовской кабины, и эти печально склонённые головы, проплывающие внизу…

Резкая телефонная трель ворвалась в мысли. Он вскинул голову, схватил трубку и чуть не отчеканил: – Майор Сорокин слушает! Но вовремя опомнился, молча поднеся трубку к уху.

– У вас мешки есть? – спросил мужской голос.

– Какие? – Андрей с трудом выполз из едкого тумана.

– Под муку. Нам надо тысяч тридцать.

– Есть, – Андрей осознал наконец, где находится и чем должен заниматься, – три девяносто. Производитель Краснодар.

– Хорошая цена. Это из Павловска звонят. Завтра можете привезти? Расчёт на месте.

– Можем. Давайте адрес и телефон, – записав реквизиты, Андрей положил трубку. Часы показывали четверть десятого, а Вики всё не было. Прошёлся по комнате; зачем-то потрогал холодные батареи; выглянул в окно. Дождь перестал, но на асфальте по-прежнему стояли лужи, и небо оставалось унылым, без единого просвета – удручающая картина в точности соответствовала его собственному настроению.

Минут через десять в двери заворочался ключ, и в комнату впорхнула Вика в длинном кожаном плаще с распущенными рыжеватыми волосами.

– Здравствуйте, Андрей Павлович, – небрежно бросила она, снимая плащ и проходя на кухню.

Её вечно беззаботный вид раздражал Андрея, особенно сегодня. Он прошёл следом и увидел, что она стоит, склонившись к куску зеркала на подоконнике, заменявшим ей и трюмо, и туалетный столик. Её рука с расческой бойко бегала по волосам, придавая форму слегка намокшим прядям.

– Между прочим, – сказал Андрей, – мы работаем с девяти.

– И что?

Этот по-детски наивный вопрос выбил Андрея из колеи. Он сглотнул слюну и молча вернулся в комнату. Какие аргументы он мог привести? Действительно, и что? Начался и начался, ей-то какое до всего этого дело?

– А вчера? – крикнул Андрей, – вчера, что случилось? Почему в три тебя уже не было?

– Вчера? – Вика появилась в дверях, такая отвратительно довольная собой; поджала губки, словно вспоминая события давно минувших дней, – вчера я ушла пораньше, а разве нельзя? Всё равно здесь никого нет. Чего одной сидеть?

– Ты должна присутствовать не когда кто-нибудь есть, а как раз, когда никого нет! – Андрей вдруг подумал, не дурак ли он – может, это он чего-то не понимает в жизни?

– Да? – Вика обезоруживающе улыбнулась, – а я думала, что как секретарь, должна находиться здесь, когда есть директор.

Андрей почувствовал, что будет выглядеть полным идиотом, если начнёт в очередной раз объяснять ей её обязанности. Но и оставлять разговор в таком двусмысленном положении, значило сдаться на милость какой-то проститутке – до такого унижения он не мог опуститься.

– Это прогул, понимаешь? – сказал он, по возможности, спокойно, – и за него тебя можно уволить.

– Ну, это Володя будет решать, увольнять меня или нет. Вы – всего лишь зам., а он – директор.

– Да? – Андрей покраснел от такой наглости, – не волнуйся, я тоже могу тебя уволить с таким же успехом!

– Неужели? – в её голосе послышалась неуверенность. Видимо, тон Андрея показался ей слишком твёрдым и решительным, – вот, завтра приедет Володя…

– Хоть два Володи! – Андрей решил, то наступает переломный момент, и если сейчас он не поднимется в атаку и не сомнёт растерявшегося противника, то перестанет уважать себя и как человека, и как офицера.

– Ах, так?! Я передам ему всё, что вы тут за глаза говорите! Не забывайте – он всё придумал, а вы тупо возите мешки!

На секунду Андрей подумал, что она права, но встав из окопа, надо бежать только вперёд; оглянешься – неминуемая смерть. Вера в старую, проверенную боевую тактику победила все сомнения.

– Я не собираюсь с тобой пререкаться, – произнес он чётко, как всегда отдавал приказы, – ты уволена по причине служебного несоответствия и за прогулы. Завтра Владимир Иванович подпишет приказ.

– Подумаешь, – хмыкнула Вика, – посмотрим ещё, кого он завтра уволит.

…*Что с того, что он с ней спит?* – пронеслось в голове Андрея, – *тех, с кем можно спать – полгорода, а таких, как я, не укравших ни одного мешка и ни одной копейки, ещё поискать…*

Вика накинула плащ, небрежно подхватив его поясом, и вышла, демонстративно хлопнув дверью.

Андрей подошел к окну, убеждаясь, что она, действительно, ушла, а не ломает комедию в очередной раз. Видя её удаляющуюся спину, он подумал, что завтра ему предстоит неравный бой. Он даже представил, как возвращается на станцию техобслуживания и снова лезет в яму, чтоб осмотреть заляпанное грязью днище очередной иномарки, но ни страха, ни раскаяния в содеянном не возникало. Он давно усвоил, что из обжитых казарм его мгновенно могли перебросить в сырые холодные палатки, и в этом заключалась жизнь.

* * *

За плотно закрытой дверью шумела вода. Катя с тоской смотрела на барельеф писающего мальчика, прибитый к двери, словно символ всеобщего похренизма, воцарившегося в жизни лет пятнадцать назад. Мальчик улыбался, глядя на свою струю, а за его хилой спиной проступали силуэты высотных домов. …*Действительно, почему б не писать прямо на улице? Пожалуйста. Это никого не интересует. Каждый озабочен лишь тем, чтоб струя не попала ему на ботинок…* И ещё Катя никак не могла понять, почему эту эмблему отец прибил на дверь ванной, а не туалета, что выглядело бы гораздо логичнее. Но какая логика в мире, где всем всё безразлично?..

Катя молча вздохнула, слыша, что шум воды не собирается прекращаться, и перевела взгляд на окно, в котором наполовину облетевшие тополя лениво шевелили тяжёлыми сучьями. Она не хотела встречаться взглядом с отцом, сидевшим напротив и смачно окунавшим сосиску в банку с соусом; потом он откусывал сразу треть и

жевал, натружено двигая челюстями. Рядом лежал кусок хлеба, изломанный каким-то странным образом. Он, вообще, любил мять хлеб, прежде чем отправить в рот – наверное, ему нравилась его податливость и беззащитность. Катя подумала, что представляет для него такой же кусок хлеба, с той лишь разницей, что её нельзя положить в рот и съесть окончательно.

…*Ну, сколько можно мыться?* – подумала она, – *так мать на работу опоздает*… Но дело было совсем не в работе – она мечтала сама быстро юркнуть в ванную и стоять там, чутко прислушиваясь; ожидая, когда наконец хлопнет входная дверь. Сначала раз, потом второй, и квартира останется, пусть на время, в её полном распоряжении; тихая и совершенно безопасная. Но мать сегодня, видимо, не спешила, и Кате ничего не оставалось, как созерцать мрачный осенний пейзаж и гадать, вернётся ли отец к вчерашнему *(…если б только вчерашнему!.. Скорее, вечному…)* разговору или оставит его до вечера. Он уже прихлебывал чай из большой треснувшей кружки, и Катя украдкой скосила взгляд на будильник – до момента, когда он пойдет одеваться, оставалось целых десять минут. Десять минут можно выдержать, стыдливо потупив глаза и понимающе вздыхая...

– Ну, так что, Катерина? – отец отодвинул чашку, и протянув руку, не глядя взял с подоконника сигарету, – какие планы?

– Пойду опять искать работу, – она повернулась к нему лицом. Этот вопрос, слишком обязывающий и конкретный, непременно требовал ответа.

– Ты повторяешь это второй год, – отец тяжело вздохнул. Наверное, с утра у него было более благодушное настроение, чем после трудового дня в душном заводском цехе, среди пахнущего маслом металла (Катя помнила этот мерзкий запах ещё со времён преддипломной практики).

– Разве я виновата, пап? – спросила она тихо и отвела глаза. По опыту она знала, что на дальнейшие вопросы можно не отвечать – далее монолог будет продолжаться сам по себе.

– А кто виноват? Значит, так ищешь. Почему все работают, а ты, вот, такая... – он так и не смог подобрать определения, какая же у него получилась дочь, и просто махнул рукой, – неужели тебе не стыдно в тридцать лет сидеть на шее у родителей? Я уж не говорю, чтоб ты что-то приносила в семью – мы с матерью обойдёмся, но себя-то ты должна обеспечить! Не стыдно просить у меня деньги на свои «затычки»?!

Катя покраснела. Это, действительно, стыдно, но сейчас лучше молчать; да и сказать-то ей, в сущности, нечего...

– Молчишь? Ну, молчи... Тебя хоть раз кто-нибудь попрекнул, когда ты училась? Кормили тебя, одевали-обували. Без стипендии сидела? Ничего, чёрт с ними, с тройками, главное, чтоб доучилась...

…*Господи, о чём вспомнил!.. Несчастные сорок рублей… да и стипендии у меня не было всего семестр*…

– ...но должна же быть какая-то отдача! А помрём мы, что ты будешь делать? С голоду подыхать? Ты даже милостыню просить не умеешь! Инженер-экономист хренов!

– Ты предлагаешь мне побираться? – вспыхнула Катя. Это было нечто новое. До таких вариантов он не доходил ни разу.

– Я уж не знаю, что предлагать, но имея высшее образование, музыкальную школу и ещё, чёрт знает что!..

Распахнулась дверь ванной и оттуда показалась мать, уже полностью одетая, готовая к выходу.

– Вы опять за старое? – без тени улыбки спросила она. Её положение всегда оставалось промежуточным и неопределённым – чувствовалось, что в душе она согласна с отцом, но обвинять дочь так грубо, видимо, не позволял материнский инстинкт.

– Да, за старое! – отец воинственно стукнул ладонью по столу, – я из рабочих, понимаешь?! В нашей семье все всегда вкалывали, честно добывая кусок хлеба! И я не вижу причины, чтоб стало иначе! Это всё болтовня про другое время, про перестройку – кто хочет работать, тот всегда найдёт себе место! А, вот, кто не хочет... – он посмотрел на часы – не лимитированные десять минут подходили к концу, – в общем так, – он поднялся, вышел в комнату и вернулся со сторублевой купюрой, – вот тебе

на всё – про всё. И это последний раз. Дальше, живи, как хочешь. У меня зарплата три тысячи и у матери полторы. Мы и так, еле концы с концами сводим, а тут ещё, говорят, с октября «коммуналка» подорожает. Как, вообще, тогда жить? Бомжевать пойдем все вместе! – он бросил купюру на стол и вышел.

Катя сидела, не шевелясь, мысленно повторяя: …*Господи, уходите поскорее, уходите все*…

Дверь хлопнула в первый раз, а затем и во второй. Стало оглушающее тихо. О том, что несколько минут назад кто-то ещё существовал в этой комнате, напоминал только запах табака, расползшийся по всей квартире.

Катя пошевелилась; повернула голову, устав смотреть в одну точку. Потом, взяв со стола сиротливую жёлтую бумажку, уставилась на неё, словно стараясь запечатлеть в памяти. С каким бы удовольствием она демонстративно вернула её отцу, но тогда... она не представляла, что будет тогда. Уже давно она старалась перемещаться по городу на муниципальном транспорте, а не на маршрутках, но чтоб ходить только пешком и не иметь возможности съесть в течение дня пирожок за пять рублей, этого она представить ещё не могла.

…*Скоро, видимо, придётся… надолго ли хватит этой «стошки»?..* Катя прошла в свою комнату и, усевшись на диван, взяла вчерашнюю газету бесплатных объявлений. Строчки сливались в ровные чёрные полосы, и она надела очки – изображение стало четким, но от этого ничего нового на газетной странице не появилось. Объявления повторялись из номера в номер с небольшими вариациями, и Катя знала их наизусть.

Отложив газету, она вспомнила, как позавчера, будто дура, целый час заполняла анкету, стараясь не пропустить ничего из того, что *они* хотели знать. Как выяснилось впоследствии, всё затем, чтоб быть принятой текстовиком в какое-то маленькое издательство на зарплату в шестьсот рублей. Пятьсот из них уйдёт на транспорт, а работать за сто рублей в месяц, даже в её положении, не имело смысла. Но, с другой стороны, это оказалось единственным реальным предложением, которое подходило ей по всем параметрам.

Смешную рубрику «Работа для всех» она уже перестала просматривать, потому что знала – короткие, в одну строчку объявления, заканчивающиеся словами «не гербалайф», означали именно гербалайф, переименованный для конспирации в «растительную жизнь». Зная мнение о нём прессы и своих немногочисленных знакомых, Катя просто стеснялась ходить и пытаться убеждать людей в том, что это почти манна небесная.

Попадались, конечно, и шикарные объявления, связанные с ведением бухучета или работой на компьютере, и обещавшие зарплату, чуть не вдвое превышавшую совокупный доход их семьи. Но кто б её туда взял с инженерно-экономическим образованием, полученным почти десять лет назад, когда компьютеры, называемые тогда ЭВМ, занимали целую комнату и программировались при помощи перфокарт.

В «администраторы торгового зала» она уже не подходила по возрасту. И кто придумал эту дурацкую шкалу «до тридцати лет»? Почему считается, что она не сможет рассказывать покупателям о каких-нибудь сапогах или косметике?

Однажды она всё-таки попыталась убедить в этом вальяжного молодого человека из одного крупного магазина, но тот только скептически оглядел её с головы до ног и выдал категорическое «нет». Только тут она поняла, что дело, скорее всего, даже не в возрасте, а во внешности. Наверное, он посчитал ее слишком не гармонирующей с блестящим металлом и ярким дорогим пластиком. Конечно, какой покупатель подойдёт с вопросом к чучелу в огромных очках, длинной, давно вышедшей из моды юбке и волосами непонятного пегого цвета? Но не могла же Катя объяснить, что если ей удастся заработать хоть немного денег, то она приведёт себя в порядок и будет выглядеть ничуть не хуже других. Нет, вальяжный молодой человек всё равно б не понял этого...

А ещё её очень отпугивали предложения типа: «требуется секретарь-референт. Опыт работы не обязателен». Два раза она ходила по подобным объявлениям, но в первом случае ей отказали сразу, прямо с порога, видимо, по той же причине, что и менеджер из магазина, а во втором получилось и того хуже. Будущий шеф оглядел её с ног до головы и весело сказал:

– Вообще-то, лапуля, ты ничего, если немного подкрасить и приодеть. А девушки в очках меня даже возбуждают – есть в них определённый шарм. И то, что не замужем, очень даже хорошо, потому что придётся задерживаться сверхурочно... Лапуль, ты не могла бы приподнять юбку, чтоб я посмотрел, как ты будешь выглядеть в мини? Катя покраснела, попятилась назад и толкнув спиной дверь, выскочила из кабинета.

Сейчас, после разговора с отцом, она уже по-другому смотрела на вещи, но дурацкое чувство стыда не позволяло ей явиться туда во второй раз.

…*И что мне осталось?..* Катя ещё раз пробежала бесполезную газету и бессмысленно уставилась на маленькую книжную полку, висевшую на противоположенной стене.

«Женские романы», где, несмотря на страдания и сыплющиеся, как из рога изобилия, проблемы, всё у героинь всегда заканчивалось хорошо, уже давно не привлекали её. Она не верила, что всё должно заканчиваться хорошо, и поэтому смотрела в какое-то невидимое пространство, простиравшееся за непроницаемой для взгляда стеной. Но там существовала только полная чернота, пугающая тупой однородностью, не подсказывающая никаких решений; она угнетала, и сознание непроизвольно начинало бороться своими скудными средствами...

Перед Катей внезапно возникла панорама улицы. Посреди тротуара стояла чумазая, одетая в грязную куртку женщина с потухшим взглядом, которая тянула к прохожим руку и что-то нечленораздельно бормотала себе под нос. Люди шарахались от неё, меняя направление движения, и брезгливо отворачивались.

…*Может быть, эта женщина – я через каких-нибудь десять лет? Хотя и десять лет ещё надо прожить,* – она усмехнулась, прогоняя видение, – *а, может, на панель? Для многих это оказалось выходом в безвыходной ситуации…* Катя попыталась представить, как всё будет происходить, и не смогла, потому что мужчина в её жизни был лишь один, пьяный и небритый. В институтском колхозе он фактически изнасиловал её прямо в кустах возле поля, где они убирали картошку. Никто тогда не пришел на помощь... да она никому и не жаловалась из-за своего извечного стыда; только усвоила для себя, что мужчины – это существа совершенно другого вида, опасные, хищные, и их надо избегать. И чтоб теперь она совершенно добровольно испытывала эту боль и унижение? Лучше, вообще, не жить...

Катя перевела взгляд на окно. Его светлый прямоугольник так контрастировал с чёрной бездной, простиравшейся за книжной полкой, что она невольно встала и подошла ближе; опершись о подоконник, посмотрела вниз. …*Четвёртый этаж. Если прыгнуть головой вниз, то неминуемо разобьёшься об этот мокрый холодный асфальт, и сразу всё закончится. Все проблемы разрешатся сами собой и… и что будет дальше?.. А дальше не будет ничего – ни тоннеля, стремящегося к радостному неземному свету, ни райских садов, ни адских котлов со страшными мохнатыми чертями, похожими на того, колхозного мужика…* Это пугало Катю больше всего – что ничего не будет. Какой бы тягостной ни казалась жизнь, она всё равно лучше, чем лежать в тесном деревянном ящике под метровым слоем земли.

Катя вдруг подумала, что всё это опять же неправильно, не так; что опять она смотрит на себя со стороны, как будто останется существовать, только в виде какой-то другой мыслящей субстанции. А ведь её просто не будет, и она не сможет оценить, каково это, лежать в том ящике, и даже не узнает, как отец отнёсся к её смерти. Может быть, он раскается и пожалеет, что променял несколько сотен рублей на жизнь дочери? …*Действительно, ведь какие-то несколько сотен! Не так уж много мне и надо. Я ж не покупаю нарядов и не требую французские духи…* Стало ужасно обидно, причём, не ясно, отчего больше – оттого, что вынуждена жить такой жизнью, или оттого, что эту жизнь можно закончить так легко, быстро и навсегда. Катя попыталась представить своё тело, превращённое в кровавое месиво. …*Или так бывает только в кино? А на самом деле, я просто сверну шею и буду лежать такая же естественная, только совершенно неподвижная… может быть, только очки отлетят куда-нибудь в сторону…*

Нет, она решительно не могла представить, как это будет происходить, но осознание того, что выход всё-таки существует и в самом крайнем случае им всегда можно

воспользоваться, успокаивало, придавая силы для поисков иного решения. А этот безвыигрышный вариант никуда не денется – достаточно распахнуть створки, взобраться на подоконник, зажмурить глаза... Катя отошла от окна и обвела взглядом комнату.

…*А что будет здесь потом?.. Потом, когда меня не станет. Наверное, в мою комнату переедет отец – им с матерью давно уже неинтересно спать в одной постели. Значит, книжки, скорее всего, перекочуют в подвал, а огромный плюшевый медведь?.. Нет, его мать должна забрать к себе…* Катя совершенно отчётливо представила новый облик комнаты, даже почувствовала, как её диван и дешёвый коврик на стене пропитываются запахом отцовских сигарет. Закрыла лицо руками, но мешали очки. Она отшвырнула их в угол и зарыдала, сотрясаясь всем телом; рухнула на диван, хранивший ее живой запах. Она не хотела уходить из этого мира, потому что ясно знала – никакого другого не существует. Все эти бредни о жизни после смерти, о рае и аде, о переселении душ, есть не что иное, как выдумка какого-то умного и циничного человека, стремящегося придать человеческому существованию смысл, оградить его от мыслей о неминуемом и бесповоротном конце. Нет, пока она ещё поживёт здесь. Второго такого шанса ей не представится, а пока у нее есть ещё и сто рублей, она способна искать, на что-то надеяться.

Катя вытерла слёзы, встала, последний раз шмыгнув носом. Наклонилась за очками и почувствовала, что одно стекло треснуло от удара; в ужасе водрузила их на нос, закрыла правый глаз – перед левым пролегла широкая непрозрачная полоса. Зрачок метался, ища какое-нибудь удобное положение, но мог видеть либо давно некрашеный пол, либо потолок, а стены, находящейся прямо напротив, будто не существовало вовсе – вместо неё возникло бесконечное серое ничто.

Катя растерянно сняла очки; посмотрела на них, поднеся совсем близко к лицу. Поменять стекло стоило гораздо больше ста рублей, но дополнительных денег ей на это никто не даст. Она снова опустилась на диван. Но, видимо, это событие сдвинуло её сознание с мертвой точки – ей уже не хотелось вернуться к окну и даже думать о самоубийстве. Раз в её жизни что-то способно измениться в худшую сторону, то, возможно, способно и в лучшую? Главное, что оно способно меняться! Надо идти, причём, совершенно не важно, куда. К чёрту газету! Она написана для тех, кто знает, что ищет, а у неё всё должно быть по-другому, также спонтанно и непредсказуемо, как эти разбитые очки. К тому же, отец никогда не простит ей, если она целый день бездарно просидит дома.

Оделась Катя быстро. У неё никогда не возникало проблем с выбором гардероба, ведь когда нет вариантов, нет и проблем. Накрасилась, чтоб хоть частично скрыть следы слёз; попыталась ещё раз надеть очки в надежде, что что-нибудь изменится само собой, но трещина не исчезла, и лучше видеть она не стала. Вздохнула. Сунула их в сумочку, чтоб использовать, если потребуется рассмотреть что-нибудь повнимательнее, хотя бы одним глазом. Взяла со стола драгоценную «стошку» и торопливо захлопнула за собой дверь, словно покинуть квартиру являлось её главной целью. Сбежала по лестнице, держась за перила, и оказавшись во дворе, резко остановилась, привыкая к новому видению мира. Здесь сделать это было гораздо проще, чем на улице, кишащей автомобилями и беспорядочно снующими людьми. Вот пять тополей посреди двора (это она знала настолько хорошо, что их даже не требовалось видеть); улица (она там, между домами, где проплывали цветные, расплывчатые пятна автомобилей); мужчина прошёл к соседнему дому. Рядом с ним бежала толстая чёрная собака. Катя знала, что у мужчины усы, а собака – перекормленный ротвейлер. Их тоже не надо рассматривать. На лавочке у подъезда сидит незнакомый мужчина. Он никогда не сидел здесь раньше. Но это не важно, главное, она различала, что это мужчина, и он просто сидит, зажав между ног стоящий на земле кейс, и не предпринимает никаких действий.

…*А ещё,* – вспомнила Катя, – *говорят, если не носить очки, зрение стабилизируется. Может, и у меня так будет?..*

Она сделала первый неуверенный шаг, словно пробуя на прочность асфальт. Мужчина на лавочке вздохнул и даже, как показалось Кате, застонал. Она уставилась

на него своими широко раскрытыми, но видящими лишь смутные очертания, глазами. …*Может, ему плохо*?.. Она уже хотела подойти, но мужчина пошевелился. Это испугало Катю – вдруг он неправильно истолкует её заботу? Она повернулась и быстро пошла, не разбирая дороги, туда, где, как она помнила, должна находиться остановка автобуса.

Домой Катя возвращалась, когда уже стемнело. Она б, может, и ещё побродила по улицам, но с непривычки свет фар слепил, а яркие витрины расплывались цветными пятнами, отчего Катя переставала ориентироваться в пространстве.

Прошедший день не принёс ничего обнадеживающего. Она попыталась устроиться продавщицей в два киоска, на которых сумела разглядеть написанные крупными печатными буквами объявления «Срочно ищу продавца». Но в одном месте спросили медкнижку, а выходить на работу требовалось максимум через три дня. Катя прекрасно знала, что до зарплаты, которая планировалась на конец месяца, отец денег на прохождение медкомиссии не даст, поэтому вариант отпал сам собой. Во втором месте ей просто отказали без объяснения причин. Кате показалось, что продавец там вовсе и не требовался, а шла какая-то внутренняя игра между хозяином и молоденькой светловолосой девушкой, сидевшей в киоске и болтавшей по мобильному телефону.

Ещё Катя посетила рынок, где узнала, что требуются продавцы яиц и рыбы. Яйцами торговали на улице с восьми утра до шести вечера. Катя поняла, что с её не самым богатырским здоровьем, больше недели по осенней слякоти она не выдержит. А рыба… Хозяин как-то очень хитро посмотрел на неё и сказал, что примет с испытательным сроком на один месяц и без записи в трудовой книжке. На эту удочку Катя уже попадалась и снова работать целый месяц бесплатно, желания не возникало.

Она шла через тёмный двор и думала, имеет ли смысл пересказывать отцу все сегодняшние неудачные попытки или лучше просто молчать и слушать вполуха то, что будет говорить он? Ведь он всё равно не поверит и ещё хуже, обвинит её во лжи, в нежелании менять свою жизнь, помогать семье… Она уже знала наизусть все обвинения. Но, как бы там ни было, кроме дома, идти ей всё равно было некуда.

Поднялась на площадку; достала ключ. …*Господи, хоть бы ты послал его в командировку!*.. Но с началом перестройки все командировки прекратились – то ли завод перестал продавать продукцию, то ли они экономили деньги, этого Катя не знала.

Она открыла дверь и вошла. После свежего осеннего воздуха в нос ударил такой знакомый запах, состоящий из невыветривающейся никогда смеси табака, перекалённого масла и ещё чего-то специфического – наверное, пыли и нафталина. Как она ненавидела этот запах!

Сняла куртку; разулась. За день она даже привыкла ходить без очков, и хотя глаза ужасно устали (в них даже появилась неприятная резь), но чувствовала она себя достаточно уверенно, тем более, среди знакомых вещей, стоящих на строго определенных местах.

– Что нового у нас сегодня? Какие злые силы помешали нам на этот раз? – спросил отец, выглядывая в коридор.

Катя подумала, что сегодня он на удивление добродушен. Может, всё так и закончится на этой полушутливой фразе?

– Ничего не помешало, – вздохнула она, – просто я опять ничего не нашла.

– Понятно, – отец вернулся в комнату, из которой доносился монотонный голос телеведущего.

– Кать! Иди ужинать! – раздался из кухни голос матери.

Конечно, она б с удовольствием отказалась и от этой подачки, но есть хотелось. Тем более, вряд ли кто-нибудь оценит её жест – скорее, наоборот, с молчаливым согласием воспримут как должное. Кто не работает, тот не ест.

На столе дымилась тарелка с жареной картошкой и одинокой сосиской мертвенно-бледного цвета. Катя вымыла руки и присела к столу. Мать не попрекала её тем, что жизнь сложилась так, а не иначе, поэтому с ней иногда хотелось поделиться дневными впечатлениями.

– Ма, – она взяла вилку, – я была сегодня в двух киосках и на рынке, но там…

– Я верю, – перебила мать, глядя на нее печально, – я знаю, что устроиться в наше время совсем не просто. Это отцу кажется, что всё легко. Он на своем заводе тридцать лет вкалывает и другого не знает. Но ты не обижайся на него, такой он человек.

Отец зашел на кухню за сигаретами и, видимо, услышал последнюю фразу.

– Какой человек? Не нравлюсь, да?! Тогда, – он повернулся к Кате, – выходи замуж и съезжай, куда хочешь!.. – откуда появилась эта идея, неизвестно, но, похоже, она отцу нравилась, и он повторил для пущей убедительности, – что ж ты замуж не выходишь? У нас все, кто не хочет работать, давно повыскакивали за всяких предпринимателей!

– Куда замуж?.. – вступилась мать, не дав ответить растерявшейся Кате, – ты видел современных мужчин? Кто на неё глянет? Ей даже надеть нечего, чтоб пойти знакомиться!

Оттого, что её обсуждали так беззастенчиво, словно раздевая на глазах у всей улицы, а ещё оттого, что это было правдой (*…но зачем же так?..*), Катя бросила вилку и выскочила из кухни; захлопнув дверь комнаты, упала на диван, давясь слезами. Она старалась не плакать в голос, чтоб не давать *им* повода для злорадства.

…Господи, ничего не изменится здесь, даже если я найду работу! Они ненавидят меня, и один путь – уйти!.. Но куда? Почему, действительно, не существует этой самой пресловутой «бессмертной души», чтоб можно было умереть и возродиться в каком-то другом мире, в абсолютно новом качестве? Как было бы здорово!.. Она вытерла слёзы и подумала с непонятно откуда взявшейся лёгкостью, вроде её желание вдруг стало реальностью: *…И куда бы я хотела перенестись? Наверное, в средние века, и быть… нет, королева – это слишком хлопотно, а, вот, например, баронессой или графиней… чтоб жить в замке, устраивать балы и не думать, что случится завтра…*

В сознание ворвался шелест платьев и звуки менуэта, чарующие своей отдалённостью от мирской суеты; а ещё сотни горящих свечей, заменяющих люстры, чуть покачивающих своё пламя от лёгких дуновений ветерка, проникающего в раскрытые настежь окна, и оживляющие отблесками огромные гобелены со сценами охоты и обнажёнными пастушками, робко целующимися с такими же обнажёнными пастушками. На душе стало так легко и спокойно, что не хотелось даже открывать глаза, не говоря уже о том, чтоб выйти из комнаты и умыться. Катя нащупала плед, свернутый в ногах, укрылась им и подсунула руку под голову. Лежать было не очень удобно, зато всё её существо ощущало такой покой, что ради него она могла и пожертвовать всякими мелкими физическими неудобствами.

…А, может, всё-таки правда, что умерев, можно родиться вновь другим человеком? Ведь никто не знает, как оно бывает потом… вдруг я не придумала этот бал, а это моя прошлая жизнь? Неужели я б могла придумать, например, этот гобелен на стене? Наверное, я его видела… значит, всё не так страшно… Она плотнее укуталась в плед, спрятавшись в него с головой. Сразу стало душно, зато в убежище не проникал ни один лучик света, ни один звук жестокого безразличного мира. Кромешная тьма, окружавшая её, не пугала – скорее, наоборот, она ласково укрывала, пряча в своем жарком чреве, и только там фантазия могла родить другую жизнь (будущую или прошлую, не принципиально – лишь бы она была другой).

Катя включила рычаги воображения, вспоминая все прочитанные книжки от волшебных сказок до любовных романов. Она верила, что из этого нагромождения сюжетов и образов непременно должно выкристаллизоваться нечто, отвечающее её желаниям и настроению. Даже если в конечном итоге всё это окажется неправдой, то хоть ночью она сможет отдыхать от безрадостного, тоскливого настоящего.

Однако тьма почему-то не рассеивалась, рождая изображение, а становилась всё гуще и плотнее. Зато у тьмы появился собственный голос…

… – Мама, поговори со мной.

– Хетти, мне надо делать еду. Угли в печи уже прогорели.

– Мама, но сейчас вы все уйдете, и я опять останусь одна. Неужели ты не можешь поговорить?

– Хорошо, только пойдём со мной. Ты будешь сидеть рядом, пока я сделаю лепешки.

Хетти легко поднялась с деревянного помоста, на котором сидела. Коснулась рукой кровати, чтоб проверить, правильно ли она сориентировалась в пространстве комнаты, и уверенно пошла по земляному полу, опустив руки. Она знала здесь каждый уголок; знала, сколько шагов до ящика с одеждой, до шершавой стены, сложенной из тёплых глиняных кирпичей, до двери, ведущей в самую большую комнату, за границей которой начинался незнакомый мир с гладкими камнями мостовой и шумом улицы. Там она не была никогда, зато если пройти ещё девять шагов, то попадёшь в дверь на кухню, где стоит печь. До неё ей запрещено дотрагиваться, но Хетти чувствовала жар, излучаемый ею.

Она услышала шипение; значит, мать опустила первую лепешку в узкое вертикальное отверстие, и тесто соприкоснулось с горячими стенками. По кухне разнёсся аппетитный аромат лепёшек. Хетти опустилась на помост, прикрытый жёсткой циновкой, точно такой же, как и в её маленькой комнатке.

– Расскажи мне что-нибудь, мама, – сказала она, усаживаясь поудобнее и поджимая под себя ноги.

– О чём я могу тебе рассказать? Попроси лучше отца. Он многое видел. Он даже добирался до Семны, за которой начинается Страна Песка и Камня; где в Красной Земле живут дикие нубийцы...

– Я знаю, мама, – перебила Хетти, – но я хочу слышать твой голос. Расскажи мне про Буто.

– Опять? Я рассказываю тебе это каждый день.

– Да, но я никогда не видела Буто. Ты каждый день ходишь по его улицам, и тебе не надоедает. Так и мне не надоедает слушать о нём.

– Хорошо. Буто – это город, в котором мы живём. Это очень большой город. Здесь живёт даже Владыка Двух Земель. Здесь несколько десятков домов, похожих на наш, и дворец, в котором живёт Владыка. Дворец сделан из камня, который привезли на кораблях из Красной Земли. Окружают город болота, но когда Нил разливается и подходит совсем близко к городу...

– А какой он, Нил?

– Он голубой. А когда разливается, становится почти чёрным и мутным.

– Голубой... а какой голубой?

– Ну, просто голубой... – ответила мать растерянно.

– Извини, но ты плохо рассказываешь. Я не вижу Нила.

– Как ты можешь видеть его, если ты не видишь ничего? – мать начинала раздражаться, как, впрочем, бывало почти всегда,– если б у тебя были нормальные глаза...

– Мама, – перебила Хетти, – почему-то, когда ты рассказываешь про богов, я их вижу – и Амона, и богиню Хатхор. Она ведь такая же, как я, да? У Хатхор такие же тонкие руки, и волосы забраны в пучок, – она провела рукой по своей прическе, – и ходит она в таком же платье, да?

– Я не знаю, – ответила мать недовольно, – я не вижу богов. Я знаю, что такое Голубой Нил, а богов я не вижу.

Обе замолчали. Хетти слышала, как мать что-то двигает, как падает в миску очередная лепёшка.

– Мама, расскажи мне лучше про богов. Расскажи, как они сотворили мир.

Мать снова вздохнула. Хетти показалось, что она специально сделала это слишком громко, чтоб дочь поняла, как ей надоело рассказывать одно и то же, но Хетти сделала вид, что ничего не поняла. У неё и так оставалось не слишком много времени, чтоб слышать чей-нибудь голос, ведь скоро все уедут в какой-то непонятной «лодке», чтоб наловить рыбы на завтрашний день, и долго-долго их не будет. Хорошо, если придёт кошка Миу. Тогда можно будет гладить её мягкую шерсть и слушать, как уютно она урчит, подставляя под руку свою голову. А если кошка не придёт?.. Тогда останется только снова взять систру и извлекать из неё звуки, ласкающие слух, но это не будут слова, которые так интересно слушать. Так какое значение

могло иметь то, что матери надоело рассказывать, как Атум создал бога Шу и богиню Тефнут, а потом...

– Ладно, слушай, – начала мать, – на маленьком холмике среди не имеющего, ни границ, ни формы Хаоса, возник Создатель Атум. Он сплюнул свою божественную слюну и породил бога Шу, который дал миру воздух, и богиню Тефнут, которая дала миру влагу. Шу и Тефнут породили Геба, который создал землю, и Нут, которая создала небо, а они уже родили Осириса, Исиду, Сета и Хнума. А Хнум создал человека...

– Мама, а почему Хнум сделал меня слепой? Разве я чем-нибудь прогневала его?

– Нет, дочка, – она положила на голову Хетти свою шершавую руку, – это проделки Той, Чьё Лицо Смотрит Назад.

– Это ведьма ночи, да?

– Да, Хетти.

– А почему ты не пела песню, отгоняющую ведьму ночи?

– Я пела её, но, видимо, боги не услышали меня.

– Почему, мама?

– Не знаю. Ты сама спросишь их об этом, когда пройдёшь по Прекрасной Дороге На Запад и попадешь в Страну Вечности.

– Это будет, когда я умру?

– Конечно.

– Но я не хочу умирать. Здесь обо мне заботишься ты и отец, а там, что я буду делать?

– Там о тебе будет заботиться Великий Осирис, и в его царстве ты снова сможешь видеть, и ты будешь жить в Прекрасной Стране Запада.

– А долго ждать, пока я умру? – Хетти вздохнула.

– Нет, милая. Наше время – это песчинка, которую несёт Нил, а время Осириса – это горы, которые стоят на границе Красной Земли.

– Я хочу увидеть горы на границе Красной Земли, – сказала Хетти мечтательно...

На этой фразе Катя высунула голову из-под пледа, глубоко вздохнула и уснула крепко и спокойно, как не засыпала уже долгое время, продолжая и по ночам мучиться проблемами трудоустройства и безденежья.

* * *

Андрей появился в офисе, как всегда, в половине девятого. Со вчерашнего дня здесь ничего не изменилось; да и не могло измениться, потому что Володя, возвращаясь из командировки, не имел привычки сразу появляться на работе.

Поверх папок с договорами и сертификатами лежал листок, на котором был записан телефон Павловской мукомолки. Туда надо сегодня отвезти мешки, но, с другой стороны, тридцать тысяч – это не то количество, ради которого стоило бросать пустым офис. За это время могли возникнуть более серьёзные предложения, которые никто не сможет зафиксировать.

Андрей решил, что надо дождаться Володю; к тому же, вопрос с Викой тоже лучше решать лично, иначе вернувшись, он рискует вновь увидеть за столом её ухмыляющуюся физиономию. Один на один она наверняка сможет уговорить мягкого и не слишком решительного шефа оставить всё, как есть, а после того, как он простит её, менять решение будет просто некорректно. И снова она будет самодовольно красить ногти, сидя за столом, а он, Андрей, будет чувствовать себя оплёванным с его резкими вчерашними заявлениями. Как они смогут и дальше работать вместе, он совершенно не представлял.

Андрей посмотрел на часы и подумал, что Володя может появиться, например, к обеду или, вообще, завтра утром – это было бы вполне в его стиле. Прошёлся по комнате, прикидывая, что можно предпринять, но в это время в скважине заворочался ключ. По тому, что на пол опустилось что-то тяжёлое, Андрей решил, что, вряд ли это вернулась Вика (если только она не принесла чемодан, чтоб забрать свои вещи).

– Привет, – Володя вошёл в комнату, – какие здесь новости?

– Всё нормально, – Андрей пожал протянутую руку, – вчера сто тысяч скинул, так что на складе осталось всего сто пятьдесят.

– За следующую неделю разбросаем – я ж не зря прокатился, – Володя взял со стола листок, – а это что?

– Сегодня надо тридцатник в Павловск отвезти. Ты не посидишь в офисе?

– А где наше «солнышко»? – спросил Володя беззаботно, будто до сих пор не заметил отсутствия секретарши.

– Я её уволил, – Андрей смотрел на шефа, пытаясь просчитать реакцию.

– О, как?! – Володя достал сигарету, – и за что?

– За то, что позавчера на работе она просто отсутствовала. Вчера явилась в половине десятого и заявила «ну и что в этом такого?» Я и вспылил немного...

Володя закурил, задумчиво глядя в окно, и вдруг повернувшись к Андрею, весело объявил:

– А ты молодец! Очень всё грамотно получилось.

Андрей даже опешил. Он приготовился отстаивать своё мнение; может быть, даже ругаться, рискуя собственным положением, но то, что он «молодец», явилось полной неожиданностью. Выглядел он, видимо, настолько растерянно, что Володя даже рассмеялся.

– Не понял, да? Всё просто, как в частушке. Каждая баба должна знать своё место, согласен?

– Безусловно.

– То, что я её тут иногда трахал, это ты, наверное, понял. Иначе, за кой хрен ей такую зарплату платить? Короче, зарвалась девочка, права стала качать. А мне ж, сам понимаешь, это на фиг не надо. Мы с Танькой неплохо живём и скандалы мне совершенно ни к чему; тем более, ревнивая она до ужаса. Дураку понятно – это лёгкое приключение на работе; у неё же претензий стало не в меру. А выгнать повода не было – она ж у нас официально числится; тут и с КЗОТом считаться приходится. А теперь всё проще. Сейчас мы девочку на место поставим... рылом не вышла условия мне диктовать, – он сел за компьютер, и пока тот входил в программу, придвинул листок бумаги, – значит, говоришь, позавчера прогул. Это у нас четырнадцатое, да?

– Да, – Андрей прекрасно понял ситуацию. Всё абсолютно закономерно – от такой стервы ничего другого даже ждать не приходилось. Тем не менее, он всё ещё никак не мог прийти в себя, слишком долго настраиваясь на битву за принятое решение.

– Хорошо, – продолжал Володя, – а пятнадцатого опоздание. Шестнадцатого прогул... сейчас три приказа оформлю, и никакой КЗОТ не подкопается, – его пальцы забегали по клавиатуре.

– Слушай, Володь, ты оставайся; объясни ей всё и как директор запись сделай, – Андрей достал из сейфа Викину трудовую книжку, – а я пока заброшу мешки в Павловск.

– Не, так не пойдёт, – Володя поднял от экрана хитрые глаза, – на кого ж ты меня покидаешь? Она тут меня ещё изнасиловать попытается, а потом ментов вызовет, типа, я до неё домогаюсь, а она не даётся – вот и причина для увольнения. Лучше я поеду в Павловск, а ты заварил эту кашу, до конца её и расхлебывай. Закалка у тебя военная, а я, гражданский интеллигент, ещё растаю от её стриптиза, согласен?

Андрею ничего не оставалось, как молча кивнуть. Действительно, перед ним ломать комедию она вряд ли станет, тут Володя прав.

– Вот и всё, – Володя быстро подписал приказы и разложил их веером; потом погрозил пальцем ни в чём не повинным листкам бумаги, – запомни, детка, во всем надо знать меру. Кстати, – он поднял голову, – раз уж ты кадровые вопросы взял на себя, то позаботься и о новой секретарше. Пусть теперь это будет девочка на твой вкус.

– Какой вкус? – Андрей даже смутился, – никакого вкуса у меня нет. Просто дадим объявление в газету.

– Ой, не надо! – Володя картинно заломил руки, – знаешь, что такое газета? Кастинг на неделю, и даже, если найдём что-то подходящее, поток ведь не остановишь – ещё месяц придётся отбиваться от всяких прошмандовок, беседовать, выслушивать их горестные истории... сделаем проще. Я сейчас пяток объявлений распечатаю, а ты

расклей их на ближайшей остановке. Придёт два-три человека – из них выберешь, а потом объявления дождём смоет, и дело с концом. Учитывая прошлый горький опыт, тест будет такой... – он поднял глаза к потолку, – «Возраст от тридцати, внешние данные значения не имеют, опыт работы секретарем не требуется...» Чтоб ещё такое загнуть?

– Хватит, – Андрей испугался, как бы Володя не перегнул палку настолько, что ни одна уважающая себя женщина просто не откликнется из чувства самоуважения.

– Ну, как скажешь. А то я как-то наигрался в служебные романы, – вынув из принтера объявления, Володя протянул их Андрею, – удачи, кадровик ты наш новоявленный. Если павловские позвонят, скажи – к обеду буду, – он весело подмигнул, – счастливо оставаться.

– Погоди. Может, ты сразу объявления расклеишь? Всё равно мимо остановки поедешь.

– Да?.. – Володя недовольно сморщился, – ладно, давай.

Выйдя из подъезда, он остановился; представил, как вылезет из новенького «форда» и, словно девчушка из «Avon», начнёт лепить на столб бумажки, а еще кто-нибудь, прочтя такой дурацкий текст, будет смеяться ему вслед и крутить пальцем у виска. Чувствовать себя смешным, он боялся больше всего.

Володя сунул объявления в карман, чтоб выбросить в ближайшую урну. *...Может же с первого раза никто не откликнуться? Может. Запросто...* Но, выйдя из подъезда, остановился; достал один из листков, густо намазал клеем и налепил прямо на дверь. *...А это тебе, Викуля! Чтоб знала – место занято!..*

* * *

Проснулась Катя поздно, отдохнувшая и умиротворённая, выспавшаяся впервые за много дней. Родители уже ушли, и это стало ещё одним маленьким праздником. Она потянулась, подняв руки над головой; с удивлением увидела рукава свитера. *...Как я могла уснуть, не раздеваясь, да ещё, так крепко?..* Вспомнила, что ей что-то снилось, но никак не могла восстановить в памяти, что именно. Кажется, она хотела придумать себе другую жизнь, хорошую и беззаботную, но, вот, что из этого получилось?..

...Нет, бал со свечами я наглым образом украла из какой-то книжки... оно, конечно красиво и привлекательно, но не мое... А ведь что-то же я успела себе придумать, если спала так сладко, и настроение моё изменилось таким коренным образом... Как же вспомнить-то!.. Но, видимо, наши сны, как и наша жизнь, существуют лишь до тех пор, пока мы существуем в них. Эта мысль сильно удивила Катю, потому что из неё невольно вытекала следующая – а чем тогда жизнь отличается от снов? Получалось, что ничем. Только в жизни ещё масса ненужных, обременительных проблем, связанных с добыванием денег на еду, косметику, одежду и прочие атрибуты этой же самой жизни. Замкнутый круг какой-то...

Всплывшее вдруг слово «деньги» мгновенно разрушило, возникшую было, идиллию, но даже оно не смогло уничтожить её полностью – всё равно осталась маленькая щель, в которую можно забиться, как только станет совсем невмоготу бороться за существование здесь.

Катя встала и пошла в ванную. За вчерашний день глаза стали привыкать воспринимать предметы в виде неясных расплывчатых изображений; она даже подумала, что в отсутствии очков нет никакой трагедии. *...Без них я, наверное, и выгляжу симпатичнее... хотя...* Она наклонилась к зеркалу – очень непривычное лицо, зато глаза стали необычайно большими и выразительными (она читала о таком эффекте, но никогда не решалась опробовать его на себе). *...Оказывается, надо просто решиться – решиться сломать всё и начать заново!..* Эта мысль показалась такой твёрдой и радостной, что в душе даже мелькнула надежда на какие-то коренные изменения, которые должны произойти именно сегодня. Ведь сегодня она выйдет в город с совершенно другим настроением, и остальной мир тоже должен почувствовать это.

Катя умылась, долго подводила глаза, и когда вышла из ванной, отделённой от остального пространства глухими стенами, то увидела в окне низкое осеннее солнце

и небо, в какие-то полчаса неожиданно ставшее лазурно голубым. На улице вряд ли потеплело, но сама слепящая яркость окружающей природы словно подтверждала робкую уверенность в начале новой жизни.

После ухода родителей чайник уже остыл и его пришлось греть заново. На это время Катя вернулась в комнату. Солнечные блики делали её радостной, будто наступил некий праздник, с которым так не гармонировала вся её одежда непонятного грязно-синего цвета. Ужасно не хотелось вновь таскать на себе эту тусклую шкуру, приносившую одни неудачи и разочарования.

Катя задумчиво открыла шкаф. Среди летних платьев у неё имелось несколько относительно модных (в меру материальных возможностей); осенняя же одежда стоила гораздо дороже, поэтому об её обновлении она даже не решалась заводить речь. И вдруг Катя вспомнила, что ещё в студенческие годы у нее был шикарный красно-белый свитер! Он должен храниться в одном из чемоданов, пылившихся на антресолях. Вот он полностью соответствовал и погоде, и настроению.

Она сняла тяжелый чемодан, едва не уронив его; вытащила свитер; встряхнула. По непонятной причине моль пощадила мягкую, аппетитную шерсть; показалось даже, что она сохранила едва уловимый запах совсем другой, беззаботной осени.

Переодевшись, Катя подошла к зеркалу. В другое время она б постеснялась выходить в таком виде на люди – свитер стал каким-то куцым, хотя ей казалось, что её рост не мог измениться; к тому же грудь выпирала совсем неприлично. Но сегодня особенный день! Сегодня ей совершенно наплевать на то, что скажут окружающие – ей хотелось нравиться себе.

Катя слегка взбила волосы, сделав прическу более пышной, похожей на растрёпанную гриву – как ещё изменить внешность, она не могла придумать, поэтому проглотила бутерброд с чаем и выскочила на улицу, словно опаздывая на первое свидание.

Солнечный свет ударил в глаза. Катя зажмурилась и отвернулась к тёмному чреву подъезда, но дверь уже закрылась, зато она увидела листок, которого не было вчера вечером.

…*Небось ЖКО сообщает, когда включат отопление,* – она наклонилась к объявлению. «ООО требуется секретарь-женщина. Возраст от тридцати…» Катя с удивлением прочитала адрес дома, в котором жила. Даже квартира находилась в её подъезде, только на первом этаже! Ещё раз изучила ровные строчки букв, набранных на компьютере. Сначала она подумала, что сослепу не уловила чего-то самого важного, скрывающего неминуемый подвох; потом решила, что это розыгрыш, но кому и зачем понадобилось шутить над ней так зло? Потом вспомнила, что около года назад тётя Валя переехала к очередному мужу, а квартиру сдала. Скорее всего, там действительно находилась какая-то организация, потому что окна по вечерам не светились, а утром и днём незнакомые мужчины иногда заходили в их подъезд, но не поднимались на верхние этажи.

Она стояла перед странной бумажкой в полной растерянности – такого просто не могло быть в реальности, потому что, если б она сама придумывала объявление о найме себя на работу, то не смогла б сочинить ничего точнее и правильнее. Она вдруг подумала: …*А как иначе? Оно ведь и написано специально для меня; именно, для меня, слепой курицы, его повесили прямо на двери, чтоб я не вздумала не заметить!*..

Катя перевела дыхание и шагнула обратно в подъезд; остановилась, поднявшись на три короткие ступеньки; боязливо протянула руку и нажала кнопку звонка. Мелькнула предательская мысль, что всё равно это ловушка, непонятная и необъяснимая, а она как дура сама лезет в неё. Но коричневая обшарпанная дверь притягивала. Катя попыталась сделать шаг назад, но будто мгновенно лопнула связующая нить – стало даже холодно (или просто её бил озноб); вернулись вчерашние мысли о распростертом на асфальте теле. Она не желала их возвращения, особенно после сегодняшней блаженной ночи и такого радостного солнечного утра. Ещё раз нажала кнопку. Она не слышала шагов, и получалось, дверь открылась, вроде, сама собой. В проёме стоял невысокий седоватый человек с задумчивым лицом и тяжёлым внимательным взглядом.

– Я по объявлению, – пролепетала Катя, – там, внизу на подъезде висит…

– Да? – мужчина улыбнулся, и из глаз пропало напряжение.

Катя подумала, что, наверное, ждал он не её, а кого-то другого, нежеланного и неприятного, а к ней здесь должно быть совершенно другое отношение – он просто не думал, что она придёт так быстро.

– Проходите, – мужчина отступил в сторону.

Катя взглянула вокруг. Серый, кое-где лопнувший линолеум, вешалка с полочкой для головных уборов, за которой на обоях проступало грязное пятно – всё осталось, как при тёте Вале, совсем не напоминая офис некоего «ООО».

Замок щёлкнул. Мужчина оказался совсем близко в полумраке тесного коридора. …*Западня захлопнулась*… – Катя, ощутила себя маленькой и беззащитной, – *соседи все на работе – даже если я закричу, никто не услышит*… Противный холодок пробежал по телу, сжимая в маленький жёсткий комок всё её существо; сразу захотелось в туалет, но мужчина не бросился на неё и даже не попытался каким-то образом привлечь внимание. Он распахнул дверь в комнату, и сам вошёл первым.

– Проходите. Садитесь.

Катя вошла. В светлой и солнечной комнате она не увидела никаких орудий пыток и, вообще, ничего зловещего и угрожающего, даже постели. На столе стоял компьютер, принтер, телефон; лежали бумаги; стул в углу занимали папки, наверное, потому что шкафа в комнате не оказалось вовсе.

…*А раньше шкаф был,* – автоматически отметила Катя. Она подошла к одному из двух стульев, предназначенных для посетителей, и села, не зная, на чем остановить взгляд. Мужчина уселся за стол, молча уставившись на неё; придвинул лист бумаги, потом отодвинул его (Кате показалось, что он тоже чувствует себя не слишком уверенно). Наконец, поймав её смущённый блуждающий взгляд, он сказал:

– Неказисто, конечно, но мы собираемся переезжать – там поприличней будет. Так что, не обращайте внимания.

– Хорошо…

– Меня зовут Андрей Павлович. Я – заместитель директора. А вас, как зовут?

– Катя… Екатерина Алексеевна… Ну, Катя…

Андрей одобрительно кивнул. Разительный контраст с Викой, проявляющийся, и во внешности, и в манерах, располагал его к этой девушке, но в тоже время что-то отпугивало. Может, эта ужасная манера одеваться? Всё-таки женщина должна быть хоть чуть-чуть привлекательна.

– Расскажите свою биографию. Только коротко.

– А там длинно и не получится, – в первый раз Катя попыталась улыбнуться, почувствовав, что ничего страшного не происходит, и ей задают самые стандартные вопросы.

Вся информационная часть её рассказа заключалась в двух предложениях: родилась тогда-то, училась там-то. Всё остальное сопровождалось частицами «не». Андрей смотрел на девушку и думал, приятна ли она ему? Вернее, не так… устроит ли она его для совместной работы, но никак не мог ответить на этот вопрос. Познания в психологии слишком слабо отпечатались в офицерском мозгу, и чтоб сложить мнение о человеке, ему требовалось увидеть, как он ведёт себя в бою, когда пули свистят над головой, или хотя бы на марш-броске километров в тридцать. Там сразу всё становилось понятно, а здесь?.. Такие неестественно распахнутые глаза с увеличенными зрачками, которые могли затмить всё остальное… Как он не обратил на них внимания сразу?.. …*Да, кадровик из меня хреновый,* – он усмехнулся; легонько стукнул ладонью по столу.

– Ладно, всё это не имеет значения. Это я так спросил, для порядка. Мы торгуем мешками. Видели, большие такие, по пятьдесят килограмм; в которых продают муку и сахар?

– Видела.

– Вот, это они и есть. Нас здесь двое – я и директор. Мы часто находимся в разъездах, поэтому необходимо, чтоб кто-то находился на телефоне и «снимал» информацию. Иногда требуется распечатать документы. Вот, собственно, и всё, – Андрей замолчал, ожидая реакции, но её не последовало.

Катя разочарованно думала, сколько же могут платить за такую работу. Наверное, рублей триста-четыреста в месяц, как «диспетчеру на телефоне»…

– Вы далеко живёте? – сбил её мысли Андрей.

– В этом же подъезде. Четырнадцатая квартира.

– Это хорошо. То есть, у нас не будут возникать ситуации, когда в наше отсутствие вы вдруг уйдёте на целый день, потому что забыли выключить утюг, или к вам должен прийти сантехник, или заболела ваша мама? – он вспомнил несколько причин, использовавшихся Викой.

– Что вы?! Конечно, нет!.. – Катя подумала, что здесь ей будет даже спокойнее, чем дома, но произносить вслух не стала.

– Это хорошо, – повторил Андрей. Оставалась, правда, одна немаловажная деталь – они с Володей не определили зарплату новой секретарши, а без этого вести переговоры совершенно бессмысленно, но поскольку решение требовалось принять немедленно, Андрей решил волевым решением сохранить Викин оклад. *…В конце концов, зам. директора я или нет? Пусть она не будет спать с шефом – зато работать будет, как положено…*

– Зарплата у вас будет десять тысяч. Минус налоги, естественно. Устраивает?

Катя смотрела на него то ли с ужасом, то ли с восторгом – она не могла даже предположить подобную цифру, ведь это в разы превышало зарплату отца, козырявшего тем, что он содержит семью. Андрей не понимал сути молчания, поэтому добавил:

– Тем более, как я понимаю, на транспорт вам тратиться не придётся. Может, потом, если мы переедем отсюда…

– Да, конечно… извините, – за эти деньги Катя готова была ещё мыть полы и… «Распечатывать документы», – вспомнила она и ясно представила, как через секунду её сказка рухнет. Скорее всего, её просто выставят без дальнейших объяснений, но не сказать этого она просто не могла – потом всё получилось бы ещё хуже. Она почувствовала, как краснеет, но ничего не могла с этим поделать:

– Я… не умею работать на компьютере. Вообще. Понимаете, когда мы учились, всё это только начиналось…

– Совсем не умеете? – Андрей удивился, ведь даже он уже научился одним пальцем набирать текст.

– Да…

Андрей вздохнул. Вика-то шлёпала по клавишам с такой скоростью, что он не всегда успевал уследить за её ярко-красными ногтями, беспорядочно исчезавшими и возникавшими на клавиатуре, будто капельки крови. И как Володя отнесётся к такому «половинчатому» секретарю?..

– Вообще-то, вы нам подходите, – за эти полчаса Катя, словно из новобранца превратилась в *его* солдата, и теперь он уже должен нести за неё ответственность; заботиться о ней, учить, а не списывать в стройбат или сажать на «губу» за то, что она чего-то не умеет. Он не привык так поступать… тем более, в этих странных глазах читалась такая мольба, что, не готовый к мгновенному решению, Андрей отвёл взгляд. *…Чёрт, насколько всё-таки с мужиками общаться проще, чем с бабами!..*

– Я думаю, что мы решим ваш вопрос положительно, – произнес он тоном закостенелого бюрократа, и сам почувствовал это, – Владимир Иванович появится, и мы с ним все обсудим. Не возражаете, если я зайду к вам потом и сообщу результаты? – Андрей улыбнулся, чтоб хоть как-то сгладить казенные фразы.

– Да, конечно, – Катя поднялась. Она уже поняла, что все её утреннее состояние оказалось безжалостным обманом, и солнце вылезло на небо совершенно случайно, безотносительно к ней. Всё рушилось в сознании настолько быстро, что она даже не поняла, как вновь оказалась на лестничной площадке, и дверь, за которой получая десять тысяч, она могла б вернуть ощущение собственной значимости и человеческого достоинства, закрылась. Она точно знала, что закрылась навсегда.

Катя подумала, что похожа сейчас на кошку, которую подобрали на улице, обогрели, накормили, а потом выбросили обратно из-за какой-то дурацкой разбитой чашки…

Идти в город и пытаться найти что-нибудь другое не осталось ни сил, ни желания. И вообще, это бесполезно! Это пустая иллюзия, вызванная необходимостью отработать злосчастные сто рублей – последние сто рублей в её жизни…

Катя открыла дверь квартиры. Знакомый запах охватил ее, внушая своей въедливой неизменностью, что он вечен и вырваться из него ей не суждено никогда. Тупо

глядя в расплывающееся пространство, она сняла туфли; стащила мерзкий, ставший вдруг колючим, свитер, сбросила юбку, оставив её лежать на полу, и рухнула на диван. Слёзы полились сами собой; сначала незаметно, и она утирала их рукой, размазывая по щекам, но напор возрастал – они уже сотрясали всё тело; рот непроизвольно открылся, словно противная солёная жидкость должна была хлынуть и оттуда. Катя почувствовала, что задыхается от рыданий и остановиться сможет, только когда вся влага выйдет из её организма.

Продолжалась эта истерика довольно долго, пока, обессилев, она не затихла, продолжая лишь еле слышно всхлипывать в мокрую подушку.

Вдруг стало холодно. Как вчера она натянулаё валявшийся на диване, плед; свернулась под ним калачиком, укрывшись с головой, и стала часто-часто дышать, чтоб согреть тесное тёмное пространство.

Темнота успокаивала. Катя перестала дрожать и даже позволила себе вытянуть ноги. Измотанные нервы требовали отдыха. Она закрыла глаза и будто провалилась в какое-то другое измерение, в котором не было ни чёртовых компьютеров, ни странных людей, торговавших мешками, а существовала лишь темнота и тишина. Остальное всё осталось за гранью восприятия, и она наслаждалась этим состоянием, близким к невесомости. Что это было, она не могла понять, но точно не смерть, ведь её сознание работало абсолютно чётко, отслеживая каждый миг этого странного бытия.

– …Мама, – сказала Хетти, – а я найду дорогу в Страну Вечности?

– Глупенькая, – по тому, как изменилась интонация голоса, Хетти поняла, что мать улыбается, – тебя проводит Анубис. Он только с виду страшный, пугающий всех шакальей головой… как пугает смерть. Но он добрый. На его солнечном корабле ты переплывёшь Озеро Лилий, пройдёшь Поля Камыша…

– И как там всё будет, в Стране Вечности?

– Никто ещё не вернулся оттуда, и никто не рассказывал, что там. Но я дам тебе с собой все твои платья, мы с отцом соберём много рыбы, я напеку лепёшек. И ещё мы дадим тебе твою систру. И кошка Миу тоже пойдёт с тобой.

– Как хорошо, что Миу пойдёт со мной, – Хетти счастливо засмеялась, но тут же погрустнела, опустив лицо,– жаль только, что там не будет тебя и отца.

– Может быть, мы уже будем там и встретим тебя. В Стране Вечности тебя ждёт большой город…

– Больше Буто?

– Больше. Там гораздо больше домов и все они высокие, похожие на дворец Владыки Двух Земель; там много еды…

– И я буду всё это видеть? – мечтательно спросила Хетти.

– Конечно, будешь.

– Я даже увижу, как я выгляжу… на кого я похожа…

– Может быть, ты и не будешь такой, как сейчас, ведь твой дух, твой Ка, соединится со своим хранителем. Когда это произойдёт, ты станешь счастливой, как птица ибис с маленьким хохолком…

– Как всё это здорово! А почему мы не можем сразу родиться в Земле Вечности?

– А тогда, как можно понять, насколько прекрасна та жизнь?

– Я уже поняла это! Что ещё я могу понять здесь? Ведь такую, как я, никто не возьмёт замуж; у меня никогда не будет детей, своего дома, где б я пекла лепёшки, плела циновки…

– Ничего, Хетти, – мать горестно вздохнула, – зато в той стране у тебя не будет никаких забот. Только дождись часа, когда Осирис вознесёт ладони, выпуская твое Ка из темницы…

* * *

После ухода Кати Андрей долго смотрел в одну точку. Сегодня, когда он увидел эту девушку вблизи, она показалась ему ещё более знакомой, чем в первый раз, когда растерянно выскочила из подъезда. Откуда это непонятное ощущение, понять он не мог. Неужели он просто видел её в подъезде и так хорошо запомнил? Странно, ведь

не было в ней ничего такого, на что обычно обращают внимание мужчины. А сегодня в этом подростковом ярком свитере она выглядела и вовсе смешно.

…*Ерунда всё это,* – подумал Андрей, словно отряхиваясь от своих мыслей, – *главное, правильно ли я сделал, обнадёжив её? Как отнесётся Володя к тому, что она не умеет печатать?..*

Андрей прошёлся по комнате. Тишина и безделье не расслабляли, а, наоборот, требовали чем-то занять голову. О работе не думалось, потому что пока из Краснодара не придёт новая партия мешков, пристраивать их – занятие неблагодарное и бесполезное. Проблемы надо решать по мере их возникновения – это являлось его принципом на протяжении многих лет. Жизнь настолько непредсказуема, что заранее подстраховаться от всех её изгибов и изломов просто невозможно; не стоит думать и о том, как Володя отнесётся к его выбору. …*Вчера я уже угробил кучу нервов, вырабатывая тактику в битве за увольнение Вики, а, оказалось, что мне ещё и «спасибо» сказали…*

Вообще-то Андрей знал много самых разных вещей, о которых мог бы думать, но они были совсем не тем, к чему хочется возвращаться добровольно. Например, он знал, как обшить грузовик листами брони и таким образом получить вполне приемлемый вариант лёгкого танка. Или, что из карданного вала КамАЗа можно выточить ствол для миномёта, стреляющего штатными армейскими минами, а чтоб напугать противника, достаточно на ствол автомата подвесить обыкновенное ведро – тогда выстрел сразу станет похож на звук танковой пушки…

Для чего всё это могло ему пригодиться, если война закончилась? Он надеялся, что все войны для него уже закончились, но продолжал оставаться солдатом – пожизненным солдатом на все времена, потому что ничего другого в жизни не знал. Хотя, может быть, и знал, но цена всего этого другого оказалась настолько мала, что просто потерялась в бессмысленной кровавой мясорубке.

Из другой жизни он помнил, что если хочешь, чтобы тебя заметили с вертолёта, надо развести костер, называемый «индейский вигвам», а если предстоит пролежать на снегу всю ночь, то лучше разжигать «финский ракатулет» из толстых сосновых брёвен. Ещё он помнил до автоматизма, что надо делать, если перед тобой находится противник с ножом, два противника с двумя ножами, три противника с тремя ножами…

То есть, если анализировать прошлую жизнь, то оказывается, всю её он готовился воевать. Война – это апофеоз его жизни. А теперь войны нет, и ему всего лишь надо решить, будет ли эта странная, неуверенная в себе девушка сидеть в их обшарпанной комнате и отвечать на телефонные звонки. Если б это была та женщина, которую он убил под Дубоссарами, то, наверное, не пришлось бы мучиться таким глупым вопросом.

Андрей вспомнил её счастливый взгляд …*Нет, той женщины больше нет, и она никогда не вернётся!.. Я должен думать только об этой женщине!..* Моргнул, тяжело поднялся из-за стола и подошёл к окну. Тишина угнетала, но Андрей знал, что не бывает просто тишины – бывает затишье перед боем или после боя, а просто тишины не бывает. Скорее бы вернулся Володя, с которым можно отвлечься от прошлого и решать примитивные проблемы, связанные с мешками, выполнять простейшие задания, которые он, тем не менее, считал боевыми…

Усилием воли и фантазии Андрей попытался представить новую секретаршу… как её… Екатерину Алексеевну. Странно, но картинка не получалась. Бумажки будто сами перекладывались на столе, сама поднималась телефонная трубка, сами собой нажимались клавиши, но за столом никого не было. Даже этот ужасный, словно извлечённый из старого чемодана, свитер он не мог представить. Над стулом витало непонятное облако, и сколько Андрей ни вглядывался в него, не мог разглядеть человеческих черт. Облако колыхалось, словно от дуновения ветерка, и тогда в нём проступали то ли ветки незнакомых растений, то ли какой-то мутный поток, который гораздо шире речки Оловянной, Днестра или даже родного батюшки-Дона. Хотя нет, это не могло быть никаким облаком или пейзажем, просто он забыл, как она выглядит и вс.

…*Совершенно идиотское состояние! Как я мог забыть то, что произошло час назад?..* Андрей решил проверить свою память – закрыл глаза и вжал их пальцами, пытаясь добраться до информации, которую сам для себя давно сделал запретной…

…– Выходи, сука, – услышал он собственный голос и почувствовал, что снова стоит на шаткой лестнице и обводит чердак бледно-жёлтым лучом китайского фонарика.

Девушка не пряталась и не пыталась бежать. Она лишь повернулась и отставила в сторону длинную винтовку с оптическим прицелом. Её глаза смотрели совершенно безразлично, словно она не слышала приказа.

– Брось оружие и спускайся! – Андрей направил автомат ей в грудь.

Девушка неловко поднялась – низкий потолок не позволял ей выпрямиться в полный рост. На ней был тренировочный костюм; тёмные волосы забраны в хвост, а глаза… эти чёртовы глаза… неужели она не понимает, что сейчас её убьют?!

– Возьми. Хорошая машина. Жаль, патроны кончились, – она протянула винтовку, держа её за ствол.

Андрей ощутил на прикладе глубокие параллельные зарубки, за каждой из которых скрывалась чья-то непрожитая жизнь. Андрею показалось, что снайперша специально отдала оружие именно таким образом.

– Сколько? – спросил он.

– Тридцать восемь, а что? – голос у неё звучал мягко, с чуть заметным южным выговором.

Андрей представил эти тридцать восемь живых, смеющихся пацанов. Что они делали? Да не важно, но они смеялись и были ещё живыми. Это же целый взвод!

– Ты понимаешь, что с тобой сделают? – он взял девушку за руку, чтоб она не сумела спрыгнуть первой и броситься бежать.

– А что со мной можно сделать? Затрахаете до смерти, а труп бросите на дороге. Как Ингу. На большее фантазии вряд ли хватит. Но моя-то всего одна жизнь, а ваших было тридцать восемь! – их лица оказались совсем близко, и Андрей увидел, как поднялись уголки губ, обнажая ровные зубы, а глаза прищурились. Кажется, в них даже появился блеск… или это просто солнечный луч, заглядывающий в разбитое окно, отразился в темных зрачках. Андрей не нашёлся, что ответить. Она была права, и от этого бессилия поднималась такая злоба, что хотелось тут же, немедленно всадить в неё весь магазин, но что-то мешало это сделать. Странное чувство, совсем не похожее на жалость… Он помнил похожее ощущение с детства, когда в седьмом классе их с экскурсией повезли на место Полтавской битвы, и он увидел огромный черный крест с надписью «Храбрым шведским воинам от русского царя». Лучше бы он накрыл это снайперское гнездо из гранатомета в честном бою!..

Держась за руки, они вышли на улицу и зажмурились от яркого солнца. Остановились. Самое странное, что она и не думала бежать, хотя момент казался самым подходящим. Андрей чуть повернул голову, глядя на её тонкий профиль, полузакрытые глаза и раздувающиеся ноздри, жадно вдыхавшие сухой горячий воздух. Вокруг стояла добрая мирная тишина, нарушаемая лишь кудахтаньем кур и призывными криками кошки, требовавшей любви. Даже руины, оставшиеся после ночного боя, уже не горели, а лишь слегка дымились, выпуская в безоблачное небо голубоватый шлейф. Если б не они и сгоревшие «Жигули» на повороте, всё могло быть совершенно по-другому…

– Куда идти-то? – спросила снайперша, видимо, поняв, что перед смертью не надышишься, а ожидание гораздо хуже, чем сама смерть.

Андрей очнулся, поправил автомат. Металл лязгнул, окончательно возвращая его к реальности.

– Сейчас узнаешь, – он дернул девушку за руку.

– Пальцы сломаешь. Что вцепился? – она усмехнулась, – не бойся, не сбегу.

– Так я и поверил, сука молдавская…

– Сказала, не сбегу! Мне бежать некуда.

– Знаю я эти сказки. У вас тут у всех русские родню поубивали, а вы теперь справедливо мстите, да?

– При чём здесь русские? – девушка пожала плечами, – я – интернатская; мне, вообще, некуда бежать.

Андрей остановился и вдруг увидел, какая она маленькая и хрупкая, ростом чуть больше своей винтовки, которую он нёс в свободной руке, а на груди криво болтался значок «мастер спорта СССР».

– Биатлонистка, что ли? – спросил он. (Эту информацию он почерпнул из газет).

– Какой у нас биатлон? Стендовик, но оно тоже ничего... а почему ты про белые колготки не спрашиваешь? Я читала, у вас пишут, что бабы-снайперы обязательно в белых колготках ходят. Так я специально купила ещё в Кишинёве, – она беззаботно рассмеялась, – на чердаке остались. Думала, когда меня накроют, успею надеть, чтоб не нарушать традицию, но больно неожиданно ты вылез...

– Послушай... – они продолжали стоять посреди деревенской улицы, и если б не автомат и не винтовка, могли б сойти за влюблённых, обсуждающих совместные планы на вечер.

– Меня Оксаной зовут, если интересно.

– Не интересно, – Андрей подумал, что она может никуда и не побежать, а полезет целоваться, и когда, по сценарию, он потащит её в кусты, попытается убить. ...*Наверняка у неё припрятан нож, ведь я даже не обыскал её!..*

– Ну, коли не интересно... – она вздохнула, – тогда слушаю.

– Если русские не сделали тебе ничего плохого, то зачем... – он хотел сказать «ты нас убивала», но не успел.

– А что мне ещё делать? – перебила снайперша, – идти работать? Так всё ведь остановилось. Сейчас все воюют, и я воюю. Мы ж тебе тоже ничего плохого не сделали, но ты пришёл сюда. Тебе платят за это, и мне платят, только гораздо больше.

Андрей не нашёлся, что ответить, ведь он, и правда, пришёл сюда исключительно зарабатывать, потому что маленькая страна Молдова никак не могла угрожать большой и могучей России.

– А ещё ты, наверное, хочешь спросить, – продолжала снайперша, – почему я спокойно стою и не пытаюсь свалить, да?

– Я не дам тебе свалить. Ты убила...

– Дашь, куда ты денешься, – она смеялась так легко и весело, что Андрей чуть не разжал руку, – я ж спортсменка. Ты даже не представляешь, что я умею в постели.

– Мне всё равно...

– Мне тоже, – она кивнула, – а знаешь, почему? Я сейчас тебе расскажу; расскажу, чтоб ты не думал, что победил. Победить нельзя, потому что жизнь вечна.

– Как это? – не понял Андрей.

– Дай сигарету, а то мои там, вместе с колготками остались.

Андрей покрутил головой, думая, как это сделать; потом просто бросил на траву винтовку и достал из кармана пачку.

– Спасибо, – она затянулась, выпуская дым в сторону, – ты веришь в Бога?

– Нет. А ты думаешь, что попадешь в рай? – Андрей почувствовал, насколько мудрее и опытней этой соплячки, которую в спорт-интернате только и научили, что метко стрелять, а в остальном она осталась ребёнком, верящим в сказки.

– Я не попаду в рай, и ты не попадешь, – она снова затянулась, – мы все рано или поздно вернёмся на землю – в прошлое, которого не помним, или в будущее, которого не знаем, но все вернемся. Эта жизнь мне не удалась, поэтому я не боюсь прекратить её.

Андрей почувствовал, что дальше не должен слушать эти бредни – её уверенный голос и спокойный взгляд оказывали какое-то гипнотическое действие. Может, все молдаванки – цыганки, и если в России они выпрашивают у прохожих деньги, то здесь ставки гораздо выше?..

– А вот сейчас мы посмотрим на твою вечную жизнь, – он выпустил руку снайперши и передернул затвор, – иди! Я посмотрю, как ты побежишь, спасая свою шкуру, но я всё равно достану тебя! Я тоже хорошо стреляю.

Снайперша удивленно опустила взгляд на освобожденную руку; пошевелила затекшими пальцами.

– Ты прямо делаешь мне шикарный подарок.

– Беги! Никаких подарков я тебе не делаю!

– Ладно, – она повернулась и медленно пошла по улице.

Андрей смотрел ей вслед и судорожно думал, зачем это сделал? Какая разница, надеется она попасть на небо или вернуться на землю – это её личное сумасшествие. Главное, она убила тридцать восемь хороших молодых ребят, а он, можно сказать, отпустил её.

Расстояние всё увеличивалось, но снайперша продолжала идти так же медленно и уверенно. Мелькнула мысль, что вот так неторопливо и размеренно, словно гуляя, она может в конце концов просто скрыться за горизонтом. Андрей вскинул автомат, но убивать в спину претила солдатская честь. Как сейчас он был зол на себя! Лучше б он застрелил её там, на чердаке!..

– Повернись, чёрт тебя возьми! – крикнул он, – или беги!

Снайперша остановилась и повернулась к нему лицом, хотя находилась рядом с домом, в который запросто могла юркнуть.

– Я же сказала, что мне некуда бежать. Я хочу новую жизнь.

В полной растерянности Андрей опустил автомат. ...*Неужели она не понимает, что жизнь даётся всего одна, и сейчас она потеряет её навсегда?..*

– Я повернулась! Дальше что? – крикнула снайперша.

Андрей почувствовал, что не выдерживает поединка – ещё минута, и он попросит объяснить, какая она бывает, другая жизнь – ведь если разобраться, его собственная ему тоже не очень-то нравилась. Надо было немедленно прекратить это мракобесие! Он вскинул автомат и дал длинную очередь.

Стрелял Андрей исступлённо, словно не видел, что его мишень уже лежит на земле без движения, и остановился, только когда автомат замолчал сам, расстреляв остававшиеся патроны. Опустил оружие, и оно, как указатель направления, ткнулось стволом в землю. ...*Все будем там и нигде больше*... – подумал Андрей с облегчением. Пусть её смерть оказалась менее мучительной, чем желали бы братья-казаки, но она умерла, и в этом суть – он исполнил долг.

Андрей подобрал трофейную винтовку и медленно побрёл к лагерю, но проходя мимо трупа, остановился. Залитый кровью спортивный костюм и рваные раны на груди были зрелищем привычным и обыденным, а, вот, её открытые глаза... они продолжали улыбаться так естественно, будто жизнь и не думала покидать их. Андрей поддёрнул ремень автомата и быстро зашагал прочь – после таких ранений убеждаться, что она мертва, не имело смысла...

– Алло! Подъём! – услышал он жизнерадостный голос; встрепенулся. ...*Неужто я задремал?..* Протер глаза.

– О, чёрт!..

– Что ж ты, Андрей Павлович, по ночам делаешь? – Володя засмеялся и плюхнувшись на стул, тут же достал сигарету.

– Это я так, в воспоминания углубился, – Андрей пригладил волосы, принимая обычное рабочее состояние.

– А я «бабки» привёз, – Володя вывалил на стол несколько толстых упругих пачек, – тебе деньги сейчас нужны?

– Вроде, нет. Кстати, я позавчерашние в сейф кинул.

– Ну, тогда пусть там же лежат, – Володя открыл сейф, – с Краснодаром рассчитаемся и поделим, – он задвинул пачки поглубже и захлопнув дверцу, повернул ключ, – по объявлениям никто, конечно, не приходил?

– Приходили.

– О, как?! – Володя искренне удивился. Уж он-то знал, что нигде, кроме родного подъезда, не клеил никаких объявлений.

– Женщина. Тридцать один год; высшее образование; не красавица, но в работе, по-моему, очень нуждается.

– Так в чём дело? Пусть работает.

– Она компьютера не знает, – Андрей отвернулся, чтоб не видеть реакции, но не услышать её не мог.

– А на фиг она нужна без компьютера? – Володя затушил сигарету, – с роду не думал, что в наше время есть такие дебилки.

По большому счету, Андрей и не ожидал другого ответа, но зачем-то ведь он обнадежил ее...

– Слушай, – сказал он рассудительно, – у нас ведь не так много бумажек. Зато она прямо в нашем подъезде; не замужем – работать может хоть круглосуточно. Подумай, как это удобно.

– Удобно что? Давай тогда лучше включать автоответчик – эффект тот же, а зарплату платить не надо.

– Я, вообще-то, сказал ей, что мы, типа, решим её вопрос... – Андрей бросил последний, самый мелкий козырь.

– Значит, скажи, что не решили. Ты пойми, нам нужен секретарь, а не галчонок, который орёт: – Кто там?..

– Она научится. Даже я, дубоголовый солдат, и то научился.

– Во-первых, не такой уж ты дубоголовый, – Володя достал новую сигарету, – а, во-вторых, извини, но кроме распечатки накладных, существует ещё Интернет. Ты не замечал, что Вика там часами висела? Думаешь, откуда всякие Астраханские, Барнаульские, Пензенские клиенты брались? Мы с тобой туда не ездили, правда?

– Ну, нет, так нет, – Андрей вздохнул, – значит, будем ждать кого-нибудь ещё.

– Давай подождём, – Володя подумал, что ему всё-таки придётся расклеить чёртовы объявления, и в сумерках это делать гораздо сподручнее, чем утром, когда все только и делают, что глазеют на тебя, – Вика не приходила? – вспомнил он.

– Нет.

– Вот, сучка. Ну, ладно, трудовая-то её здесь – никуда не денется, – он посмотрел на часы, – завтра Самара приедет, последнее заберут, так что пора в Краснодар звонить – пусть фуру грузят, – он набрал номер, но никто не ответил, – пять часов – там уже не работают. Давай тоже закругляться? Пока не узнаем, когда придёт фура, обещать все равно нечего. Ты идешь?

– А дома чего делать? Я посижу для порядка.

Когда Володя ушёл, Андрей вздохнул, ведь дело было вовсе не в том, что дома ему скучно – там можно спокойно лечь на диван и смотреть телевизор, прыгая с одного канала на другой, а вот здесь как раз заняться нечем, если, конечно, не считать того, что он обещал зайти к Екатерине Алексеевне.

Собственно, в процедуре отказа он не видел ничего особенного – работодатель имеет право выбирать лучшее. Они ж не брали её не по каким-то личностным мотивам, а по профессиональным – то есть совершенно объективно. Но всё равно что-то Андрею в этой ситуации не нравилось, только он никак не мог сообразить, что именно – над ним, словно висела какая-то непонятная вина. Вот только откуда она взялась, ведь вроде всё выглядело абсолютно логично…

Он долго сидел, закрыв глаза, пытаясь припомнить подробности их разговора… *Разговор, как разговор; в принципе, я ж не брал на себя никаких конкретных обязательств… а тогда в чём дело? Если б, например, она понравилась мне как женщина, другое дело. Но она же… никакая… существо в юбке. Тогда что, чёрт возьми?! Почему других я могу вообще не замечать, а эту…* Андрей открыл глаза, разглядывая жирное пятно на обоях. *…Почему я не могу тупо подняться к ней и сказать: – Мадам, вы нам не подходите; закрыть дверь и забыть навсегда? Что это – жалость? Забота? Какая, к чёрту, забота?.. О ком? О человеке, которого первый раз видишь? Их столько стоит на улице с протянутой рукой, и почему-то никогда не возникает желание кинуть им монетку!..*

Нет, можно, конечно, пустить всё на самотек; никуда не ходить, ничего не объяснять – авось, сама поймёт… как сейчас говорят, типа, не прошла кастинг, но это не выход. Как я не люблю это ощущение незавершённости, двойственности… приказы должны выполняться точно! В этом заключается поступательное движение в развитии цивилизации – в противном случае, в мире наступит хаос и неразберихa… а чем дольше взвешиваешь «за» и «против», тем сложнее выполнить приказ!.. Эту истину Андрей усвоил ещё в училище, и потому всегда старался направлять мыслительные усилия на нечто абстрактное, а не на то, что непременно должен исполнить. Только сейчас почему-то не получалось.

Не одеваясь, он вышел из офиса, поднялся на четвёртый этаж и вдруг почувствовал, что все его терзания непонятным образом исчезли. Как страх, который не даёт уснуть в ночь перед атакой, а потом пропадает сам собой, едва увидишь лица солдат и туманную высоту – ею надо либо овладеть, либо умереть.

…Всё-таки Устав – великая книга, а воинская дисциплина – высшая степень человеческих отношений!.. Расплывшиеся по палитре сознания краски, сконцентрировались, обретя два таких правильных, привычно понятных цвета – чёрный и белый, а вся философская галиматья сразу провалилась в бесцветную, бездонную пропасть между ними.

Пока Андрей держал кнопку звонка, успела промелькнуть ещё пара мыслей: *…вот, если никого не оказалось дома, я б оставил записку с временем визита и закрыл вопрос… да в чём вопрос-то? Никакого вопроса нет. Просто кто-то может прыгать с парашютом, а кто-то не может, и больше ничего…*

Дверь неуверенно открылась. В полумраке коридора лица девушки Андрей не мог разглядеть, но в её фигуре угадывалась такая неуверенность и покорность, что он не смог выпалить с порога заранее подготовленную фразу и сразу уйти. Он почувствовал, что должен увидеть её широко распахнутые глаза с огромными зрачками, смотревшие как-то неправильно, словно не видя собеседника; их взгляд не проникал сквозь него, а, вроде, обтекал, собираясь в точке, именуемой «бесконечность».

– Можно войти? – спросил Андрей. *…Господи, зачем я это делаю?! Что мне до её проблем? Она нам не подходит, и точка! Мало ли таких ходит по городу, и что ж теперь?..* Но Катя уже отступила в сторону, освобождая проход; Андрей сделал шаг и остановился. *…Да включи ж свет! Я только посмотрю на тебя!..*

– Проходите. Возьмите тапочки.

Андрей наклонился, и в это время щёлкнул выключатель, но не мог же он бросить наполовину развязанный шнурок, чтоб подняться и впериться ей в глаза! А Катя в это время пошла вглубь квартиры. Она не ждала гостей, поэтому одежда валялась так, как она бросила её во время утренней истерики, а на диване лежал скомканный плед, из-под которого она только что вылезла, потревоженная звонком.

Андрей втиснул ноги в облезлые тапочки. Он видел, как Катя сворачивает плед, аккуратно укладывает его в угол дивана.

– Вы спали? Извините, – сказал он, входя в комнату.

– Просто лежала. Зябко как-то, – девушка повернулась, и Андрей решил, что она всё прекрасно понимает и можно, вообще, ничего не говорить. Но зачем тогда он пришёл и что теперь должен делать?.. Тут же обуться и уйти?.. Глупо.

– Садитесь, – Катя пододвинула стул.

– Спасибо. Знаете... всё-таки без компьютера вы вряд ли сможете у нас работать, – Андрей видел, как дрогнули её губы, но глаза... эти ни на что не реагирующие глаза заглядывали ему за спину печально и внимательно. Что они могли рассматривать на книжной полке? Неужто она заметила там нечто, привлёкшее внимание сильнее, чем то, что ей отказывают в работе? А, может, они не видели ничего... то есть, вообще, ничего?..

– Но вы не расстраивайтесь – окончите какие-нибудь курсы, а мы пока временно...

Катя отрицательно покачала головой, и Андрей остановился, не закончив фразу.

– Почему? Сейчас их на каждом углу пруд пруди.

Катя стеснялась признаться, что на курсы у неё нет денег и заканчивая беспредметный разговор, просто сказала:

– Спасибо вам за всё.

Андрей ничего не понял, а когда он чего-то не понимал, то начинал чувствовать себя неуютно. Да, собственно, что ему ещё здесь делать? Миссию он выполнил – даже сумел предложить какой-никакой вариант. Он поднялся.

– Вы э-э... – имя девушки вдруг вылетело из головы, – всё-таки прикиньте; там учиться всего пару месяцев...

– Хорошо, – Катя подумала, что сейчас он уйдёт, и жизнь закончится. Да, он не смог дать ей работу, но одно присутствие человека, который пытается тебе помочь, рождало, если не уверенность в будущем, то, по крайней мере, уничтожало чувство безысходности и абсолютной ненужности. Она смотрела на расплывающееся лицо Андрея и пыталась его запомнить, чтоб потом, может быть, он являлся в её снах, успокаивая, участвуя в создании новой радостной жизни. Удержать его она не могла; да, и зачем? Реальный, он уже сделал для неё всё, что мог...

– Вы уж извините, что так получилось, – Катя тоже встала.

– Я?! – Андрей искренне удивился, – это вы извините. Надо было указать в объявлении, что знание компьютера обязательно.

– Да, надо было...

Они вышли в коридор. Андрей обулся быстро даже для спешащего человека; Катя к тому времени уже открыла дверь.

– До свидания, – Андрей выскочил на площадку и замедлил шаги, лишь оказавшись перед дверью офиса. *...Какие всё-таки сложные эти неуставные отношения,* – он достал ключ, – *то ли дело, приказ, который надо исполнить, и всё будет правильно. А здесь попробуй, разбери, кто прав, кто виноват...*

Катя выключила свет и прислонилась спиной к двери. *...А, собственно, разве я ждала чего-то другого? Оказывается, ждала. Просто готовила себя к худшему, а сама ждала. Но наступило это «худшее»... С другой стороны, всё просто вернулось на круги своя, к состоянию сегодняшнего утра. Или стало ещё хуже?..* Наверное, стало, потому что на краткий миг перед ней мелькнула надежда, и все проблемы отвалились, как скорлупа, а душа была близка к состоянию полёта... Нет, она не ощущала этого тогда – только сейчас ей стало казаться, что так было. *...А на самом деле ничего из ряда вон выходящего не произошло – просто мне в очередной раз отказали...* Странным было другое – несмотря ни на что, желание распахнуть окно и шагнуть в никуда почему-то исчезло.

...Почему так? Ведь это мой последний запасной выход!.. Пытаясь понять случившуюся метаморфозу, Катя вернулась в комнату и растворила окно, оторвав ленточки бумаги уже подготовившие его к зиме, и уставилась вниз. Вновь попыталась представить своё тело, распростёртое на асфальте, но это зрелище не принесло, ни желаемого облегчения, ни мыслей о выходе из тупика, как было в прошлый раз. Что-то всё-таки поменялось, только она не могла понять, что именно. Неужели человек, с которым она познакомилась лишь утром, так быстро изменил ее мировоззрение? Каким образом? Ведь это обычный работодатель, поступивший точно так же, как поступали до него все остальные.

Она тупо смотрела в одну, в только ей одной видимую точку на асфальте; смотрела долго, пока всё не стало сливаться в единую, серую массу, и только шелест листьев временами усиливался под порывами ветра, заполняя пространство. Казалось, кроме этого звука вокруг не существовало ничего; он звучал в ушах, становясь всё ровнее, будто шумели не жёсткие осенние листья, а нечто мягкое и невесомое...

... – Мы не можем так поступить с ней, – сказал робкий женский голос, – Хетти всё-таки наша дочь.

– Я знаю, что она наша дочь, – ответил мужской, – но по приказу Владыки теперь мы должны будем платить за неё подать, как за полноценного члена семьи. У меня нет столько денег. Мы потеряем дом из-за этого слепыша, который никогда не сможет принести никому пользы. Подумай о нас.

– А что будет с ней, если мы оставим её в камышах, куда так редко заходят люди?

– Не знаю. Но я знаю, что будет с нами, если мы не сделаем этого! А она пойдёт за Осирисом, и у неё будет другая жизнь в Стране Запада. Разве ты сама не говорила, что она хочет этого?

– Да, наверное, ты прав... мужчина всегда прав, – женщина тяжело вздохнула.

Хетти слышала этот вздох – кажется, он даже заглушил шелест камышей. До её сознания стал доходить разговор родителей, но он не вызвал страха, хотя она понимала, что, скорее всего, больше никогда не вернётся в свой дом и не будет есть горячих лепёшек, только вынутых из печи. А больше всего ей было жаль, что с ней нет кошки Миу – мать ведь обещала, что отдаст ей Миу, когда будет собирать в Страну Запада. Почему она хочет отправить её одну, не дав ни еды, ни питья, ни систру, на которой, кроме неё всё равно никто в доме играть не умеет? А, может, она уже сложила всё это где-нибудь поблизости?.. Хетти ощупала песок вокруг, но пальцы ощутили только крупные влажные крупицы, и еще побеги, толстые и упругие. Наверное, они и назывались «камыш».

Хетти уже хотела сказать, что не надо печалиться, и она согласна уйти в Страну Запада, только боится, что не доберётся туда без еды, но отец, словно прочитав её мысли, сказал:

– Я ей приготовил всё для пути. Надо придумать, где оставить это, ведь она жива и не сможет удержаться, чтоб не поесть – тогда ей ничего не останется в дорогу, так ведь?

...Я смогу! Мне бы только добраться до Страны Запада, где я буду видеть, ничем не отличаясь от других Ка!.. – хотелось крикнуть Хетти, но она боялась показать, что слышит разговор. Ведь отец мог изменить своё решение, и от этого станет хуже всем, поэтому Хетти продолжала сидеть на границе зарослей – там, куда смогла дойти, не путаясь в стеблях, когда отец попросил её выйти из лодки.

...Интересно, они не догадываются, что я их слышу или, наоборот, делают это специально, чтоб я могла подготовиться?.. Она задумалась и пропустила несколько фраз, наверное, самых главных, потому что это были последние фразы. Потом весла ударили по воде, сначала раз, потом второй; нечто с мокрыми изогнутыми боками, называемое «лодка», видимо, удалялось, потому что звук становился все тише и тише, теряясь в шелесте камышей.

Хетти медленно пошла к воде. Если б она могла покинуть этот мир сейчас, немедленно, не испытывая мук, связанных с голодом и жаждой! *...Наверное, надо войти в воду и идти по ней долго-долго. Мать ведь говорила, что Нил очень глубокий и в нём могут утонуть даже все дома Буто. Я буду идти, пока вода не поглотит меня, и тогда меня подберёт солнечный корабль!.. И всё сразу станет по-другому – я буду видеть, куда повезёт меня Анубис... Интересно, как выглядит его голова – голова шакала?..*

Нога Хетти ткнулась во что-то мягкое, и девушка наклонилась; ощупала сверток, от которого пахло лепешками и рыбой. Рядом лежала её систра. Не хватало только кошки Миу...

Серая мгла рассеялась, возвращая неровную поверхность асфальта, пустую, давно не крашенную скамейку у подъезда; только, оказывается, пошёл дождь, а Катя даже не заметила этого. Она подняла голову – тополя продолжали шуметь, дрожа оставшимися мокрыми листочками, и этот звук совсем не походил на тот, что пригрезился ей минуту назад. *...Мало того, что слепая, так ещё начались проблемы со слухом!..* Катя закрыла окно и уселась на диван. Неторопливо тикали часы, отсчитывая время до прихода родителей, и она вдруг почувствовала, что ей абсолютно безразлично, как пройдёт вечер. Она устала каждый день оправдываться за проступки, в которых не была виновата. Тем более конца этим глупым упрёкам и обвинениям не предвиделось, так как сегодня она упустила свой единственный и самый главный шанс.

Мысленно Катя вернулась в неухоженную квартиру на первом этаже, где стоял ненавистный компьютер, сломавший её жизнь, и сидел незнакомый мужчина, к которому она почему-то сразу прониклась доверием. Она попыталась прокрутить время назад и пришла к выводу, что вела себя правильно. Всё равно из этой затеи ничего не могло получиться – похоже, её жизнь запрограммирована на неудачу.

Катя вышла на кухню, удивляясь собственному спокойствию; отрезала толстый кусок хлеба и съела его, запив водой из чайника. Этот «обед» заменил ежедневный пирожок. Потом придёт мать и чем-нибудь покормит её – здесь уж выбирать не приходилось.

Вернувшись в комнату, Катя обвела пустым взглядом знакомые вещи; взяла с полки первую попавшуюся книгу и начала читать, но события не увлекли её. Что ей до голодной, замёрзшей девушки с красивым именем Франсуаза, прятавшейся в сыром подвале полуразрушенного дома? В конце книги её ждет богатый, респектабельный молодой человек на шикарной машине, который откроет в ней талант певицы и сделает «звездой». Катя знала это, потому что уже читала книгу очень-очень давно. Тогда она даже плакала от умиления. А кто сейчас будет плакать над ней самой?..

Она закрыла книгу, и в это время в двери заворочался ключ. Обычно в такие моменты сердце сжималось; не зная, куда деть бесполезные руки, Катя робко выходила из комнаты, пробормотав «привет», и останавливалась, опустив голову, в ожидании

порции издёвок и оскорблений. Сегодня она никуда не пошла, и сердце её не трепетало от страха. Она вдруг подумала, что всё равно не произойдёт ничего нового, пока не закончится «стошка» *…вернее, оставшиеся восемьдесят рублей. Тогда отец, наверное…* Что он может сделать, она не могла представить. Перед её мысленным взором, словно вновь всколыхнулось серое море, уже переставшее быть асфальтом, но ещё не превратившееся в бесконечное и безжизненное Нечто. Катя продолжала сидеть, тупо глядя на дверь, когда мать заглянула в комнату.

– Добрый вечер. Ты здорова? – спросила она.

– Да, всё нормально.

– Что нового?

Катя отрицательно покачала головой, не желая ничего рассказывать, и мать вздохнув, молча пошла на кухню.

Отец вернулся поздно. С дочерью он даже не стал разговаривать. Видимо, ему надоело повторять свои не приносящие результатов нравоучения, и он, как представляла Катя, просто ждал, когда у неё закончатся деньги, чтоб принять кардинальные меры.

После ужина, прошедшего в гробовом молчании, Катя вернулась в комнату, а за стеной раздалось бормотание телевизора. Герои очередного сериала жизнерадостно страдали в ожидании счастливой развязки, до которой оставалось не менее пятидесяти серий. Катя укрылась пледом и потушила свет, бивший в уставшие за день глаза; попыталась отключиться от назойливых голосов, и ей это почти удалось – она перестала различать слова, превратившиеся в ровный нечленораздельный гул, но никаких мыслей так и не возникало. О чём она могла думать? Снова о бесконечных ларьках, рынках, «сетевом маркетинге» и фирмах, которым совершенно не нужна? Этот замкнутый круг сводил с ума. Катя напрягла воображение, и за стеной очень кстати зазвучала какая-то плавная мелодия…

Из серого тумана стали медленно выплывать кружащиеся пары. Длинные тяжёлые платья касались глянцевого пола. Ноги кавалеров в белых подвязках, то замирали на мгновенье, то вновь начинали незамысловатые, но такие чёткие движения, словно весь зал представлял собой единый организм. Огромные люстры, горевшие сотнями свечей, делали зрелище почти волшебным.

Катя попыталась отыскать в этом круговороте себя. Ей хотелось быть самой красивой, но все дамы казались по-своему хороши, и она никак не могла определиться. Её мысленный взор переносился от одного лица к другому, от одних белых напудренных плеч к другим, и ей казалось, что она не какое-то конкретное лицо, а сам бал, и частица её сидит в каждой из этих женщин. Но так не могло быть. Её очарованное происходящим сознание смутно напоминало об этом, продолжая поиски все более сумбурно и судорожно, вроде кто-то ограничил ее некими временными рамками.

Наконец Катя решилась. Её пленили огромные голубые глаза и светлые волосы, касавшиеся обнажённой спины упругими локонами. Тонкая рука грациозно лежала на тёмно-синем сукне офицерского мундира, а ноги… она не видела, во что они обуты, но туфли должны были быть очень мягкими и удобными. Кавалер обнимал даму за талию, и несмотря на то, что Катя будто чувствовала эту сильную мужскую руку, прикосновение не казалось неприятным. Здесь она не боялась мужчин – наоборот, чуть склонив голову, заглядывала им в лица, видя азартный блеск глаз, и ощущая странный сладковатый запах табака. Хотелось, чтоб танец продолжался вечно и музыканты, сгрудившиеся на небольшом возвышении в углу зала, также до бесконечности играли одну и ту же мелодию…

Проснулась Катя ночью от шума дождя, принявшегося почему-то колотить в окно. Её рука, только что обнимавшая кавалера, высунулась из-под пледа. В комнате было холодно, а далёкий свет фонаря отбрасывал уродливые тени. Сказочный сон рассыпался, вернув её в мир, где очень скоро молчаливый рассвет заставит вновь решать одну-единственную, неразрешимую задачу.

…Если б можно было никогда-никогда не просыпаться, – тоскливо подумала Катя, – *если б эта вторая жизнь могла стать первой… О, Господи, о чём это я? Какая вторая жизнь? Я придумала всю эту ерунду. С таким же успехом я б могла*

вообразить себя на Марсе или в Древней Греции… Она повернулась на бок и почувствовала мешавшую ей одежду – получалось, уже вторую ночь она засыпала не раздеваясь. Такого с ней не случалось раньше.

Катя нехотя встала, застелила постель, разделась и залезла под одеяло, уткнувшись в подушку, сохранявшую еле слышимый запах её духов. Духи эти давно кончились, а запах остался, но не рождал никаких воспоминаний. Это был просто её прежний запах.

Освободившись от матерчатых оков, Катя разметалась по постели, ощущая наготу тела и полную свободу движений. Вот только бал, который она помнила до мельчайших подробностей, не возвращался. Мысли уже стали утренними, зацикленными на поисках проклятой работы.

– Ну, почему?.. Почему всё так?.. – прошептала она, – ведь у меня есть ещё несколько часов, принадлежащих мне…

Постепенно сон всё-таки победил, но он был тяжёлым и безрадостным, не приносящим приятных ассоциаций. Проснувшись после него, Катя уже не чувствовала себя отдохнувшей, готовой к новому дню.

* * *

Когда Андрей уже доставал ключ от офиса, за дверью проснулся телефон. *…Точно, ошиблись. Кому не спится в такую рань?..* Он не спеша повесил кутку, но телефон продолжал упорствовать, будто звонивший совершенно определённо знал, что он уже здесь. Андрей нехотя снял трубку.

– Привет, – послышался торопливый голос Володи, – слушай, у нас начали отопление запускать, и стояк прорвало. Я буду тут с сантехниками заниматься, а сегодня Самара должна приехать. Деньги они привезут, а ты загрузи их и позвони в Краснодар, насчёт следующей отгрузки. Я завтра буду.

– Да без проблем, – в силу несклонности к дипломатии, Андрей старался избегать вопросов, связанных с ценами, а то, что касалось кладовщиков, грузчиков и водителей изначально являлось его вотчиной – с ними не требовалось вести переговоры, а надо разговаривать как с солдатами, иначе толку не будет.

Он положил трубку и увидел, что из факса торчит листок, видимо, пришедший поздно вечером. Оторвав его, Андрей подошёл к окну. Бледные строчки читались с трудом, тем не менее, содержание ему удалось разобрать – некая фирма хотела приобрести двести тысяч мучных мешков по четыре десять. Подпись читалась – Директор Сысоев Ю.В., а вот «шапка» с наименованием, адресом и телефонами смазалась.

…Двести тысяч – это ж целая фура, – Андрей повертел в руках бумажку, – *можно прямо из Краснодара направить, не разгружая… знать бы куда?.. И четыре десять – цена сказочная… да ещё без накладных на складирование, погрузку-разгрузку!..* Поднёс листок ближе к глазам; потом отстранил на вытянутой руке. *…Чёрт, какие-то колосья на фоне то ли каравая, то ли колеса от комбайна… На фиг мне эта символика – лучше бы адрес пропечатался!..*

Андрей так увлёкся исследованиями, что даже вздрогнул, когда телефон зазвонил снова.

– Владимир Иванович? – спросила трубка.

– Андрей Павлович. Владимира Ивановича сегодня не будет.

– Мы из Самары. За мешками. Вы в курсе?

– Конечно.

– Нам Владимир Иванович схему нарисовал, так что минут через сорок будем. Грузиться далеко от офиса? Не заблудимся?

– Я с вами поеду, так что не беспокойтесь. Жду, – Андрей положил трубку. *…Вот и дилемма…* – он уставился на листок, который продолжал держать в руке, – *на складе без меня не отпустят, но и упускать двести тысяч тоже не здорово. Они ж наверняка будут звонить – может, факс не прошёл… Зараза, и надо ж было именно сегодня отопление запускать!.. Нет, без секретаря жить нельзя…*

Он вернулся к окну, задумчиво наблюдая, как ветер тщетно пытается поднять из луж отяжелевшие от влаги листья. Ещё Андрей видел свою машину, мокрую и

блестящую; рядом прошла женщина под кривым зонтиком (похоже, спица сломалась, и капли стекали ей на плечо, оставляя большое тёмное пятно); два пацана чинно проследовали за угол, пряча в руке дымящиеся сигареты; девочка с «хвостиками», торчащими из-под вязаной шапочки, пробежала, весело шлёпая по лужам...

...*Обидно... очень обидно...* – но дальше мысль не шла. Андрей услышал, как хлопнула дверь подъезда и в поле зрения возникла женская фигура в потертой кожаной куртке. Решение пришло по-военному мгновенно – Андрей взобрался на стул и распахнул форточку.

– Катя!!

Девушка удивлённо оглянулась, пытаясь понять, к ней ли обращён возглас, но не увидев вокруг никого, пошла дальше.

– Катя! Подождите минутку! – Андрей не стал орать на весь двор, где находится (во избежание проблем с ЖЭУ они с Володей не афишировали, что квартира снимается под офис); сама же Катя никак не могла сообразить, откуда доносится голос – стена сливалась для неё в сплошную серую преграду, а двор был совершенно безлюден. Тем не менее, она решила всё-таки подождать ту самую «минутку», потому что всё равно никуда не спешила – у неё начинался очередной день дежурных и, скорее всего, безрезультатных поисков.

Не одеваясь, Андрей выскочил на улицу. Катин взгляд, бессмысленно блуждавший по фасаду дома, сфокусировался на быстро приближавшейся фигуре, но выражение лица не изменилось; и лишь когда Андрей оказался совсем близко, она робко улыбнулась.

– Привет, – Андрей перевел дыхание и вдруг сообразил, что не знает, что конкретно собирается предложить – всё-таки работу или просто пару часов посидеть у телефона? Скорее, последний вариант, но для этого между ними должно существовать нечто более доверительное, нежели несостоявшиеся отношения «работодатель – работник».

Они стояли друг против друга, не зная с чего начать. За прошедшие сутки Катя уже свыклась с мыслью, что не будет работать в этой фирме (она даже не успела узнать её название, поэтому фирма осталась безликой, как десятки других, уже отказавших ей). И что же хочет от неё этот человек? Узнать который час или чем она занимается вечером?..

– Извините, – Андрей чувствовал, что выглядит глупо, остановив человека, и не объясняя, зачем это сделал, – я думаю, в будущем мы поможем вам с работой, а сегодня... если вы, конечно, не очень заняты...

– Я не занята, – поспешно сообщила Катя.

– ...Не могли б вы тогда посидеть пару часов в офисе? Понимаете, там должны позвонить, а я сейчас уезжаю... нет, этот день я вам оплачу!..

Катя растерялась. Она не ждала никаких предложений, но вдруг подумала, что даже если он даст ей десять рублей, это всё равно лучше, чем бродить по улицам в надежде неизвестно на что.

– Это очень важно, – Андрей взял её за руку, – а с работой... я ещё попробую... мы что-нибудь придумаем.

Голос у него был уверенный и одновременно просящий – Катя чуть не рассмеялась столь странному сочетанию. Она не понимала, зачем её так долго упрашивать сидеть в тепле и сухости, ожидая неведомого звонка, да ещё получить за это хоть какие-то деньги? ...*Пусть эта «работа» будет продолжаться один день или даже несколько часов...*

– Конечно, я посижу, – она покраснела, будто он делал ей предложение выйти замуж.

– Ну, и отлично! – схватив девушку за руку, Андрей потащил её обратно к подъезду.

Несмотря на то, что Катя была в офисе лишь раз, всё показалось ей настолько знакомым, будто это её собственная комната; даже вещи стояли так, как она сама б расставила их.

– Садитесь, – Андрей отодвинул стул, на котором в прошлый раз сидел сам, и отошёл.

Катя неуверенно села, сложив руки как школьница на первом уроке. Андрею стало весело, и не от её робости, а оттого, что все проблемы разрешились; жизнь вернулась в чётко обозначенное русло, где можно прекрасно ориентироваться и просчитывать дальнейшие действия, а это самое главное.

– Значит, так, – он опустился на подоконник и хлопнул по коленям, – премудростей никаких нет – вот телефон, вот бумага. Если позвонят, спроси кто, откуда, чего хотят и контактный телефон. Если будут передавать факс, в трубке сначала зажужжит, а когда перестанет, нажимаешь эту зелёную кнопку. Дальше он всё сделает сам. Если надо отправить факс, то вставляешь листок сюда, текстом внутрь и нажимаешь ту же кнопку.

– Отправить? – переспросила Катя испуганно, – а что и кому я должна отправить?

– Не знаю, – Андрей пожал плечами, – ну, например, вдруг нам захотят перевести предоплату, но не будут знать, куда. Здесь, – он положил перед Катей листок, – реквизиты. Тупо пошлешь им, а они сами разберутся. Вот, собственно, и всё.

Возникла пауза. Андрею казалось, что он выдал всю необходимую информацию, а больше говорить им было не о чем.

– Сейчас я отъеду, – он посмотрел на часы, – так что командуй. На кухне есть кофе и кажется даже печенье осталось.

– Спасибо, я не хочу.

– Не стесняйся... – он не закончил фразу, потому что в дверь постучали, – всё. Я пошёл; вернусь часа через два-три.

Катя слышала негромкий разговор в коридоре, потом дверь захлопнулась и стало тихо. Она робко взяла бланк с реквизитами. ...*ООО «Пирамида»... а почему «Пирамида», если торгует мешками?..* В памяти возникла картинка из журнала, где на фоне голубого неба и жёлтого песка возвышались треугольные громадины, а на переднем плане стоял верблюд и вокруг группка смеющихся туристов. Странное сочетание, хотя каких только названий не приходилось встречать ей за время своих поисков.

Катя вышла из-за стола – за ним она почему-то чувствовала себя неуютно; заглянула на кухню. На подоконнике стоял электрочайник, который постоянно рекламировали по телевизору, банка кофе и две чашечки с торчащими из них ложками, создававшие иллюзию, будто в помещении есть ещё кто-то, и этот «кто-то» лишь на минутку спрятался, затаился.

Катя вернулась в комнату. ...*Это и есть моя работа?..* Села на «гостевой» стул; обвела взглядом пустые скучные стены. Низкое осеннее солнце било прямо в незашторенное окно, и Катя прикрыла глаза – всё сразу окуталось оранжевым туманом, зато глаза отдыхали. Она положила руки на стол, опустила голову, прижавшись щекой к тыльной стороне ладони. Состояние покоя, будто в конце долгого тяжкого пути, расслабляло. Мир с его проблемами внезапно отступил – она наконец-то могла отдаться самой себе, своим внутренним переживаниям и вдруг подумала, что никаких особенных переживаний у неё и нет; как нет и другой жизни, кроме изматывающих поисков работы. Стало ужасно тоскливо, словно все ушли вперёд по зелёным бескрайним полям, оставив её одну в пустой темноте. Откуда-то издали доносился смех и голоса, а глаза медленно скользили по ровным чёрным стенам, ограничивающим пространство, и нет никакого выхода...

...– Ты, наблюдающий за живущими, которых создал, узри меня и сделай так, чтоб я узрела тебя... – Хетти перевела дыхание, ожидая реакции на свои слова, но тьма перед глазами не рассеялась и даже не сделалась хоть чуточку прозрачней, – ты, отводящий грозу от беспомощных, и делящий года на «до» и «после», почему твои уста молчат? Или то, что произносишь ты, тайна, наполняющая вечность? – Хетти снова сделала паузу и ей показалось, что камыш зашуршал как-то по-другому, вроде, кто-то шел, придавливая ногой стебли. Но, наверное, ей это только показалось – Осирис не может идти весомо и грубо как человек.

– Ты входишь и выходишь, и возвращаешься в поля свои, так возьми и меня с собой. Дозволь мне быть награждённой твоими полями и стать духом там. Позволь мне там есть; позволь мне там пить; позволь мне убирать урожай; позволь мне там любить... – этого выражения Хетти не понимала – кого она могла там любить, если

её мать и отец останутся здесь? Но эти слова являлись частью заклинания, которому учила её мать, и выбросить их она не имела права, – позволь видеть моим глазам, ибо с их помощью я смогу помнить и смогу забывать. Пусть они находятся в моём теле в том же месте, где нахожусь я, и я заново пройду свой путь. Я смогу вкушать пищу, плавать среди озёр и гулять в твоих долинах; я смогу видеть бога Ра на небе, бога Гора на земле и тебя, Великий Осирис, радом со своим духом Ка…

Хетти показалось, что она просит слишком многого, но по-другому её жизнь в Стране Запада окажется сродни земной жизни, а её повторения она никак не желала.

– …О, бесконечно возрождающийся день за днём, дозволь мне жить невредимой и не знать зла, причиняемого мне. Когда я взойду на борт солнечного корабля, дай мне снова радость сердцебиения, свяжи мои сухожилия и мышцы, дай мне снова возможность дышать, а глаза мои пусть станут глазами богини Хатхор, чтоб я могла видеть тебя, о, Великий, способный исполнять желания…

В это время Хетти почувствовала, как чья-то ладонь опустилась ей на голову. От неожиданности она решила, что сейчас умрёт, и все её мечты мгновенно сбудутся; задрожала всем телом, не в силах больше вымолвить ни слова, а рука гладила ее волосы, и с каждым прикосновением Хетти всё яснее чувствовала, что рука шершавая и тёплая, как рука её отца. Ещё она почувствовала незнакомый запах. Она не знала, что именно могло так пахнуть, но это не было запахом бога. Хотя, откуда она могла знать, как пахнут боги?..

– Разве ты не Осирис? – спросила она тихо.

– Нет, – ответил мужской голос.

– А зачем же ты обманываешь меня?

– Я? – мужчина засмеялся. Смех этот казался грубоватым, но в нём не чувствовалось издевки, – я не обманываю тебя. Как я, человек, могу стать Великим Осирисом? Это доступно только Владыке Двух Земель. Он – сын бога и после смерти соединяется с духом своего отца.

– Нет, – Хетти покачала головой,– после того, как мы уйдем в Страну Запада, бог Хнум вновь соединит наше тело, и мы станем частью Осириса, бесконечно возрождающегося день за днём. Ибо нет членов, которые бы не были членами бога.

– Да? – мужчина убрал руку, – может, ты и права, но пока я достаточно молод и силён, поэтому не думаю о встрече с Великими богами. Я знаю, что, когда покину этот мир, мне соберут в дорогу всё необходимое, и я отправлюсь в путь. Тогда боги и укажут мне моё место. Я привык так жить.

Повисла длинная пауза. Хетти больше не слышала незнакомца, но ощущала его присутствие по каким-то понятным лишь слепым признакам.

– Меня зовут Хетти, – сказала она, – а тебя?

– Я – Мерху. Скажи, Хетти, зачем ты собралась на встречу с Осирисом? Разве ты старая и больная, или здесь произойдёт страшная битва, в которой будет много мертвых и раненых?

– Нет, – Хетти печально улыбнулась. Она подумала, что закон её отца твёрже законов битвы и законов болезни, – так должно быть, потому что в этом мире я не нужна никому, а Осирис даст мне новые глаза и новую жизнь…

По тому, как тихонько тренькнула струна, Хетти поняла, что Мерху взял ее систру.

– Ты умеешь играть на этом? – спросил он.

– Да. Это всё, чему я смогла научиться.

– Возьми. Сыграй что-нибудь.

Хетти привычно подняла инструмент и резкие, чуть дребезжащие звуки слились с пением камыша и еле слышным плеском реки.

– Зачем тебе уходить к Осирису? – спросил Мерху, когда она кончила играть, – лучше пойдём со мной. Это неправильно, просить себе новую жизнь, когда у тебя осталось так много этой.

Хетти подняла голову, хотя прекрасно понимала, что не сможет разглядеть его лица и понять, смеётся он над ней или говорит серьёзно.

– И ты будешь платить подать Владыке Двух Земель только за то, что я стану играть тебе на систре?

– Я не плачу податей, Хетти. Я живу далеко отсюда на границе Красной и Чёрной Земли. Там живут солдаты, а они не платят податей.

– Это там, где стоит крепость Семна?

– Да. Откуда ты про неё знаешь?

– Мой отец бывал там. Он рассказывал, что там постоянно дуют горячие ветры и поля не дают всходов.

– У меня всегда есть еда, потому что я самый главный человек в Семне. Мне подчиняются все солдаты, а ветры – да, но к ним можно привыкнуть. Пойдём со мной, Хетти.

– Зачем? Я не смогу печь тебе лепёшки и стирать одежду.

– Мне не надо, чтоб ты делала это. Для этого есть рабыни, которых мы захватываем в Нубии. Я хочу разговаривать с тобой и слушать, как ты играешь, – он снова погладил девушку по голове, и это больше не вызвало в Хетти трепетного ужаса – наоборот, рука показалась сильной и доброй; и ещё она подумала, что из Страны Запада никто никогда не возвращался, поэтому неизвестно, что её там ждёт. Ведь пела же мать песню, чтоб отогнать Ту, Чьё Лицо Смотрит Назад, но, тем не менее, она сумела украсть её глаза. Вдруг и Осирис по каким-либо причинам не захочет вернуть их ей? Тогда зачем она собирается идти в его страну, если не сможет её увидеть? К тому же она всегда туда успеет, если на краю Красной Земли ей сделается совсем плохо. Неужто ей не соберут в дорогу еду и не отдадут систру?..

Хетти осторожно подняла руки и неожиданно коснулась ног Мерху, сразу поняв, где тот стоит; наклонилась, прижав щёку к грубому полотну его накидки.

– Тогда я съем лепёшку, потому что ужасно проголодалась, – и оттого, что она решила использовать запасы, собранные в дорогу, обоим без слов стало ясно, что выбор сделан.

– Ты хочешь? – Хетти нащупала лежавший рядом узелок.

– Нет.

Она отломила кусок остывшей лепешки и двумя руками запихала его в рот…

Телефонный звонок оказался настолько резким и неожиданным, что Катя даже не поняла, откуда она вернулась в реальность – из сладкой полудрёмы, сморившей её переставшее напрягаться сознание, или из своих вечно тягостных мыслей, напоминавших глубокую тёмную яму. Она сама чувствовала, что возникла как-то вдруг, словно заново явившись в этот мир; схватила трубку, чуть не опрокинув сам аппарат.

– Это «ООО Пирамида»?

– Да, – Катя взглянула на листок с реквизитами, убеждаясь, что не ошиблась.

– Мы вчера посылали вам факс. Скажите, когда вы можете поставить мешки, а то у нас остался недельный запас. Через неделю мы остановимся.

Катя настолько растерялась, что не могла произнести ни слова. Глаза её округлились, и она судорожно сглотнула слюну.

– Девушка, вы меня слышите?

– Да-да, конечно… Знаете, – неожиданно нашлась она, – мы занимаемся вашим вопросом… но останавливаться не надо!..

– Это я и сам знаю, – мужчина засмеялся, – так, что? Можно быть уверенными, что в течение недели мешки мы получим?

Катя чуть не ляпнула «да», но вовремя вспомнила наставления Андрея.

– Вы оставьте свой телефон. Мы сегодня же вам перезвоним. Директор сейчас как раз занимается…

– Хорошо, – перебил мужчина, – записывайте.

Катя послушно взяла ручку.

– И ещё, как вас зовут? – она подчеркнула жирной чертой адрес в каком-то ни о чём не говорившем ей городе.

– Юрий Васильевич. Только, девушка, обязательно перезвоните, а то мы будем искать других поставщиков.

– Не надо никого искать – мы перезвоним. До свидания, – положив трубку, Катя испугалась *…А если я что-то перепутала и неправильно записала?.. Нет, я ж не совсем дура!.. Скорее бы возвращался этот…* – она забыла, как зовут её однодневного

начальника. Прошлась по комнате; открыла дверь на кухню. Необходимо было чем-то занять себя, чтоб скоротать ожидание. Она налила в чайник воды и нажала кнопку. Агрегат загудел, и пока она нашла сахар и печенье, отключился. Катя посмотрела на часы. …*Правильно, как раз время моего обеденного пирожка*…

Она уселась у окна, глядя на улицу, и вдыхая горьковатый аромат кофе. Как давно она не пила такой чудесный напиток! Дома все употребляли исключительно чай в серых пакетиках, пахнущий самой обычной травой, а где ещё она бывала, чтоб ей могли предлагать кофе?.. Катя задумалась и даже не услышала, как в замке повернулся ключ.

Андрей возник в дверях неожиданно, но девушка почему-то не испугалась. Наверное потому, что он улыбался.

– Какие новости? – он расстегнул куртку, а Катя тут же вскочила, – сиди, пей. Звонил кто-нибудь?

– Да. Какой-то Юрий Васильевич. Им нужны мешки, иначе через неделю они остановятся. Они уже присылали факс...

– О! Его-то звонка я и ждал! А ты что сказала?

– Я? – Катя с ужасом поняла, что от следующей фразы зависит не только его настроение, но и её дальнейшая судьба, – я сказала... что директор занимается решением их вопроса и сегодня обязательно ему перезвонит... ещё, чтоб он не беспокоился, – она замерла.

– Умница, – Андрей потер ладони, – телефон записала?

– На столе лежит.

– Сейчас мы и займёмся их вопросами.

Катя слышала, как уйдя в комнату, Андрей отодвинул стул. Не спеша допила кофе и сидела, думая, стоит ли идти за ним или лучше не мешать, но потом решила, что раз дверь Андрей не закрыл, значит, скрывать ничего не собирался. Она вошла и села у окна, наблюдая, как шеф сосредоточенно набирает номер. К разговору она не прислушивалась, но по интонации поняла, что всё складывается удачно, и Андрей доволен.

– Срослось, – положив трубку, он откинулся на спинку стула, – хороший сегодня день.

– Я рада...

Сначала Катя действительно обрадовалась, но вдруг подумала, что он говорит об этом дне уже в прошедшем времени, и настроение упало; обвела взглядом комнату, стараясь запомнить её как некий оазис в бессердечной, отторгающей её пустыне.

– На сегодня твой рабочий день закончен, – объявил Андрей, доставая бумажник; извлек оттуда сторублевую купюру, но подумал и добавил еще одну, – возьми.

– Столько?.. – Катя неуверенно взяла деньги, – а за что?

– За то, что ты помогла нам заработать кучу бабла!

…*Господи, неужели все так просто?.. Какой-то один телефонный звонок*… – она не успела продолжить мысль, потому что Андрей посмотрел на часы.

– Уже четыре. Ты так и просидела весь день без обеда?

– Я пила кофе.

– Кофе... – он усмехнулся, – может, сходим, пообедаем?

– Куда пообедаем? – не поняла Катя.

– Какая разница, куда? – Андрей встал, – пойдём.

Катя тоже поднялась. В ее растерянном сознании не возникло ни радости, ни протеста. Она смотрела на две желтоватые бумажки, которые держала в руках, и думала, что чудеса ещё не закончились, и если не противиться судьбе, то та, возможно, ещё понежит её в своих ласковых объятиях.

– Чего задумалась? – Андрей уже стоял в коридоре, застегивая куртку, – или у тебя другие планы?

– Нет-нет!.. Никаких планов у меня нет.

– Тогда идём, – он снял с вешалки её куртку.

Катя медленно подошла, завела назад руки, позволив одеть себя, и подумала, что неплохо бы взглянуть в зеркало, потому что вид у неё, скорее всего, не для публичных

обедов, но потом решила, что всё равно ничего не изменит – ни другой одежды, ни другой косметики у неё не было и даже изменить прическу она не успеет. …*Ну и то? Раз он приглашает её, значит, не так уж жутко я выгляжу*… Эта неожиданная мысль подсказывала, что всё происходящее гораздо приятней придуманного бала, где она столь долго и безуспешно пыталась отыскать себя... не говоря уже о распростертом на асфальте теле.

Андрей, чувствуя напряжённость девушки, видимо, тоже не знал, как себя вести – собственно, в его планы не входило переводить обед в стадию ухаживания или хотя бы проявления мужской заинтересованности. Тем не менее, необъяснимое внутреннее чувство подсказывало, что он должен не просто морально поощрить её за сегодняшний день, но и, вообще, между ними существует нечто общее. Ведь почему-то тогда, во дворе, её фигура показалась ему знакомой. Он уже настраивал себя на то, что завтра будет до последнего биться за неё с Володей. …*Хрен с ним, с этим Интернетом – в конце концов сам научусь и буду помогать ей*…

Они молча вышли во двор.

– Здесь недалеко есть одно очень приличное место.

– Мне всё равно, – Катя почувствовала, что слова прозвучали не те, и смысл фразы получился совсем неправильный. …*Кажется, я совсем разучилась общаться. Лучше вообще молчать*… Конечно, она ведь хотела сказать, что даже если б он предложил ползти на животе в другой конец города, она б и то согласилась, а получилось... Катя вздохнула.

«Приличное место» представляло собой большой стеклянный павильон с наглухо зашторенными окнами. За последнее время такие заведения понастроили практически на каждом свободном куске газона, где раньше помещались всего несколько лавочек для уставших пенсионеров и влюблённых пар.

Зал оказался практически пуст, и имея полную свободу выбора, они прошли в самый дальний, тёмный уголок и уселись за маленький столик для двоих. Ненавязчивая мелодия дополняла ощущение уюта и чего-то богатого и основательного.

Тонконогая девушка в коротеньком красном платьице подала меню. Андрей сразу сосредоточенно углубился в чтение, наконец-то найдя себе полезное занятие. Катя перелистала страницы, глядя в основном не на названия блюд, а в колонку «цена», и закрыла папку. Она догадывалась, что со студенческих времен, когда сдав сессию, вся их компания бежала в «кафешку», много изменилось, но даже не могла предположить, что бутылка напитка «виски» может стоить месячную зарплату её отца.

– Что-нибудь выбрала? – Андрей поднял голову.

– Нет, но я, правда, хочу есть, и буду тебе очень благодарна, если ты меня накормишь. …*Какая бредовая фраза… и какая унизительная*… Хотя к чувству голода она давно успела привыкнуть, однако сейчас почему-то ощутила его особенно остро.

– Понятно, – Андрей повернулся, ища глазами официантку.

Через несколько минут на столе появились большие красивые тарелки с ароматными блюдами, глядя на которые Катя никак не могла определить, мясо это или рыба.

– Ну, за твой первый рабочий день, – Андрей налил в рюмку водки, а в бокал вина.

– За первый и последний, – поправила Катя.

– Я сделаю всё, чтоб он стал не последним, – торжественно произнёс Андрей, поднимая рюмку. Почему-то он чувствовал, что не может бросить эту девушку на произвол судьбы; просто не может, ничем не мотивируя своего желания. …*Если так выглядит любовь*, – вдруг подумал он, – *то на земле не существует чувства более бессмысленного, бесполезного и мешающего нормальной жизни*…

Состояние сытости и лёгкого опьянения настолько расслабляло, что Катю стало клонить в сон. К тому же музыка звучала тихая и убаюкивающая, а свет разливался по залу мягкий и приглушённый... *Только этого не хватало*, – она встрепенулась, – *надо разговаривать, надо что-то делать!*.. Но что она могла рассказать? А глаза закрывались сами собой... и музыка... свет, так похожий на пламя свечей...

– Знаете, – она вспомнила свой ночной бал, – иногда мне кажется, что у нас когда-то была другая жизнь.

– В смысле? – не понял Андрей.

– Ну вроде мы не первый раз живём на земле, и какие-то картинки воспоминаний сохраняются у нас в памяти. Например, я очень часто представляю себя танцующей на балу, в каком-то замке или дворце... странно, – она отвела взгляд, – вы хотели бы, чтоб мы могли жить не одну жизнь?

– Жить не одну жизнь?.. – вопрос оказался настолько неожиданным, что Андрей не сразу осознал, о чём идёт речь.

– Да. Вдруг мы умираем, но не навсегда, а возрождаемся потом в другом месте и в другом времени; и жизнь должна получиться совсем другая. Согласитесь, ведь так и в настоящем жить гораздо легче.

– Так легче умирать, – Андрей вспомнил снайпершу молдаванку. Она говорила о том же, только не спрашивала, а будто знала наверняка. Возникла крамольная мысль: *...А если Катя и есть её новое воплощение? Нет, этого не может быть хотя бы потому, что прошло слишком мало времени – они же обе существовали одновременно. Бред какой-то... а сколько же должно пройти времени? Век?.. Два века?..* Он внимательно смотрел на Катю, пытаясь понять, что в ней так притягивало его, но она расценила его взгляд по-своему.

– Я говорю глупости, да? – спросила она.

– Не знаю, но я уже слышал нечто подобное, причём, в ситуации, когда человеку не имело смысла врать.

– Правда? – Катя обрадовалась, – а интересно, какая жизнь ждёт нас после этой, лучшая или худшая?

– Разве можно это знать?.. – Андрей вдруг вспомнил улыбку на лице снайперши, – хотя, возможно, кто-то и знает...

– А прошлые жизни? Вы никогда не видите их? – воодушевилась Катя, обрадованная самим фактом разговора. Какая разница, что суть его оставалась расплывчатой, если не сказать, бессмысленной, зато тёк он спокойно и ровно, уничтожив неловкое пустое молчание.

– Нет, – Андрей покачал головой, – я вообще не вижу снов. Я ж привык засыпать по команде «отбой» и просыпаться по команде «подъём», – он улыбнулся, – я – вечный солдат и вынужден жить исключительно реальной жизнью.

– А мне так опротивела нынешняя жизнь, что хочется чего-нибудь другого, – Катя вздохнула, – хотя, наверное, вы правы. Всё это я придумала; нахваталась из книжек, а жизнь даётся только одна – настоящая...

– Кофе или мороженое? – спросил Андрей, видя, что тарелки опустели.

– Кофе и побольше сахара, – Катя улыбнулась, но уже не так виновато, как вначале. Они ведь беседовали не о работе, деньгах, а, значит, не такое уж она пустое место!

Вместе с кофе принесли счёт. Катя поняла, что пора уходить, и это отрезвило её. Жизни прошлые и будущие растаяли сами собой, оставив незыблемым единственный вопрос, который ей хотелось бы решить сейчас, пока они не покинули этот объединяющий их мирок – что будет завтра? Но Андрей уже сунул в меню несколько купюр и вопросительно смотрел на Катю, ожидая, пока она встанет первой.

На улице стемнело. Воздух перестал быть прозрачным, а листья из весёлых жёлтых лоскутков превратились в грязные тряпки, плавающие в холодных лужах. Сразу сделалось зябко. Или, может, так казалось после тёплого уютного зала. Катя почувствовала себя ужасно одиноко, а Андрей шёл рядом, засунув руки в карманы и глядя себе под ноги. Лишь однажды он слегка поддержал её за локоть, направляя на сухую дорожку, когда сослепу она чуть не шагнула в глубокую заполненную водой выбоину. Всё произошло так мимолетно, что Катя даже не успела понять, приятна ли ей эта мужская рука или лучше, как раньше, брести одной, сосредоточенно выбирая путь.

Они свернули во двор, и почти сразу из полумрака возникла невысокая худощавая фигура.

– Братан, закурить не найдётся?

– Не курю, – ответил Андрей, не останавливаясь.

– Чего, жалко, да?

– Я ж сказал, не курю. Бросил год назад, – повторил он, замедляя шаг, – я что, неясно выражаюсь?

– Ах, ты ещё выражаешься?! Пацаны, я тут не понял!.. – возопил он, и Катя увидела три тёмные фигуры. Они приближались настолько быстро и уверенно, что она даже не успела сойти с их дороги. Резкий толчок в грудь заставил её отшатнуться; ноги заскользили по мокрым листьям. Катя почувствовала, что падает навзничь, не успев ни сгруппироваться, ни хотя бы подставить руку. Голова откинулась назад, ударившись о бордюрный камень; перед глазами потемнело, а в ушах возник странный гул, похожий на шелест – такой знакомый, уже слышанный когда-то. Звук обволакивал, оставаясь единственным внешним ощущением среди окружавшей её непроглядной ночи. Потом возник запах – запах воды и прелых листьев (рука чувствовала их противную скользкую поверхность, состоящую из толстых мягких стеблей).

... – Мерху! Мерху, что это?! – позвала Хетти...

Катя понимала, что несмотря на боль в затылке и полную потерю зрения, она жива и лежит в грязной луже, скребя рукой холодные скользкие листья, но самое страшное, что она не могла ни вздохнуть, ни закричать, словно заслонка перекрыла лёгкие. Она чувствовала, как учащается сердцебиение, как пульс колотится в висках, от отсутствия кислорода становясь всё медленнее и тяжелее...

... – Хетти, это нубийцы! Они напали на мой корабль, но мы будем сражаться!

Хетти почувствовала, как лодка закачалась под тяжёлыми шагами. Гортанный торжествующий вопль нарушил относительную тишину, и что-то резко ударило рядом с её головой. Протянув руку, она нащупала тонкую прямую палку, вонзившуюся в борт и догадывалась, что этот предмет называется «стрела» – именно, стрелы посылал разгневанный бог Гор в своего брата Сета...

Рядом рухнуло что-то большое и грузное. Хетти не требовалось ощупывать предмет, она и так знала, что это человеческое тело. Только чьё?..

– О, Осирис, – прошептала она, – владыка вечности и постоянства, чьи обличья разнообразны, а свойства величественны, обрати на меня свой взгляд и даруй мне путь, который я смогу пройти в другом мире. Приди и дай мне власть над моим дыханием, о, владыка ветров. Укрепи меня и дай мне силу, о, создатель богов. Дай мне войти в страну вечности, как это было пожаловано тебе. Да, не будет моё тело обращено в червей. Освободи меня от них так же, как ты освободил себя. Да восстанет жизнь из смерти. Дозволь мне жить и даруй путь, который приведёт меня в другой мир. О, даруй мне путь...

Шум битвы мгновенно стих в Катином сознании. Дыхание сделалось ровнее; тьма стала рассеиваться, являя серые неясные очертания, и от этой неизвестности становилось жутко. Неужели, правда, у неё будет новая жизнь, не похожая на эту? Неужели она больше не будет влачить жалкое, никчёмное существование, оказавшись в другой, неизведанной стране? Она улыбнулась совершенно счастливо...

Два сержанта подняли с земли одного из хулиганов. Он скулил, мотая головой и припадая на правую ногу. Андрей подумал, что, скорее всего, перебил ему голень – просто пьяный придурок пока не чувствует боли. Остальная шпана уже сидела за решёткой милицейского уазика, и только их понуро опущенные затылки виднелись сквозь стекло.

– А ты молодец, – молодой лейтенант, стоявший рядом с Андреем, уважительно покачал головой, – один троих уложил.

– Школа хорошая, – Андрей мрачно усмехнулся, – не на таком дерьме приходилось тренироваться.

– Чечня?

– Нет, но тоже было весело, – Андрей потрогал располосованный рукав куртки.

– Ерунда, – лейтенант попытался, видимо, угадать ход его мыслей, – главное, самого не порезали.

– Да вот, отвлёкся на секунду – она... – Андрей повернулся к Кате, которую врачи укладывали на носилки, – закричала... а слово какое-то знакомое, но странное... о, сир или Осирис...

– Я не знаю такого слова, – лейтенант вздохнул.

Они подошли к машине. Носилки уже загрузили в её чрево, а врач стоял, сдвинув на затылок белую шапочку, и курил.

– Как она? – спросил Андрей.

– Она умерла, – ответил он просто, словно речь шла не о человеческой жизни, а о пачке сигарет.

– Как умерла?.. – у Андрея даже приоткрылся рот.

– Сердце не запустилось. Мы ничего не смогли сделать.

Смерть для Андрея являлась событием привычным – ему приходилось терять и более близких людей, но сейчас он почувствовал, как к горлу подкатывается ком. Вродеё связывало их нечто большее, чем сегодняшний, короткий рабочий день; нечто старинное, не поддающееся временному измерению.

– Можно я посмотрю на неё? – спросил он тихо, и не дожидаясь разрешения, открыл боковую дверцу с большим красным крестом. Голова девушки оказалась прямо перед ним, и он осторожно приподнял простыню, закрывавшую лицо. Катя улыбалась сладко и безмятежно. При жизни ему не удалось увидеть на её лице такой улыбки. … *Почему так*?.. – он вспомнил окраину Дубоссар и совсем другое женское лицо, такое же счастливое и одухотворённое. В растерянности снова опустил простыню и вылез из машины.

– Это ваша жена? – участливо спросил лейтенант.

– Нет, – Андрей автоматически похлопал по карманам в поисках сигарет, – но мне кажется, что мы с ней встречались где-то в прошлых жизнях.

Врач удивлённо поднял глаза на его серьёзное лицо, но ничего не сказал – учение о бессмертии души не входило в программу медицинской академии.